

Литературный Азербайджан

ИЗДАЁТСЯ
с 1931 года

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ - СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ
АЗЕРБАЙДЖАНА

№ 1

СОДЕРЖАНИЕ:

ПРОЗА

Мурад ИБРАГИМБЕКОВ. <i>Шебеке. Повесть</i>	3
Кенжегуль ШИРИНОВА. <i>Хатун хала. Рассказ</i>	70
Марк ВЕРХОВСКИЙ. <i>Эссе</i>	87
Татьяна РУСТАМЛИ. <i>Позволь себе быть Богиней!</i>	118

ПОЭЗИЯ

Рамиз МОВСУМ. <i>Стихи</i>	42
Геннадий САЛАЕВ. <i>Стихи</i>	55
Ибрагим ИЛЬЯСЛЫ. <i>Стихи</i>	65
Ниджат МАМЕДОВ. <i>Непрерывность II. Стихи</i>	101
Сергей ШАУЛОВ. <i>Стихи</i>	132

ПУБЛИЦИСТИКА

Натаван ФАИГГЫЗЫ. «Все, что имея, жажду иметь...»	34
Рафиг НОВРУЗОВ. <i>Магия Азербайджана в произведениях Александра Вельтмана</i>	44
Эмиль АГАЕВ. <i>Когда больница – дом родной</i>	61
Михаил ЯСНОВ. <i>Маленькие заметки о стихах для маленьких, или Игра в стихи</i>	78

2016

Главный редактор	– Солмаз ИБРАГИМОВА
Зам.главного редактора	– Елизавета КАСУМОВА
Ответственный секретарь	– Эльдар ШАРИФОВ-СЕЙШЕЛЬСКИЙ
Литсотрудники	– Диляра БАБАЗАДЕ, Егана МУСТАФАЕВА
Отдел прозы	– Надир АГАСИЕВ
Отдел поэзии	– Алина ТАЛЫБОВА
Отдел публицистики	– Ровшэн КАФАРОВ
Отдел подписки и рекламы	– Джамия ШАРИФОВА тел: (055) 846-98-49
Компьютерная верстка	– Натаван ХАЛИЛОВА
Корректор	– Анна КУЗЁМКИНА
Редакционная коллегия:	Эмиль АГАЕВ, Кямаля АГАЕВА, Гюльрух АЛИБЕЙЛИ, Эльмира АХУНДОВА, Агиль ГАДЖИЕВ, Асиф ГАДЖИЕВ, Шелала ГАСАНЛИ, Александр ГРИЧ (Лос-Анджелес, США), Максуд ИБРАГИМБЕКОВ, Динара КАРАКМАЗЛИ, Сиявуш МАМЕДЗАДЕ, Азер МУСТАФАЗАДЕ, Эльчин ШЫХЛЫ
Литконсультант	– Натиг РАСУЛЗАДЕ

Журнал зарегистрирован 19.04.96 г в Министерстве печати и информации Азербайджанской Республики

Регистр. № 352

Адрес редакции:

AZ 1000, Баку, ул.Хагани, 53

Электронный адрес: litaz@box.az

Тел: 493-75-81

Подписано в печать 24.12.2015г.

Бумага офсетная. Формат 70x100 1/16

Печать офсетная, 8.25 печ. л.

Тираж 400

Отпечатано в типографии «OL»НКРТ ММС

Тел.: 497-36-23

Адрес: ул. Мирзы Ибрагимова, 43

ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКАХ ССЫЛКА НА ЖУРНАЛ ОБЯЗАТЕЛЬНА

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Ранее опубликованные произведения редакцией не рассматриваются

Во всех случаях полиграфического брака в экземплярах журнала обращаться в типографию «OL»НКРТ ММС

© «Литературный Азербайджан», 2016 г.

МУРАД ИБРАГИМБЕКОВ

Ш Е Б Е К Е

Повесть о народном промысле и блаженном цесаревиче Кериме

«Если бы не было других древних сооружений в Азербайджане, то было бы достаточно показать всему миру только Дворец шекинских ханов».

Н.Хикмет

Блокнот, хранящийся в запасниках ярославского музея истории, был датирован первой половиной XIX века. В хранилище он поступил в 1925 году, в числе прочих предметов старины, конфискованных из частных антикварных коллекций и салонов города. Бывший владелец установлен не был. С тех пор вещь эта находилась среди других потенциальных экспонатов, не востребованных для публичного показа ввиду их невысокой исторической ценности. Последняя инвентаризация была проведена в 1963 году. В описании говорилось: пятидесятистраничный блокнот в темно-синем кожаном переплете, имеются чертежи и наброски здания, на четырех страницах выполнены рисунки, копирующие орнамент ориентального типа, составленный из цветов и птиц, также имеются изображения всадников в национальных восточных одеяниях. Изображения предположительно относятся к периоду русско-персидских войн. Особой художественной ценности не представляет ...

1

Рассказ мальчика Керима о том, как все началось и почему

Я был совсем мал, когда мой отец сообщил мне, что собирается построить дворец. Я очень обрадовался этому известию и поинтересовался, сумеем ли мы переехать туда будущим летом. Отец рассмеялся и объяснил мне, что дворцы не строятся за столь короткий срок, и что на это понадобится несколько лет, так что мы переедем туда, когда я буду уже взрослым. Подождать я был не против, по мне и наше нынешнее жилье хорошо. Я только никак не мог уразуметь, чем дворец отличается от дома, в наших краях дворцов отродясь не было, а самым большим сооружением был наш дом в нашей крепости, где мы и жили. Ведь мой отец был государем, а государи всегда живут в крепостях, чтобы их не убили враги. Хотя иногда и крепости не спасают. Например, крепостные стены не уберегли Наджафа – наместника, властителя земель, которые сейчас принадлежат моему отцу, Гусейн-хану.

Его, Наджафа, прирезал мой прадед Гаджи Челеби, сын Гурбана. За то, что он не побоялся расправиться с этим самым Наджафом, люди до сих пор его любят и

чтят его могилу. О прадеде известно много историй, я знаю, что был он искусным воином и мудрым правителем. Прадед и построил нашу крепость, а отец решил построить неподалеку от нее дворец.

Как-то я спросил у отца о высоте крепостных стен, которые будут окружать наш новый дворец, будут ли они такими, как южная стена нашей крепости, локтей шестнадцать, не меньше, или же такими, как северная, та, что стоит над обрывом, локтей восемь. Отец улыбнулся и сказал, что вокруг дворца не будет никаких крепостных стен. Этот ответ очень удивил и расстроил меня, но я постеснялся расспрашивать дальше. Ни капельки не подвергая сомнению правоту отца, я стал задавать вопросы своему учителю Мешади-бею, человеку ученому, многое повидавшему и узнавшему во время своих многочисленных странствий и путешествий.

– Разве бывает так, что государь живет не за крепостной стеной? – допытывался я.

О чем размышлял досточтимый Мешади-бей, когда мальчик Керим задал ему свой вопрос

Прямые исторические аналогии не всегда справедливы, а быть может, и всегда неверны, но сейчас здесь, на севере, далеко от мест, где я прожил долгие годы, не могу не вспомнить времена смуты в Риме, империи, не менее славной и великой, чем та, которой служил всю свою жизнь. Теперь я прежде всего наблюдатель, а наблюдатель должен быть беспристрастным, я и стараюсь по мере сил оставаться таковым. Все больше и больше наши северные провинции, земли когда-то верных нам вассалов напоминают мне романо-варварские королевства, возникшие на руинах великого Рима. Сходство это происходит не только вследствие постоянных войн, происходящих в здешних краях, лишенных единого управления и утративших во многом достижения цивилизации. Сходство заключается в том, что на обломках разоренной и ослабленной империи возникает нечто новое, отличное от привычного и знакомого.

«Придешь – получишь» – что может быть вульгарней и неблагозвучней для названия военной цитадели? Подобное выражение пристало скорее базарному торговцу или крестьянину, однако крепость названа именно так: «Придешь – получишь». Однако, по зрелом размышлении, нельзя не согласиться с тем, что данный топоним точно передает суть того места, где я сейчас проживаю.

Лет двадцать назад повелитель великой персидской империи Надир-шах пытался взять приступом нашу – я уже говорю нашу, как местный, – крепость. Великая армия, которая владела миром, дважды за три года кампании терпела поражение под этими стенами и была вынуждена отступить, закончив поход ни с чем. А вскоре, по возвращении в Хорасан, и сам Надир-шах принял смерть от рук убийц. Не стало грозного правителя, не стало его империи, а маленькая крепость сделалась столицей новой страны. А я, Мешади-бей, некогда достаточно влиятельный и не последний человек при дворе великого шаха, в силу определенных обстоятельств, предопределенных и непреодолимых, сделался секретарем при Гусейн-хане, правителе страны, которую всадник может объехать за пару дней, конечно, при наличии хорошего и выносливого скакуна. Каким бы скромным и неприметным ни было мое нынешнее положение, я не перестаю благодарить за него Всевышнего, участь многих моих коллег в метрополии оказалась куда печальней, но не будем о грустном. У меня есть достаток, мой нынешний хозяин благоволит ко мне, служебные обязанности не в тягость,

а в радость. Помимо государственных дел, государь оказал мне честь, поручив обучение юного наследника, Керима. Мальчику сейчас семь лет, он очень смышлен и любознателен.

«Зачем нам дворец без крепости?» – как-то раз поинтересовался мой ученик.

Гусейн-хан о том, чем разнятся между собой города и прочие населенные пункты

Мой дед построил эту крепость, и он обязательно построил бы дворец, если бы был жив. Он просто не сумел бы без него обойтись. Когда я прихожу на пятничную молитву в мечеть, не в ту, которая построена мною в память о моем покойном дяде Агакиши, убитом предателями, а в ту, что находится на склоне холма за крепостными стенами, возле северного моста, всякий раз смотрю на плиту, под которой покоится прах моего деда. Мы не поклоняемся могилам, как это принято у неверных, но нет в том греха, чтобы прочитать надпись на плите в храме и прикоснуться к ней ладонью: «Правитель Шеки, правитель Ширвана, Гаджи Челеби султан Гурбан оглу, 1162 год хиджры». Если быть до конца откровенным, в данной надписи есть некая фактологическая неточность, дед так и не стал правителем Ширвана, смерть помешала ему вступить в свои законные права на соседнее царство, поэтому я, Гусейн-хан, – правитель Шеки, одного Шеки. Обидно, конечно.

Может, мой город и небольшой, Мешади рассказывал, что есть города намного больше и богаче, конечно, он не говорил об этом прямо, его навыки сановника и природная деликатность не позволяют ему произнести что-либо, могущее вызвать неудовольствие его государя, но со мной он вполне искренен. Так вот, несмотря на небольшие размеры, Шеки в добротности и комфорте жизни не уступает другим городам, живем мы вполне зажиточно и не бедствуем, некоторые наши соседи вполне могут нам позавидовать, что они, надо сказать, и делают. В какой-то момент моей жизни мне захотелось получить для своего города нечто такое, чего нет в других городах и землях, то, что отличало бы его от других городов. Возьмем, к примеру, Ардебиль, город не больше моего, и живут там, по рассказам купцов, приходящих к нам с караванами, не богаче нас, а что касается товаров, то они на наших базарах разнообразней и дешевле, и караван-сарай наши удобней и просторней. А все же любой правовеверный знает о книгах, хранящихся в Ардебиле, их там великое множество, и путники порой приезжают туда не ради выгоды и торговой корысти, а чтобы посмотреть на их библиотеку. Я решил построить дворец, где мог бы на старости лет жить сам, принимать послов других государей, как подобает правителю-сюзерену, а не вассалу, и знать, что здания, подобному этому, нет нигде на свете. Не один год мы наводили справки о мастерах, пока не выбрали зодчего, отзывы о котором людей сведущих давали основание полагать, что он справится с возложенной на него задачей, его-то и решено было нанять. Мне нужен был не просто зодчий. Искусных строителей немало и в наших краях, издревле мой народ знал секреты возведения крепостных стен, могущих выдержать удары тяжелых ядер и стенобитных таранов, строительства жилых домов и караван-сараяев, где летом прохладно, а зимой тепло, устремленных в небо минаретов, способных выдержать любую бурю. Но мне нужен был иной строитель.

Я хорошо помню тот день, когда показал приезжему мастеру Аббас-Кули место, где ему следует начать строительство, такой день не забудешь.

Аббас-Кули о людских увлечениях, для архитектора предпочтительных и не очень

Знакомый купец, прибывший из земель шекинского правителя, передал мне небольшую сумму аванса, из которой я с благодарностью заплатил его комиссионные и немедленно стал собираться в дорогу. В тех местах бывать мне еще не приходилось.

В наше время нескончаемых войн человеку моей профессии нелегко найти работу. Можно подумать, что когда война постоянна, то жилье часто разрушают, а значит, строить нужно больше, но это только на первый взгляд. На самом деле, когда войны много, на настоящего мастера, а я, Аббас-Кули – настоящий мастер, у людей, которые могли бы заплатить, всегда не хватает денег.

В день, когда я со своими помощниками прибыл к хану, был праздник. Встретивший нас порученец показал, где мы будем жить. Нам отвели небольшой дом недалеко от крепостных ворот.

Я был представлен Гусейн-хану без промедления, государь изволил посмотреть состязание борцов, оно происходило на том месте, где вскоре мне предстояло начать строительство.

Государь был любезен и милостив со мной, он справился о том, как мы добрались, спросил, нравится ли мне мое новое жилье и не испытываю ли я в чем-либо недостатка. Как и приличествует в подобном случае, я поблагодарил его за внимание. За всю мою жизнь у меня было немало знатных и могущественных заказчиков. И кому, как не мне, знать, как следует общаться с людьми власти. В тот момент, внимая в почтительном поклоне пожеланиям хана, я и подумать не мог, что стройка эта станет главным делом моей жизни.

Я прикидывал, пригоден ли холм, на котором мне предстоит возвести здание, для строительства, ведь государь уже принял решение о месте будущей постройки, а если заказчик хочет чего-то, то его очень трудно разубедить в этом, лучше и не пытаться, в наше время, как я упоминал, нелегко найти хорошую работу.

Место, выбранное государем, мне понравилось: холм и растущие у его подножья два громадных платана, каждый локтей по тридцать высотой. Мне подумалось тогда, что редко здания, сооруженные людьми, могут простоять так долго, как эти величественные деревья возрастом под пятьсот лет.

Моих заказчиков, людей влиятельных и могущественных, роднят знатность и богатство, у кого-то поболее, у кого-то меньше, но вот пристрастия у них бывают разные. Один любит охоту, другой – скачки, кто-то поглощен своей коллекцией соловьев, бывает, что увлечение человека попросту непристойно, но не мне судить об этом. Соответственно, и обстоятельства, при которых заказчик общается со своим архитектором, разнятся. С одним, надо сказать, весьма сведущим в архитектуре вельможей, мне постоянно приходилось уточнять производственные детали в момент допросов различных государственных преступников, тот заказчик был поглощен изучением различных методик следственных дознаний.

Первые четыре беседы об архитектуре прошли гладко, а на пятой, когда я высказал свои скромные суждения по поводу отличия классических дорических колонн от колонн ионических, мой собеседник выскреб у преступника глаз и заставил злодея его съесть. В этот момент выдержка мне изменила, со мной случился досадный казус, я непроизвольно справил малую нужду. Государь был снисходителен и даже подарил мне перстень с весьма недешевым камнем, из-за воспоминаний, с ним свя-

занных, я не ношу его, а отложил на «черный день». К счастью, заказ тот был не очень большой, я восстанавливал оставшиеся от эллинов термы и управился меньше, чем за два года. Кстати, несколько лет спустя я написал об этом, о термах, небольшой трактат.

Разумеется, я бы предпочел, чтобы все мои заказчики коллекционировали певчих птиц, но такое возможно только в раю, а в раю не нужны строители. Вот почему тот факт, что мой новый хозяин увлекается борьбой, меня очень обрадовал, не худший вариант, тем более, что состязание проводилось под музыку. Но радость моя в тот день была недолгой, потому что ни разу за мою карьеру, долгую и успешную, моего работодателя не пытались прирезать прямо у меня на глазах.

Мешади-бей о благотворном влиянии музицирования на удалую забаву

Некоторые варварские обычаи и обряды весьма занимательны, к примеру, местный вид единоборства гулеш, когда борются под аккомпанемент небольшого оркестра, состоящего из трех или пяти музыкантов. На взгляд просвещенного человека, ломать кости ближнему под музыку, пусть даже в честном поединке, достаточно странно.

В то время я еще не сформулировал для себя, в чем был смысл игры музыкантов, много позже я понял, что именно музыка, временами ритмичная, а временами протяжная и заунывная, эстетизировала грубую, животную силу, превращая крестьянскую забаву в нечто большее, я сказал бы, сакральное для этих людей.

Керим о спортивных правилах

Мы не дикари, а потому, когда боремся, соблюдаем правила. Правил этих немного, но соблюдать их следует неукоснительно, ведь мы люди добродетельные, и единоборство для нас не просто забава, а наша традиция, которую надо чтить, как мы почитаем наших предков. Нельзя выдавливать противнику глаза, нельзя выкручивать причинное место, нельзя рвать рот – вот и все правила, ну и, конечно, выходить за круг.

Больше всего на свете я люблю гулеш. Я, конечно, тоже борюсь, но пока никогда не входил в круг, мой первый настоящий поединок состоится через три года. Говорят, что мой прадед Челеби мог переломить человеку хребет, не знаю, я ни разу не слышал об этом от очевидцев, хотя рассказывающие об этом уверяли, что описывали это люди правдивые и честные. Когда я спросил об этом у отца, он ответил, что сам он никогда не сомневался в подлинности этих историй и гордится ими.

В тот день отец приказал устроить состязания возле огромных платанов, на склоне холма, к востоку от главных крепостных ворот.

Это случилось, когда мы подошли к победителю, Безухому Али, любимому борцу отца, он выиграл в трех схватках. Отец спустился к нему с возвышения, на котором мы сидели, прошел сквозь толпу зрителей, расступившуюся перед нами, и по доброму обычаю протянул богатырю золотую монету. И в этот момент я увидел мелькнувший в руках одного из зрителей короткий кинжал, закричал и бросился на незнакомца.

Гусейн-хан о предусмотрительности

Я живу с мыслью о смерти: если Господь дал тебе власть, ты не должен жить по-другому, смерть неизбежна, но она случается и неожиданно, а это может быть смертельно не только для тебя, но и для всего царства. В тот день я не ждал убийц, но каждый день я надеваю под одежду тонкую кольчугу из города Милана, так было и сегодня. Эта вещь, за которую я отдал цену хорошего скакуна, спасла мне жизнь. Их было двое, одного из них, того, который успел нанести мне удар, я заколол сам, а второму помешал мой сын, ребенок без оружия бросился в ноги убийце, тот потерял равновесие, а с ним и несколько мгновений. Злодея схватили.

Мешади-бей о сокровенном

В тот день Безухий Али победил в трех честных схватках с тремя богатырями, достойными и отважными.

В тот день хан Шеки счастливо избежал смерти от рук подлых наемных убийц.

В тот день сын хана, юный Керим, совершил первое деяние в своей жизни, достойное настоящего мужчины.

В тот день мастер Аббас-Кули увидел холм, на котором он возведет дворец, равного которому нет в мире.

В тот день я, Мешади-бей, точно понял, что заговор против моего государя существует.

Я могу признаться в том, о чем я подумал в то мгновение, когда эти псы бросились с кинжалами на государя, только себе и только шепотом. И не потому, что мне страшно, а потому, что мне стыдно. Когда я увидел клинки в руках убийц, подумал не о спасении государя, и даже не о своем ученике, ребенке, который был рядом, что вдвойне постыдно и непростительно, я возрадовался, что не я выдал разрешение этим двум купцам-чужестранцам торговать в нашем городе. Наверно, ремесло царедворца глубинно меняет психику человека, и нельзя его за это осуждать.

2

Аббас-Кули о природных явлениях, которые случаются весьма кстати

Мой господин стоял на втором этаже своего нового дома, и ни одна капля дождя не коснулась его. Как удачно сложилось с ливнем: четыре месяца не было дождей, и в тот самый день, когда государь, решив оказать мне честь – проинспектировать стройку, вошел в недостроенное здание, небеса разверзлись. Конечно, я трепетал при мысли о том, что сверху может полииться, но все обошлось ...

Государь протянул руку в оконный пролет, и крупные капли дождя упали на раскрытую ладонь.

– Я доволен тобой, Аббас-Кули, – сказал он.

Первая чередка стройки была завершена.

Гусейн-хан об изменчивости положения человека

Мастер Аббас-Кули не подвел меня: за лето, не спеша и без лишней суеты, были возведены стены моего нового жилища. И когда через четыре дня после окончания поста хлынул первый ливень, с которым в наши края приходит осень, крыша была готова.

Он был явно горд собой, этот плут, хотя назвать его плутом было бы несправедливо, он мастер, а мастер должен гордиться своим трудом. Гордость его – выгода для меня.

Я протянул руку в оконный проем, и капля дождя упала на мою ладонь.

«Я доволен тобой, Аббас-Кули», – сказал я.

Три года назад был такой же ливень, когда нескончаемые потоки воды обрушились на наши головы, подобные дожди нечасто случаются на моих землях, но тогда я не стоял под крышей своего дома, тогда у меня не было дома, и земель у меня не было. В тот день в крепости было немногочисленно, потому что Агакиши, мой государь и дядя, отправился на встречу с Мохаммед-ханом, отцом своей уважаемой супруги Пери-ханым. Мохаммед-хан со своим отрядом воинов расположился лагерем на расстоянии одного перехода от нашей крепости и послал гонца к досточтимому мужу своей любимой дочери Агакиши-хану с любезным посланием: «Хочу увидеть и обнять тебя в своем шатре, дорогой мой родственник, чтобы вместе мы могли провести эти дни, предаваясь пирам и охоте».

И мой дядя Агакиши отправился в путь. А через три дня после его отъезда Мешади спросил меня: «Досточтимый Гусейн, не хотел бы ты поохотиться?»

Предложение это было весьма неожиданно и меня удивило.

Мешади-бей о быстроте, с которой человек может узнавать новости

В наше время информация, точнее говоря, скорость ее получения, очень ценна. Весть, которую человек узнает раньше других, может спасти жизнь, а может и погубить, вопрос в том, как ею распорядиться.

Местных забавляет моя любовь к голубям, за глаза они зовут меня Мешади-птичник, я не обижаюсь, мое безобидное чудачество не привлекает особого внимания, мне это на руку. В детали я никого не посвящаю, даже моего голубятника, в обязанности которого вменяется чистить птичий домик и кормить моих питомцев, их у меня десять. Он не знает об их умении, все думают, что я просто люблю красочную этих божьих созданий, а между тем никто не догадывается об их истинном предназначении.

На третий день после того, как Агакиши-хан со своим отрядом отбыл на охоту к своему родственнику Мохаммед-хану, ко мне прилетел мой голубь. На свернутом кусочке кожи, который я вынул из капсулы, был изображен всадник, в тело которого был воткнут кинжал. Рисунок был выполнен коряво и неумело, мой доверенный человек не отличался талантом рисовальщика, как, впрочем, и грамотностью, но смысл послания был очевиден. Расстояние, которое всадник преодолевает часов за десять, моя птичка пролетела в два раза быстрее, значит, о смерти Агакиши здесь, в крепости, узнают к вечеру, понял я. Мог ли я промолчать и ждать, пока события начнут развиваться так, как некоторым было бы желательно ?

И кому – некоторым? Ну, уж точно не Гусейн-хану, сыну покойного Хусейн-хана, юноше благородному и умному, но после смерти своего отца лишенному всякого политического влияния. Скорее ситуация будет выгодна его дяде, Абдал-Кадиру, единственному из оставшихся в живых сыновей Челеби-хана. Человек злобный и вспыльчивый, он не любил меня и в короткие свои приезды в Шеки даже не старался скрыть своей уничижительной неприязни ко мне. По-своему он был прав, предводитель отряда из трехсот всадников, разве ровня я ему, изгнанник, жертва интриг более успешных царедворцев другого, далекого и ставшего чужим для меня мира. Однако о смерти своего брата Абдал-Кадир узнает нескоро, пять недель назад отправился он на хадж, а до святых мест путь неблизок. Принять участие в борьбе за трон на первом ее этапе ему не удастся. Вопросы престолонаследия в здешних местах не слишком регулируются законодательством и обычаями, скорее, следует полагаться на вульгарную силу, что, разумеется, относится и к другим царствам, но здесь во времена смуты это проявляется особенно.

Важно узнать весть раньше других, но необходимо время на принятие решения о том, как этой вестью распорядиться, решения, которое может возвысить тебя или погубить, а времени у меня как раз-то и не было. Было у меня часов шесть или того меньше, пока в город, оставшийся без присмотра, войдут отряды тестя скоропостижно скончавшегося государя, и начнется жаркий спор о том, кто займет освободившийся трон. При нежданном дележе власти претендентов принято устранять с перспективой на будущее – разумно, но не вполне гуманно. В этой ситуации у одного из внуков Челеби-хана, пусть и старшего, молодого Гусейна, не было никаких шансов сделаться ханом, напротив, с большой вероятностью он должен был расстаться с жизнью. И тогда я пришел к Гусейн-хану и поинтересовался, нет ли у него настроения отправиться на охоту.

Гусейн-хан о традиционных способах охоты на птиц и зверей

Я очень удивился предложению Мешади, охота никогда не входила в круг его интересов. Тогда я не знал его еще так хорошо, как знаю теперь, и поэтому настойчивость малознакомого чужеземца, состоявшего советником при моем дяде, меня удивила.

– Прикажи, чтобы я сопровождал тебя на охоту, о, благородный Гусейн-хан, мы поднимем грозного медведя, и ты поразишь его своим копьем.

– Мешади, чтобы поднять медведя, нужно много загонщиков, а у меня всего четверо нукеров, один из которых хворает.

– Тогда мы будем охотиться на лань или оленя и полакомимся их нежным мясом.

– Но для такой охоты нужны гончие псы, а у меня их нет.

– Мы могли бы пустить в небо твоего сокола и полюбоваться на то, как стремительно настигает он свою добычу.

– Но весь день льет дождь, кто же охотится с соколом в ливень? – спросил я, теряя терпение. Да и сокола у меня не было, я подарил его своему дяде Агакиши.

– Охоться, как ты того пожелаешь, и на кого угодно душе твоей, с соколом или с собаками, с ловчими или без оных, в ливень или в другую погоду, но для твоей же пользы лучше тебе на время покинуть нашу крепость, потому что Агакиши мертв, – сказал Мешади.

Я любил брата своего покойного отца, Агакиши-хана, но не довелось мне побывать на его погребении. К чему воздавать почести родному мертвому, чтобы самому перестать быть живым? А я точно был бы мертв, не покинь я крепость. Я это точно знал, как знал и то, что с того дня я обязан Мешади жизнью. В тот день я сделал то, что молодые люди моего племени делали всегда, когда у них возникали проблемы с могущественными врагами: я ушел в горы – дань традиции, можно сказать, народный обычай. Я покинул город в ливень, не будучи готовым к странствиям, были со мною два верных человека – Безухий Али и мой сокольничий Мамед без сокола, но с клеткой, в которой было два голубя.

Сорок дней мы скитались по лесам и окрестностям Ширвана, а потом я вернулся сюда и стал царем.

Мешади-бей о том, что компромиссная фигура в политике не всегда оказывается слабой, и о том, что свято место пусто не бывает

Иногда странствующие рыцари становятся царями, обычно это происходит в сказках, в реальной же жизни такое возможно только в том случае, если в скитаниях на чужбине и в последующем воцарении на троне исторического персонажа имеются политическая целесообразность и выгода для определенных властных кругов.

Хуже самой дурной и несправедливой власти может быть только полное отсутствие власти, как таковой. В справедливости подобного утверждения можно было убедиться, когда в городе вечером того же дня, когда Гусейн-хан покинул крепость, появились отряды «безутешного» тестя покойного Агакиши, Мохаммед-хана.

Разумеется, никто не оказал им сопротивления, да и зачем противостоять скорбящим родственникам, прибывшим хоронить члена своей семьи, трагически погибшего на охоте – именно так и трактовалось по официальной версии произошедшее.

Как обстояло дело в реальности, стало ясно не сразу, но со временем мне удалось составить представление о случившемся.

В одной из моих доверительных бесед с Мохаммед-ханом, о которых я расскажу чуть позже, он божился мне, что убийство случилось спонтанно, и что он вовсе не собирался убивать своего зятя Агакиши, к которому, по его же словам, был душевно расположен. Весьма неожиданным для убийцы заявлением оказалось, что зачинщиком ссоры был сам убитый, а он, Мохаммед-хан, просто оказался проворней во владении кинжалом – довод спорный, учитывая, что удар был нанесен в спину. Но, как гласит народная мудрость, в споре всегда мертвый не прав. Выходило, что Агакиши пал жертвой собственной скаредности, ведь когда Мохаммед-хан выдавал за него свою дочь, тот обещал заплатить за нее определенную сумму. Деньги, надо сказать, немалые, даже учитывая красоту Пери-ханым, но не следует забывать и о том, что эта женитьба принесла Мохаммед-хану большие политические дивиденды. Тогда уже у меня возникли некие подозрения относительно мотивов этого вероломного поступка, конечно, между родственниками, тем более не кровными, случаются размолвки, и нередко разногласия эти приводят к насилию, проще говоря, к резне, но подобная меркантильность, граничащая с мелочностью, не укладывается в голове. Не говоря уже о политических последствиях содеянного. Хотя в борьбе за власть временами трудно понять, где кончается политический расчет и начинается обычное человеческое скотство, правильнее было бы сказать, буря страстей, ну, да ладно ...

В тех горах, где правил Мохаммед-хан, земли, пригодной для земледелия, не-

много, люди возводят каменные террасы с насыпной землей, где выращивают чечевицу, урожай которой обычно скуден. Поэтому промышлять жителям тех мест приходится набегами, в коих отличаются они мастерством и умением. Разбойная философия хороша для набега, но непригодна для того, чтобы подчинить себе людей торговли и ремесла, здесь нужно нечто иное. Нужны стабильность, порядок и законность. Не то, чтобы горожане очень любили Агакиши, но все-таки некое подобие вышеречисленного при нем сохранялось.

Хоть Мохаммед-хан и захватил крепость, но скоро стало ясно, что она для него самого стала ловушкой. Разумеется, случилось это не само собой. Как все люди алчные, Мохаммед-хан не отличался способностью просчитывать возможные последствия своих поступков. Хоть он и захватил казну, но вместо того, чтобы, прихватив сокровище, уйти из города, он решил остаться. Вместо того, чтобы платить за съестное, его люди принялись реквизировать продовольствие, попросту, мародерничать. Вместо того, чтобы поддерживать порядок, он не стал пресекать бесчинства.

Искусство набега и разбоя, лучше сказать, воинское дело, известно местному люду неплохо, то, что прибегают они к этому нечасто, объясняется единственно тем, что их основные ремесла и промыслы позволяют им добывать себе пропитание и жить безбедно в спокойствии и комфорте. Торговые караваны прибыльней охранять, чем разорять. Разбой не способствует торговле, а значит, и прогрессу.

Ремесленники и торговцы в здешних местах при определенных обстоятельствах могут представлять весьма серьезную силу. А они, эти обстоятельства, имели место. Терпение местного населения оказалось не бесконечным, то есть, возможно, оно, это терпение, и могло длиться еще долго, но нашлись люди, которые весьма доходчиво объяснили горожанам, что им надо делать и как им следует поступать.

Прямых советов я никому не давал, на нужное людей можно подвигнуть и тонким намеком, а иногда человека можно убедить в том, что идея принадлежит ему, хотя и пришла она к нему извне.

– Разве по совести и закону предков наших не должны править нами потомки Челеби-хана? – вот тот вопрос, которым стали задаваться горожане.

Начались убийства чужаков, каждую ночь кого-то из людей Мохаммед-хана находили мертвым или не находили вовсе. Очень скоро Мохаммед-хан обнаружил, что его отряда недостаточно, чтобы контролировать город и окрестности. Зима в тот год выдалась снежная, он оказался запертым в крепости, которую не мог покинуть. Припасы подходили к концу. Можно сказать, что они закончились.

Рассчитывать на победу, если дело дойдет до прямого столкновения, не мог никто. Нужен был человек, который помог бы решить дело миром. Вышло так, что кандидатуры, лучше моей, не нашлось, ведь, кроме скромных познаний в искусстве дипломатии, у меня не было ни корыстных интересов, ни властных амбиций, ни родственников, которым я хотел бы пособить. Разумеется, я никого не посвящал в секреты своей голубиной переписки.

Гусейн-хан оказался фигурой, которая на тот момент устраивала всех, для местных старший внук Челеби-хана был своим, а для засевшего в крепости Мохаммед-хана и его отряда он мог стать неким гарантом безопасности при их уходе из города.

– Поминки по своему зятю ты справил, возьми приданое, невыплаченное тебе за дочь, и уходи, – передал я ему слова Гусейн-хана при встрече.

Мохаммед-хан поблагодарил меня за участие в деле, выглядел он плохо, сказывалось недоедание. Кстати, о голоде: я вполне уверенно могу опровергнуть слухи

о каннибализме, но после того, как Мохаммед-хан с овдовевшей дочерью и остатками своего отряда ушли, кошек в крепости не осталось. Мы поторговались относительно части казны, которую он унесет с собой в счет невыплаченного долга за его дочь, ни он, ни я не проявили чрезмерного усердия, было не до этого. Тогда-то мне удалось выведать имя того, кто был вдохновителем убийства Агакиши. Видимо, сказалось недоедание, а может, в силу врожденной гнусности Мохаммед-хан был поглощен торгом, а может, сделал это намеренно, но услышал и запомнил я имя арешского султана Мелик-Али. Это же имя услышал я через три года, на допросе убийцы, подосланного к Гусейн-хану.

Вы можете спросить меня, что случилось с уважаемым Абдал-Кадиром, сыном Челеби-хана, который отсутствовал во время описываемых событий? Для него все закончилось благополучно: когда сей благочестивый муж вернулся на родину после богоугодного путешествия, то обнаружил, что престол, о котором он грезил, занят любимым племянником. Племянника этого ни прирезать, ни отравить, ни извести еще каким способом не представлялось возможным. Об этом позаботились трое сыновей Гусейн-хана, Безухий Али и я. Когда праведный Абдал-Кадир понял это точно, он незамедлительно возликовал и сделался верным и преданным слугой своего законного государя. Надо заметить, что отношение его ко мне осталось таким же неприязненным, но я никогда не питал иллюзий насчет того, чтобы изменить его в лучшую сторону, учитывая природную злокозненность этого человека .

*Керим о том, как все происходило на самом деле,
и о том, кем он не станет, когда вырастет*

Я знаю все о скитаниях и странствиях моего отца, о его отваге, о его подвигах, о том, как он стал царем. Как удалые и лихие люди пришли к моему отцу и сказали ему: «Правь нами, о, благородный Гусейн-хан», и как прогнали они подлого душегуба Мохаммед-хана. Я знаю это из песен, которые сложены людьми, а песня не может не быть правдой.

Я родился в тот год, когда отец мой взошел на трон. Моя мать, любимая жена царя Мелек-ханым, умерла, когда я появился на свет. Моя тетя Бегим утверждает, что отец любит меня больше остальных своих сыновей, потому что я был рожден царским сыном, и это был знак свыше, наверно, она права. А может, потому, что отец любил мою мать, тетя Бегим говорит, что она была очень красива.

Конечно, со временем я, может, и смог бы стать царем, на все воля Всевышнего, но, право же, мне самому не хочется, ведь, по зрелом размышлении, для этого мне придется избавиться от трех своих старших братьев: Мохаммед-Хасана, Фатали и Салима, пусть и сводных и мне практически не знакомых, но все же братьев. Если, конечно, они не перемрут сами по себе, что, учитывая их доброе самочувствие и природное долголетие, маловероятно. И это не считая дяди моего отца Абдал-Кадира, а ведь у него тоже есть все основания претендовать на трон. Но даже если я был бы готов заплатить столь чрезмерную цену за власть, я не испытываю особого желания эту власть заполучить. Наверно, это влияние Мешади, так говорит мой отец, он утверждает, что мой учитель привил мне излишнюю тягу к знаниям, что для государя не всегда полезно. Правда, я не понял, говорил ли отец всерьез или подшучивал над своим визирем.

Сказка об искусном плотнике Уста и волшебной решетке

Кто-то был, кого-то не было. Жил в одном городе плотник по имени Уста, делал он из дерева предметы разные, в быту и хозяйстве надобные, которые продавал и этим зарабатывал себе на пропитание. Особо известен Уста был тем, что, кроме всего прочего, мастерил из дерева узорчатые решетки на окна, шебеке называется. Дело это не простое, особого умения требующее.

Точил вначале мастер разные по форме деревянные детали, небольшие, самая крупная – величиной с детскую ладонь, в каждой для крепежа хитрая выемка была, замком называлась, а после крепились те дощечки без гвоздей и смолы клейкой одна к одной в единый узор. Для каждой решетки свой особый узор ажурный был. Из звезд, квадратов и разных многогранников мастер этот рисунок составлял. У людей шебеке эти очень ценились.

Приладит человек эту штукину себе на окно, и сразу тени причудливые появляются. Солнечный свет через узор этот все по-особому освещал, и в доме красивее становилось. На зиму такое окно войлоком закрывали, но если водились у заказчиков деньжата, Уста мог в узор свой слюдяные стеклышки вставить, тогда и зимой на него любоваться можно было. Но зажиточных людей в тех местах немного было, а стекла слюдяные немалых денег стоили, стекло-то редкостью большой было.

Люди говорили, что узоры эти дом от дурного глаза оберегают, будто бы в узорах плотника Уста, во всех этих звездочках и фигурках хитрых волшебство было. Сам мастер Уста человек приземленный был и во всякое подобное не верил. Объяснял просто, что от красоты человеку на душе светло делается, а когда человеку хорошо, то и злым духам и прочим бесам делать нечего, как бы они ни старались учинить какую пакость. Может, так, а может, эдак, точно не скажу.

В один зимний снежный день поздним вечером у дома мастера Уста спешился с коня и постучал в дверь незнакомец, судя по виду, прибыл он издалека. Путник попросился к мастеру Уста на ночлег и, получив согласие, вошел в дом.

Мастер Уста предложил, по закону гостеприимства, разделить с ним ужин, за которым, как велит обычай, они завели неторопливую беседу. Незнакомец был наслышан об умении мастера Уста, что было для того лестно и приятно, но была в том одна странность: путник не сослался в разговоре, как это обычно бывало в подобных случаях, ни на одного человека, от которого был наслышан о мастере. Не упомянул он по имени ни торговца, ни караванщика, ни ремесленника, с которыми связывали бы мастера узы куначества или просто знакомства. На все попытки узнать, откуда незнакомец прибыл, следовали ответы вежливые, но уклончивые. Уже тогда показалось это мастеру странным, но проявлять большую настойчивость в расспросах Уста посчитал для себя неуместным. В конце беседы незнакомец заказал мастеру шебеке. Узор мастер Уста должен был выбрать сам, а стекла незнакомец принес свои. Вытащил он те стекла из своей переметной сумы и перед мастером разложил.

Каждое размером с ладонь, тонкие, но не ломкие, были они шестнадцати цветов, каждого цвета по два стекла. И каждый цвет стекол тех, от темно-синего до ярко-желтого, чудесен был в своей чистоте и прозрачности. Никогда до той поры мастер Уста такого стекла не видал и не знал, что такое бывает.

Утром, когда мастер Уста проснулся, незнакомца в доме уже не было, ушел.

Оставил только стекла да деньги, вперед за работу заплатил. Странность в том

была, что от копыт его коня на снегу следов не осталось, а снег глубок был.

Всегда дотошен и придирчив к труду был мастер Уста, но в тот раз особенно тщательно узор подбирал и дощечки точил. И сделал он шебеке размером один на два локтя. Когда закончил работу и выставил то шебеке на свет, то понял, что никогда прежде такого чуда не видал. Много часов сидел мастер перед своим витражом и любовался на свечение, которое от этих самых стекол исходило, и на узор, который в цвете абсолютно по-иному виделся, словами описать нелегко, на такое смотреть надо. В колдовство мастер Уста, как сказано было, не верил, но когда он на эту вещь глядел, так ему светло и спокойно на душе стало, что он про себя подумал, может, это не просто решетка на окно, а оберег дома, а может, и не дома, а всего города. Как столбы-тотемы в саклях у горцев, что род их охраняют, или громадные камни-бабищи у соседей с равнин, зады коих надо ласкать на весеннее равноденствие и жиром смазывать, чтобы урожай был хорош, как деревья, на которые платки повязывают, чтобы загаданное сбылось, как пальцы-скалы в степи, на срамные места похожие, к которым бездетные женщины-кочевницы ходят и молоко льют, чтобы ребеночек зачался. Подумал мастер Уста: может, и его шебеке, решетка оконная, такую же волшебную силу имеет, а может, и не имеет, а все равно красиво. Но должен же в настоящей красоте свой смысл быть. Никому о смущающих его мыслях мастер не рассказывал, а просто сидел и смотрел на свой разноцветный узор. Оставим мастера в его эстетическом наслаждении, тем более, что продлилось оно недолго.

Джузеппе Амайя о потомках и несбыточных желаниях

Интересно, что будет думать обо мне мой правнук или даже прапраправнук лет через этак двести? Будет ли он жить на нашем острове Мурано и лить стекло, как я? И если да, то кто станут его заказчиками? Иногда человек задается странными вопросами, на которые он никогда не получит ответа.

Тот запрос на образцы цветного витражного стекла, поступивший ко мне в начале шестидесятых, был из мест, о которых раньше мне не приходилось слышать, но пределы мира изменчивы, и человек всегда должен стараться находить новых покупателей для своего товара. Будь благословен наш блистательный город, жители которого, добрые христиане, никогда не отказывали себе в возможности торговать с людьми иной веры.

Мастерская Джузеппе Амайя всегда была известна высочайшим качеством продукции и точностью в сроках выполнения заказов – как для внутреннего, так и для внешних рынков. Конечно, получение выгодного заказа было делом неслучайным, хоть, по моему скромному разумению, моя мастерская и лучшая в Венеции Блистательной, но она не единственная на нашем острове. Я предусмотрительно пообещал своему кузену, служащему торгового дома, весьма щедрые комиссионные. И это справедливо, сложно изготовить стекло для витражей, но и покупателя найти непросто, а покупателю этому товар следует еще и доставить. Во время войн и междоусобиц сделать это ой, как непросто. Торговля – это тоже искусство. Сначала мои доблестные соплеменники доставят груз морским путем, под защитой наших боевых галер, до владений великого султана Мустафы III-го, а там уже наши местные партнеры повезут стекло дальше, через горы, вглубь материка. Путь не короток, но и не так долог, как может показаться, письмо из Венеции, скажем, до города Нюрнберга доходит дня за четыре, а до города на самом краю Ойкумены под названием Шеки – всего за три

месяца. Скорость наших передвижений не может не вызывать восхищения, а у меня и легкую толику грусти.

Мечта человека из-за своей несбыточности не перестает быть менее желанной. всю свою жизнь, с самого детства, я мечтал о путешествиях. Дальними странствиями проникнут сам воздух в моем городе, но не для таких, как я.

Древний запрет хранителям секретов ремесла, мастерам, покидать Венецию можно при желании трактовать, как проявление властями уважения к моей профессии, но от этого не становится легче.

За все время существования нашего города известно о двух случаях, когда мастера стекла без разрешения Тайного совета пустились в странствия. Оба закончились в течение одного года. Первый мастер был заколот кинжалом в Генуе, убийцу, естественно, не нашли, а второй незадачливый путешественник, добравшийся до Неаполя, скоропостижно скончался, отведав пирожных, следствие даже не установило сам факт отравления. Данные подробности не являются секретом. В назидание другим Тайный совет не считает нужным скрывать свои методы. Нам, посвященным в секреты мастерства, запрещено покидать пределы нашего города. Таков закон, а законы следует соблюдать.

Мешади-бей о том, чего нельзя случайно продать, но можно случайно купить

Я списался с нужными людьми, дело оказалось непростым, но меньше, чем через год Аббас-Кули получил требуемые образцы стекол. Стекла и вправду были необычайно хороши.

Меня смущала цена, хоть я и понимал, что купец, доставивший товар, получил его не из первых и даже не из вторых рук, но все же для казны такой расход был бы чрезмерен. Собственно, деньги не составляли большей части податей, которые Гусейн-хан собирал в своих землях, часто люди вносили в казну в счет требуемого налога скот, съестные припасы, выделанную овчину и, в числе многого прочего, производимые в наших владениях шелковые ткани. Люди знающие утверждают, что шелк такого качества, как наш, можно найти только в Китае.

В торговле часто одна сделка влечет за собой другую. Я предложил обменять стекло на товар, который он, купец, впоследствии сможет перепродать с выгодой для себя. Конечно, как для всякого коммерсанта, деньги были бы для него предпочтительней, но я твердо стоял на своем. Не сразу, но нам удалось прийти к соглашению относительно того, как соотносится вес и качество шекинского шелка с качеством и количеством венецианского стекла. Если представить зримо, то выходило по три женских платка тончайшей выделки за стекольную пластину величиной с ладонь и толщиной с верблюжью нить. Обсуждение окончательной цены требует от продавца и покупателя неспешности и обстоятельности, только так они могут не остаться в накладе и получить удовольствие от приятной беседы. В конце нашего разговора мой новый знакомый не упустил случая сделать мне еще одно небольшое предложение.

Купец уверял, что данный товар, в настоящее время упакованный в сундук особого вида, достался ему в счет давнего безнадежного долга, и только по этой причине он, купец, несмотря на очевидную ценность товара, может уступить его с большой скидкой, если, конечно, найдет знатного и богатого покупателя.

Хитрец не упомянул, что в наших краях на подобные вещи просто не может

быть спроса. Возможность сделки лукавый торговец напрямую связывал со мной. Это были рукописные книги с замечательными гравюрами. Язык их был мне знаком. Подумав, я решил показать вещи своему господину.

Керим о языке, на котором не с кем поговорить

Отец всегда учил меня распознавать лесть, что вовсе не сложно в том случае, когда лесть перманентна и является частью традиции и этикета, труднее, когда объективные суждения о твоих способностях приятны для твоего слуха. Мешади уверяет, что у меня потрясающие способности к языкам, и я ему верю. Кроме меня, в нашем городе никто не знает того языка, который меня заставляют зубрить, он называется латынью. Мы занимаемся уже год, каждое утро мы садимся за книгу, и я начинаю читать. Книги – вместилище мудрости, мы чтим их.

В книге, которую читаю я, описывается история народов и царств, существовавших очень давно и уже исчезнувших, она так и называется: «Истории». Написал ее автор по имени Геродот, он умер очень давно. Книга эта не менее увлекательна, чем сказки, которые мне рассказывает моя тетьа Бегим.

Мой учитель утверждает, что знание латыни помогает в изучении других языков далекого и неведомого мне мира.

Сказка о художнике и зеркалах

Кто-то был, кого-то не было, жил на свете художник по имени Яхья.

Мог он нарисовать любое животное и зверя, какие заказчику по душе: леопарда, вцепившегося в лань, буйвола, который сочной травой лакомится, сокола в небе, зайца или тушкана, кого-то выслеживающего, лошадей, скачущих по каким-то своим лошадиным надобностям, цветы разные, произрастающие и выдуманные. Рисовал он с мастерством и умением необычайным. Но больше всего мастер Яхья любил лица изображать, и получалось у него это лучше всего. Рисовал он на стенах караван-сарая, в домах людей зажиточных и к искусству душевно расположенных, бывало, в мечетях, но там только цветы и узоры изображать дозволялось. Ремесло его было востребовано, и без работы Яхья не сидел. На одном месте он не засиживался, но не потому, что была у него к странствиям и переездам тяга, а в силу причины, которую можно было бы назвать непреодолимой. Причиной той были женщины, правильнее было бы сказать, не сами женщины, а излишняя мнительность мужчин, и не всех мужчин, а недоброжелателей и завистников.

Как-то так все время выходило, помимо его воли, что в нарисованных мастере Яхья ликах гурий, пери и прочих сказочных персонажей женского пола всегда была схожесть с женщинами вполне реальными и благополучно здравствующими. И всегда находились мерзавцы, которые указывали на подобное сходство.

К примеру, нарисует Яхья по заказу преуспевающего хозяина караван-сарая сказочную воительницу Нушапери, сидящую у водопада и любующуюся цветением лилий, хорошо нарисует, с душой... И вроде все довольны, и сам заказчик, и посетители любуются в восхищении. А, глядь, поползли слухи, вроде очень эта самая Нушапери, которая только в народных сказках и существует, напоминает уважаемую Матанат-ханым, добродетельную супругу начальника городской стражи.

Изобразит он славящуюся своим умением читать и писать Зулейху-прекрасную,

которая язык зверей и птиц понимала, за ее повседневным занятием, как она львам и тиграм стихотворные газели свои хорошо поставленным голосом декламирует. И сразу, на тебе – опознана, как любимая жена главного сборщика налогов по округу.

Нарисует пери великодушную, которая советы давала отважному витязю Агабале, и ведь вообще не человек, а мифологическое существо – на второй день припрется со своими претензиями и тесаком глава цеха мясников.

И ведь неясно, откуда бралась такая уверенность, ведь вышеупомянутые уважаемые матроны никому из посторонних своих лиц не показывали, только родственникам и близким друзьям дома. Доказательств соитий не было, а могли ли быть, не скажу, художник Яхья скрытен был.

Бывал беззащитный художник бит нещадно, а бывало, и получал удар кинжалом. Сам он малый не промах был и вполне на удар ответить мог, а в рукаве его всегда кинжал припрятан был, да и Бог художника хранил, но приходилось переезжать с места на место. Сколько ни давал Яхья себе зарок не рисовать женщин, ни сказочных, ни реальных, не мог он этот зарок выдержать. Уж очень заказчики упрашивали, в тех краях в то время женские образы в моду вошли, да, по правде сказать, и сам он на женскую красоту падок был.

Оставим художника Яхья на очередной дороге, которую ему Господь уготовил, тем более, что странствовать ему осталось недолго.

Гусейн-хан о том, что он пожелал увидеть на росписях своего дворца

Хотел я, чтобы искусные живописцы нарисовали, как мой дед Челеби-хан говорил с Надир-шахом, царем царей, властителем империи, простирающейся до самого моря-океана. Историю эту рассказывал мне безвременно ушедший в лучший мир мой дядя Агакиши.

Восседал в тот день Надир-шах на павлиньем троне, который добыл себе в индийском походе. После того, как победил Надир-шах в битве за город Дели, принес ему побежденный султан Индии свою корону. Улыбнулся Надир-шах и сказал великодушно: «Корона эта моя по праву, но оставляю я ее тебе». Корону отдал, а трон того султана забрал себе. Павлиньим трон назывался, потому как сделан был в форме раскрытого павлиньего хвоста, изготовлен был из чистого золота и покрыт сплошь камнями драгоценными. В три человеческих роста спинка трона была, и широк он был, чтобы сидеть на нем развалиясь можно было. Восемь волов запрягли в ту повозку с шестью колесами в четыре локтя каждое, на которой трон этот из индийского похода везли, тяжела была поклажа.

Вот на том самом троне и восседал Надир-шах, когда предстал перед ним мой дед Челеби-хан. Не было в тот день на Челеби-хане ни доспехов его серебряных с чудищем на нагруднике, с мордой льва и хвостом, змеем живым извивающимся. Не было мечей его толедской стали, большого – для правой руки, а малого – для левой. Не было папахи из шкурки не родившегося ягненка, который только через две недели белый свет увидеть должен был.

Удавка была на Челеби-хане, петля на шее, а конец – в руках царского палача.

И ведь верно служил Челеби-хан властителю империи, и в походы ходил в дальние земли за повелителя своего, и не единожды ранен был, и земли, отведенные ему, содержал в законе и послушании, и подати и налоги, что требовались для со-

держания армии и прочих государственных нужд и шахских капризов, сполна и вовремя доставлял. А вот ведь в немилость впал. На веке Надир-шаха висела жизнь Челеби-хана, мигнет шах палачу своему и справно шнурок на шее затянется. Палач тот господина своего и без слов понимать приучен был.

Триста вельмож стояли вокруг в полной тишине, дышать не смея, ждали, когда моргнет. Ликовал стоящий среди них подлый и двуличный Наджаф-наместник, стараниями которого и попал дед мой в опалу.

И тут Челеби-хан заговорил, и не был то голос человека, который смерти боится, спокоен и уверен в себе был Челеби-хан. Не стало ни удавки на шее, ни савана, в который его уже обрядили перед тем, как на расправу вести. Говорил о том, что жизнь быстротечна и убить его несложно, но должен предостеречь он своего суверена от людей, которые на него, Челеби-хана, напраслину возвели. К каждому мудрому повелению шаха его корыстный наместник Наджаф прибавляет два своих, ему от того прибыток, а подданным шахским убыток и обнищание. Подданные принадлежат Надир-шаху, и он Челеби-хан, верный слуга его, не может и не должен допускать, чтобы именем царя вершилась несправедливость.

Кто был Челеби? Сколько ханств таких, как наше, могло вместиться в пределах империи Надир-шаха? Не счастье. А говорил как равный с равным, и было в этом ощущение его правоты, а значит, и силы. Убедил он повелителя. Не бывало еще такого в мире, где все перед взглядом Надир-шаха трепетом отзывалось.

Мешади-бей о проницательности Надир-шаха и о славных деяниях, изображение которых не вполне уместно

В юном возрасте, в первый год, когда я был взят в канцелярию двора на должность писца, я имел честь стать очевидцем той беседы, о которой упоминал Гусейн-хан. Могу подтвердить, что ни до, ни после Гаджи Челеби-хана никто из оставшихся в живых не позволял себе подобной вольности с этим весьма непростым в общении историческим персонажем. Случай тот вызвал множество пересудов и разговоров и принес Гаджи Челеби-хану определенную известность и популярность. Не могу не упомянуть, что, по слухам, вечером того же дня, когда произошедшее имело место, у Надир-шаха возникли сомнения в обоснованности проявленного им гуманизма.

– Если этот шекинец Челеби осмеливается перечить мне с петлей на шее, то что он может выкинуть, когда удавка моя его не душит? – ни к кому не обращаясь, спросил грозный правитель.

Нельзя не отдать должное прозорливости этого замечания.

Вскоре по возвращении домой в Шеки Гаджи Челеби-хан поставил окончательную точку в своих политических и финансовых разногласиях с шахским наместником Наджафом, сделал он это посредством нанесения своему оппоненту трех или четырех ударов кинжалом в различные необходимые для жизнедеятельности организма части тела.

В том же году, не мешкая, Гаджи Челеби-хан провел в своем царстве налоговую реформу, оптимизировав выплаты в казну метрополии, попросту говоря, он перестал выплачивать их вовсе. Для того, чтобы убедить Надир-шаха в разумности и необратимости данного нововведения, он наголову разбил его армию в битве у крепости «Придешь – получишь».

В разговоре с Гусейн-ханом я выразил свое скромное мнение о том, что битва

эта есть великое деяние и посему более приличествует для увековечения в росписи дворцового зала. Вслух же о том, что изображение основателя династии с удавкой на шее при дознании о недоимке имперского налога, может, и поучительно для потомков, потому как налоги платить надо, но было бы несколько непочтительно по отношению к этому достойному во всех смыслах историческому деятелю, я не сказал. А битва та славная была, без дураков.

Гусейн-хан о том, что он приказал изобразить на стенах дворца после раздумий

Напиши мне славную битву деда моего Гаджи Челеби-хана. Напиши, как великая армия окружила нашу крепость, и повел Надир-шах осаду по всем правилам воинского знания и искусства. И как растерян был враг, когда защитники ее не стали выжидать за крепостными стенами, а вышли из ворот и вступили в неравный бой с неприятелем. Напиши воинов отважных, и десятников с флажками разноцветными, на каждую сотню свой, и самих сотников опытных и бывалых, а тысячников в нашей армии не было. Напиши рядом с моим дедом Челеби моего отца – Хусейн-ага. Нарисуй его боевой значок на шесте, с которым вел он в атаку своих верных нукеров. Нарисуй в руке его отрубленную голову тысячника шахского, голова та в тот день дело и решила, дрогнул враг, когда увидел, что самый искусный воин Надир-шаха повержен в бою. Я не помню лица своего отца, мал был, когда его лишился, но говорят, что я на него похож.

А еще повелел я написать сцену охоты, как отважные люди гонят диких зверей. Напиши моего любимого дядю Агакиши за этой забавой. Напиши его по моей памяти, я тебе о нем расскажу. Как управлялся он с рогатиной, с которой на медведя ходил, как на скаку тетиву лука натягивал и стрелой своей оленя настигал, как накидывал на мчащуюся лань аркан свой, и не было ему равных в лихости и удали. Я хотел сказать, напиши, как нелюдь убил Агакиши из-за своей алчности и продажности, но не сказал. Пусть в росписи моего дворца дядя в счастье и довольстве пребывает, а с убийцей его я еще поквитаюсь.

Продолжение сказки о художнике Яхья и зеркалах

А художников в тех местах никогда не водилось, не было такой традиции, да и надобность в них отсутствовала.

Шел-шел художник Яхья по дороге и пришел в один город. Решил он разузнать, не нужен ли кому живописец, а художников в тех краях никогда не водилось, не было такой традиции, и надобность в них отсутствовала. Сколько ни спрашивал Яхья о работе, никто интереса не проявлял.

Но тут ему, можно сказать, с работой свезло. Понадобился все же художник, и не кому-нибудь, а самому главному тамошнему везирию.

Ну, обо всем по порядку.

Кто-то был, кого-то не было. Жил в том городе шах, и пожелал тот шах иметь портрет своей красавицы сестры. Вызвал он своего везирия и поручил ему найти художника, который тот заказ исполнит, а после за то, что он лицо царской сестры увидел, повелел он везирию того художника ослепить. Ситуация противоречивая, но в те времена у людей свои представления о приличиях и рамках дозволенного существо-

вали. Но надо сказать, что визирь тот был человеком утонченным, искусство ценил и в живописи разбирался. Потому выкалывать глаза художнику он не хотел, противоречило это его натуре знатока живописи, музыки и поэзии, а отказаться не мог по причине карьерных соображений и собственной безопасности, ведь царь и осерчать мог. Пошел он к себе домой, сел, грустный, на ковер и стал есть финики, потому что никаких других яств организм его в тот день не принимал по причине глубокого душевного расстройства и печали. То есть не то, что благородного визиря выкалывание глаз особо смущало, зрения он за свою жизнь многих лишил, но то другая публика была. Ослеплять ему приходилось злодеев всяких, душегубов, отравителей, предателей да изменников и прочих коллег по непростому ремеслу царедворца, а вот художника – ни разу.

Кушал он, кушал свои финики, и пришла ему в голову идея.

– Да буду пылью я у копыт твоего коня, о, многомудрый, – сказал он на следующее утро во время плановой аудиенции у шаха. – Художника я раздобыл, но таких художников на свете немного, обидно будет мне, если после портрета твоей блистательной сестры, красота которой затмевает солнце и прочие небесные светила, он не сумеет нарисовать тебя во всем блеске твоей славы и удали. Разрывается мое сердце от печали и тревоги, что потомки не сумеют лицезреть твой образ, сохраненный для истории, как пример великого политического деятеля эпохи.

– Грусть твою разделяю, но не печалься, мы найдем еще одного живописца.

– С радостью и готовностью, – воскликнул визирь, – но художники народ ушлый и если прознают о наших порядках, не заманить их уже в твои края ни за какие коврижки. Зачем выкалывать глаза, если они твоей сестры никогда не увидят?

– Действительно незачем, – снисходительно согласился владыка.

– Пусть он нарисует портрет, не видя изображаемого объекта.

– Справится ли? – с сомнением спросил государь в раздумье.

– Справится, если позволим ему увидеть лишь отблеск красоты твоей сестры, очень далекий отблеск, – уточнил хитроумный покровитель живописи.

Заручившись согласием шаха, визирь сговорился с Яхья, и они приступили к работе. Не обманул визирь своего повелителя, да и умысла такого не имел, обманывать, хотел он просто живописцу глаза сохранить. Ни разу этот бродяга на лицо царской сестры не взглянул, иначе ослепила бы его ее красота, да не в возвышенно-поэтическом, а во всамделишном смысле. Посадили красавицу разодетую в одной комнате, а живописца – в другой, спиной друг к другу – для пушей уверенности в целомудренности происходящего процесса, и сказали художнику: «Ну, рисуй». А чтобы составил он представление об объекте изображаемом, выставили они зеркала, да не одно, а несколько, под определенным углом одно к другому. В одно красавица собой любит, другое с того картинку на третье отображает, ну, а уж в четвертое Яхья искоса поглядывает, да и то с опаской. Но все обошлось. Да не просто обошлось, а кончилось грандиозным успехом.

Увидел тот портрет царь громадного города на берегу моря и сразу же в портрет влюбился, посватался, женился на шахской сестре, и жили они долго и счастливо. Брату ее, шаху, отдал он в приданое один из городов своих, ну и, конечно, визирю – почет, уважение и дальнейший непрерываемый рост по карьерной лестнице. Художник же остался жить при царском дворе и нарисовал еще многих политических деятелей и исторических персонажей. Но женщин с той поры рисовал он с неохотой.

Керим о замужестве любимой тетки и семейных неурядицах

Тетка моя, юная Бегим-ханым, стала невестой. Больше года сваты уговаривались, и вот, наконец, пришли к согласию. Мешади приложил много сил, чтобы этот брачный союз состоялся, и очень был доволен, что все, наконец, сошлось. Он объяснил мне, что брак этот очень выгоден для моего отца и для всех нас. Станет юная красавица Бегим-ханым, сестра Гусейн-хана, супругой Фатали-хана, правителя многих земель и города Дербента. Мешади рассказывал мне, что город этот стоит на берегу моря и обнесен громадной стеной шириной в арбу, запряженную двумя волами, а длина ее такова, что путник не может обойти и за целый день.

Вчера прибыли оттуда послы от Фатали-хана, привезли выкуп за тетку мою, Бегим-ханым. Через три дня улицы города выложат коврами, по которым свадебный караван отправится в Дербент, где станет она женой правителя. Мне ее будет не хватать, кроме отца, она единственный родной для меня человек. А пока идет пир, возле великих платанов, перед новым дворцом выставлено угощение для всех жителей города. С жаровен раскаленных раздают всем пришедшим еду по вкусу, здесь тебе и плов из хивинского риса, и хинкал из кукурузной муки, и внутренности бараны, требуха да кишки шкворчащие, в тандырный лаваш завернутые. Всего и не перечесать.

А в самом дворце отец мой принимает послов Фатали-хана. Дворец еще не достроен, и витражи не все на местах своих установлены, и росписи только начаты, но все равно красиво, и для пира дворец вполне пригоден.

Весь род Челеби-хана, прадеда моего, на праздник съехался: сын его почтенный. Абдал-Кадир, дядя отца моего, и три моих старших брата: Мохаммед-Хасан, Салим и Фатали. Каждый привел по отряду из тридцати всадников, будут сопровождать они караван свадебный до пределов владений наших. Отряды эти отец в город не пустил, встали они четырьмя лагерями у крепостных стен, лишь по три нукера от каждого войска на пир допустили.

Родственники ли они мне, по правде? Люди они для меня не близкие, кто я для них? Сын побочной жены моего отца? Лишь один Фатали меня по голове погладил и монету подарил, а остальные и не смотрели вовсе в мою сторону. Смотрели на дворец они, на витражи и росписи, с восторгом смотрели, и восхищение свое на словах выражали, но и зависть свою скрыть не могли. А еще было в людях этих недоумение: зачем это все? Старший брат, Мохаммед-Хасан, даже пошутил, сказал, что почтенный дядя его, Абдал-Кадир, к мастерству архитекторов не восприимчив, потому как понимает, что никакой возможности умыкнуть витражи и росписи у него нет. Сказал, что владеть этим только царь может, а царем любезному родственнику никогда не бывать, так что и завидовать тут нечему. Смех заразительный у Мохаммед-Хасана, все его шутке засмеялись, а Абдал-Кадир волком на него посмотрел. Прав был мой отец, когда обмолвился о том, что с родственниками надо ухо остро держать.

Аббас-Кули о смыслах в архитектуре и повадках архитекторов

Как построить дворец, которого не было еще у людей? Есть два пути, первый – путь лукавства: построить дворец и убедить заказчика в его исключительности; второй путь правды – построить так, как никто не строил до того. В первом случае нужны красноречие и сторонники среди царедворцев, во втором – участие Бога.

Казна небогата, и размеры дворца невелики, строго говоря, строю я не дворец,

правильнее это назвать залом для приема знатных гостей, а не постоянной резиденцией правителя. Каким бы величественным и дорогим ни было возводимое мастером здание, оно должно нести в себе некое послание. Здание – как слепок с космоса, реплика Вселенной, отражение мира, в котором оно создано. Мысль моя такова: важен не размер помещения, а то, как оно видится человеку. Если уж я ограничен в финансировании, то следует применить некий механизм или архитектурный прием, который придаст постройке нечто действительно уникальное и визуально увеличит её помещения. Не я изобрел эту технологию, у местных мастеров узнал это странное слово – шебеке. В пределах Великой Порты нечто подобное делают из камня, мушарабия называется, а в землях германцев – из металла. Сам я не видел, но мне знакомы гравюры с весьма подробным изображением больших витражей. Здесь же мастера делают нечто подобное из дуба или чинары, предварительно высушив и обработав дерево особым способом. Нельзя не отдать должное изысканности создаваемых ими орнаментов, эти узорчатые рамы позволяют солнечному свету проникать в жилище и спасают от холода. Стекла же, которые они иногда используют, у них невысокого качества, мутные. Я представил себе, что было бы, если бы стекла были цветными. Очевидно, что они придали бы залам дворца дополнительный объем, а росписи стен смотрелись бы по-другому. Можно ли создать дворец из света? Можно, если его строит настоящий мастер. А я, Аббас-Кули – настоящий мастер, ну, об этом я уже упоминал. Вопрос был в том, где взять такое количество разноцветного стекла. В свою скромную заслугу я могу поставить не только то, что я это придумал, но и то, что я раздобыл эти стекла. Ведь замысел, даже самый талантливый, не всегда получает зримое воплощение. Я поделился своими соображениями не с государем, нет, я не настолько наивен, чтобы говорить с государем, не заручившись предварительно поддержкой приближенных. Я посвятил в свой план досточтимого визиря Мешади-бея и в ученой беседе убедил его в разумности моего замысла. Разумеется, я не преминул упомянуть, что количество требуемого материала, весьма дорогостоящего, будет определено в соответствии с его пожеланиями. Я, мастер Аббас-Кули, знаю, как говорить с людьми власти.

О том, чем кончилась история мастера Уста и волшебной решетки

Вскоре весть о чудесной решетке с разноцветными стеклами разнеслась по округе, и стали к мастеру Уста приходить люди поглядеть на это чудо. Дивились они увиденному, а были и те, кто мастеру за нее немалые деньги сулил. Но мастер Уста, конечно, предложения подобные отклонял, за решетку уже сполна заплачено было, да если бы и мог, не продал бы, потому как сам на нее постоянно любовался.

А заказчик все не появлялся, уже без малого год прошел, а его все не было. И появилась надежда у мастера Уста, что человек этот никогда за своим шебеке не придет, мало ли, что в дороге случиться может, и не придется это шебеке отдавать. Мысли недобрые были, стыдные, но уж очень хотел мастер, чтобы сгинул этот человек навсегда, а шебеке с разноцветными стеклами у него осталось. А человек тот взял и не сгинул, пришел. Однажды зимним снежным днем постучался он в дверь мастера Уста. На этот раз незнакомец был без коня.

Долго рассматривал незнакомец шебеке, и сквозь свет свечи глядел, и на солнечный свет выставлял, придирчив был, но в конце остался увиденным доволен и мастера сердечно за работу поблагодарил. После спрятал он шебеке в мешок и рем-

нями крепко-накрепко перевязал, и стало сразу в доме мастера Уста безрадостно и уныло, пропал волшебный свет, что от стекол исходил. Очень стало мастеру грустно на душе, но законам гостеприимства он следовать не перестал и принялся готовить ужин. Во время ужина стал мастер Уста выпытывать у гостя, где можно еще такие чудесные стекла раздобыть, но ответа на свой вопрос он не получил, то ли путник сам не знал, то ли говорить не хотел. Тогда, улучив подходящий момент, предложил мастер Уста выкупить шебеке, но незнакомец вежливо, но твердо отказался.

И тут Уста точно понял, что завтра незнакомец уйдет, и никогда он больше этих волшебных стекол не увидит, и мир навсегда останется для него без чудного света, который год украшал его дом и неузнаваемо изменял окружающее.

Легли они спать, незнакомец сразу заснул, а мастер Уста лежал и заснуть не мог. Появилась у него конкретная, простая и нетрудная в осуществлении идея: убить незнакомца и оставить шебеке себе. Сделать это нетрудно было, и кинжал с клинком острым у мастера был, и всякие другие подручные средства, в плотницком ремесле надобные, но и для убийства вполне годные, в доме имелись.

Спал человек крепко, дыхание его было ровным, но это было дыхание гостя. Как можно в своем доме гостя убить? С этой светлой мыслью Уста и заснул.

Наутро, перед тем как отправиться в путь, незнакомец расспросил, какой дорогой ему лучше идти, попрощался и вскоре скрылся из виду.

И остался мастер Уста один, и опять его стали одолевать мысли о том, как шебеке вернуть, подумал он: в доме гостя убить – грех большой, а на путника напасть – тоже грех, но не такой. Собрался он быстро, схватил своё ружье, из которого без промаха бил, и бросился вдогонку. Дорогу человеку он одну указал, по руслу реки, а была еще вторая тропа, по горному хребту, вот по ней-то мастер Уста и побежал. И вскоре увидел вдалеке фигуру путника. Не мешкая, свернул заряд с порохом, забил его шомполом в ружейный ствол, опустил вслед пулю, выбил кремнем огонек, запалил фитиль и стал ждать. Все ближе и ближе путник, прицелился Уста, как на ладони человек виден, для выстрела в самый раз.

Не стал стрелять мастер Уста. Скрылся из виду путник.

Подумал в ту минуту Уста: кто из-за красоты, какой бы она распрекрасной ни была, вправе человека жизни лишать? С этой философской мыслью и отправился он в обратный путь домой. А в это время враз метель началась, снег так сыпал, что дороги разобрать нельзя было, в горах такое случается. С трудом, но добрался мастер Уста до своего дома. Открыл он дверь, а тут раз, в доме незнакомец тот сидит, мастера дожидается, а рядом шебеке его стоит, перед свечой зажженной, и светом своим волшебным происходящее освещает.

– Что же ты, мастер Уста, не убил меня, пока я спал? – спросил человек.

Ничего Уста не ответил.

– Что же ты не убил меня, когда я по дороге шел? – спросил незнакомец.

И тут мастер Уста смолчал.

– Может, недостаточно хорошо твое шебеке, если из-за него ты человека жизни лишить не смог?

– Работу я сделал, как надо, убивать тебя или нет – дело моё, а ты – иблис, бери своё и уходи, я тебя не боюсь, – сказал мастер Уста.

– С чего это ты вдруг решил, что я иблис?

– Только иблис человека так искушать может. А еще в прошлый раз я заметил, что копыта коня твоего следов на снегу не оставили.

Засмеялся незнакомец.

– Эх, Уста, Уста, искушать человека не только иблис умеет, а насчет следов от копыт, может, оно и так, а может, снег их замел, пока ты спал. Работу свою ты хорошо сделал, с душой, а если у мастера душа есть, то и убить он не может, как бы ни старался. Шебеке это я с собой заберу, а свет волшебный от него в твоём доме останется, и со светом этим ты жить будешь и работу свою делать.

Вновь он спрятал шебеке в мешок, но на этот раз свет от волшебных стекол не пропал. Взял человек мешок и вышел за дверь. Очнулся мастер через мгновение, и минуты не прошло, бросился вслед за незнакомцем, а того уже и не видно нигде. И что интересно, следов на снегу опять не было, хоть снег уже идти перестал.

Мешади-бей о делах прошлого, имеющих отношение к настоящему.

Дворец Гусейн-хана, возведенный мастером Аббас-Кули, сделался дворцом царя не тогда, когда мастер Аббас-Кули возвел стены, украсил залы росписями и вставил в оконные проемы витражи из разноцветных стекол, это был всего лишь дом, возведенный с умением и мастерством. Дом этот сделался дворцом, когда те, кто не признавал власти Гусейн-хана, признали ее, а те, кто не признали, предстали перед его судом и были казнены, а тех, кого нельзя было судить, были убиты без суда. Тогда дом этот наполнился сутью власти и стал дворцом в истинном понимании этого слова. На ступенях своего дворца стоял Гусейн-хан и вершил суд над давним врагом своим, арешским султаном Мелик-Али. Долго замышлял тот вассал недоброе против своего законного повелителя, а теперь схвачен и стоит закованный под великими платанами и отвечает за свои умыслы и злодеяния.

– Как хотел ты сделаться ханом Шеки вместо меня, разве предки твои не были нукерами у моей семьи? – спросил Гусейн-хан.

– Разве плохо служили они тебе и твоим предкам?

– Не ты ли подговорил Мохаммед-хана, отца Пери-ханым, убить ее мужа, моего дядю Агакиши?

– Зачем было подговаривать его, Агакиши задолжал приданое за жену, пусть ответит сам Мохаммед-хан.

– Мохаммед-хан уже год как мертв.

– Может, ты и в этом хочешь меня обвинить?

– В этом никто тебя не обвиняет, – улыбнулся Гусейн-хан. – Тебя обвиняют в другом. Не ты ли подослал убийц ко мне, один из которых был схвачен и назвал дознавателю твое имя?

– Разве можно доверять твоему дознавателю? После встречи с ним у меня не осталось ни одного ногтя!

– Разве не ты просил Фатали-хана о помощи против меня?

– Я не знал, что он станет твоим родственником, и не вправе ли я просить великого правителя, чтобы он рассудил нас? Разве не довольно с тебя, что я покорен?

– Разве не был ты покорен на словах много раз? – это был риторический вопрос.

Предателя привязали к канатам и, перебросив их через ветви двух платанов, разорвали лошаадьми на две части. Через куски разорванной плоти был виден Гусейн-хан, стоящий на фоне своего дворца.

Солнечный свет проникал через цветные стеклышки, которых было множество

цветов и оттенков, от ярко-желтого до темно-фиолетового и, становясь волшебным, освещал залу дворца, покрытую рисунками, которые оживали в этом свете. А среди росписей, повествующих о деяниях его предков, сидел мальчик Керим и читал книгу на диковинном языке, который никому не был известен в этих краях, и книга эта была невероятно увлекательна.

Странное дело, вокруг дворца было варварство, а здесь, на нескольких десятках квадратных локтей, его, варварства, не было. Как такое возможно? Нужен художник, деньги, ну, и политическая воля, разумеется. Может, подобное и делает человека, получившего власть, истинным государем. Таков Гусейн-хан. Будут ли таковыми его потомки? Не знаю, мой путь близится к концу.

Гусейн-хан о поэтической мудрости и пользе образования

Да будет благословенна любимая сестра моя, добродетельная Бегим. Мы сговорились с названным братом моим, Фатали-ханом, что по весне его отряды выйдут из Дербента и направятся к Ширвану, там я и буду ждать его со своим войском. С Божьей помощью, я верну себе этот город. В последнем своем письме мой могущественный союзник, Фатали-хан, прислал мне написанное им стихотворение. Как много в одном человеке: и славный воин, и великий поэт.

*Какая тоска. Даже совестно ее выражать.
Да и как ее выразить? Не найдешь слов.
Успокоение душе даёт лишь чистый ветерок,
Пропитанный утренним ароматом гиацинтов.*

Но поэзия теперь не в почёте, не всякий ее понимает.

Мешади ушел в иной мир, я похоронил своего старика. Теперь я иногда сам кормлю его голубей, красивые создания, без него, впрочем, бесполезные. Славный был бы советчик для моих сыновей, хотя они не привыкли слушать кого-то, такой нрав, это у нас семейное. Я приказал трем своим старшим сыновьям готовиться к войне и отправил младшего сына Керима на учебу в дальние края. Это был последний совет Мешади, и он горячо благодарил меня, когда я пообещал этому совету последовать. Мешади был привязан к своему воспитаннику, он списался с учеными людьми в университете Каира и дал рекомендательные письма для Керима. Станный мальчик, мое решение об отъезде его не сильно опечалило, скорее, обрадовало, образованность меняет человека. Прав был Мешади, пребывание на чужбине пойдет сыну моему на пользу.

4

Джузеппе Амайо о событиях, которые могут навредить бизнесу, а могут пойти ему на пользу

В последний раз посредник далекого заказчика или его потомка, точно не скажу, появился, когда я уже был стар, практически мертв. Это была уже пятая партия из тех стекол для витражных работ, которую мы изготовили. В среднем выходила одна поставка в пять лет, заказ не большой, но и не мелкий. Я так хорошо помню те стекла, потому что на следующий день после их отправки, впервые за всю мою жизнь,

работы стекольных мастерских на нашем острове были приостановлены. Утром того дня печали и скорби мы услышали канонаду пушек, это батареи армии Наполеона обстреливали площадь, ту, где позже построили вокзал. Впрочем, бомбардировка была не сильной и не принесла городу особых разрушений, спасибо снисходительности императора, ведь мы и так не могли оказать достойного сопротивления.

Кончилась Венеция Блистательная, возник департамент, одна из многих территориальных единиц другой великой и еще юной империи. И не к кому стало обратиться, потому что последний, 57-й дож Венеции отбыл в тот день в неизвестном направлении на последней боевой галере умершей империи. Сбылось древнее пророчество: когда двинутся кони святого Марка, погибнет Венеция Блистательная. По праву победителей французы забрали наши бесценные скульптуры. Я не мог сдерживать слез, глядя, как величественных каменных животных погрузили на специально изготовленные подводы, которые затем двинулись в далекий путь на Париж.

Должен сказать, что описываемые события не повредили бизнесу нашей мастерской, она успешно продолжила работу и при императоре. Оборот лавки возрос.

Указом императора прежние законы о передвижении жителей были отменены, мне не пришлось этим воспользоваться. Я получил возможность путешествовать, когда душа моя обрела возможность летать.

Аббас-Кули о достойном начале и завидном финале карьеры архитектора

Много лет назад, после долгой войны, великий правитель Надир-шах, да покоится он с миром, повелел собрать гурултай, на который было приказано явиться и пасть перед ним ниц в смиренности и послушании всем людям власти и силы, всем последним правителям земель и городов, тем, кто получил власть от него, и тем, кому власть дана была поверженными самим Надир-шахом, всем предводителям кочевых шаек степей и вольных горных общин, благородной крови и безродным людям длинной воли. Во все пределы империи были посланы гонцы с сообщениями о дате и месте, куда и когда следовало прибыть всем им, чтобы принести на божественной книге священную клятву верности повелителю своему, в сладостном и едином признании его всевластия над миром. К этому самому оговоренному дню и на том указанном месте приказал Надир-шах возвести дворец. Срок был год, а место было в Муганской степи. Со всей страны собрали мастеров на эту стройку. Среди них были мой отец и я, шел мне двенадцатый год, тогда отец и начал учить меня ремеслу.

В безводной степи возник дворец, не дворец даже, а целый город, двенадцать тысяч построек возвели за год. Похоже это было на чудо. Как давно это было, сейчас я уже старик. Разве это давно? Жизнь человека – мгновение.

Нет уже Надир-шаха, покорителя Индии, забылись клятвы и заверения, которые давали ему люди длинной воли, хранители власти и силы в том дворце, на великом гурултае, который изменил жизнь миллионов людей. И сам дворец исчез, даже руин не осталось. И ведь все свое знание и умение вложили строители в ту постройку, шутка ли, сам Надир-шах дворец этот возжелал, торопились. Из глины, навоза и соломы возвели тот дворец.

...Я остался жить в Шеки, при ханском дворце. Постоянная служба по мне. Я немолод и больше не нуждаюсь в новых контрактах, мастер должен знать, когда следует остановиться. Дни поисков и скитаний позади. У меня три дочери, шесть внуков,

пять внушек, в прошлом году родился правнук, в этом – два. Дай Бог, доживу до того, что собою со счета. Большинство в нашей семье промышляет изготовлением шебеке, спрос есть. Больше всего я люблю дворцовый зал в полдень, когда солнце в зените, и свет падает на росписи равномерно, хотя и в другие часы очарование зала присутствует. Я нашел заказ своей жизни и выполнил его так, как надлежало это сделать, теперь, когда прошло столько лет, я могу сказать это себе со всей уверенностью. В отличие от зодчих Запада, имя мое будет забыто, анонимность оберегает человека от гордыни, хотя, положа руку на сердце, иногда грустно. Впрочем, и имена царей частенько забываются, пусть же имя мастера сотрется, а история, рассказанная дворцом Гусейн-хана, останется для его потомков.

За эти годы в нашем городе сменилось три правителя, каждый был по своему милостив к бессменному хранителю ханских покоев. Нынешний, Салим-хан, за трапезой всегда отводит мне третье место от своей правой руки – положение более, чем завидное и почетное для человека моей должности. Он убежден в том, что созерцание красот дворца способствует пищеварению и препятствует возникновению похмелья. Основное увлечение государя – кулинарные изыски и различные алкогольные напитки. Позволю себе высказать догадку, что последнее – следствие трагических семейных неурядиц, в которых Салим-хану пришлось принимать посильное участие на протяжении последних нескольких лет. Временами излишнее употребление вина позволяет ему отвлечься от горьких воспоминаний, связанных с его приходом к власти. Недавно Салим-хан сожрал голубей, любимцев покойного Мешади. Может, и верно, птицы должны утолять голод, опять же – гастрономическое разнообразие, но мне было грустно. Я не стал есть, хотя во время трапезы и мне поднесли одну из птиц.

Письмо, в котором среди прочего корреспондент упоминает о преимуществах карабахских коней перед донскими скакунами

«Здравствуй, дорогой друг!

Печальную весть должен сообщить я в своем письме.

Произошедшее нельзя объяснить только врожденной жестокостью местного царька, коему по недалёковидности была оставлена власть в отвоеванных нами землях. Возможно, в том, чтобы опираться на знать из местных в продвижении нашем и есть свои резоны, но зачастую это приводит к трагическим и непоправимым последствиям. Мятежи на землях, полученных нами вследствие побед над Персией, случаются с регулярностью, достойной всяческого сожаления. Быстрота подавления подобного и неотвратимость наказания повинных в этом и есть первейшая цель нашего здесь пребывания. При усмирении волнений в одном из соседних княжеств под названием Карабах (Черный сад) был убит хан этих земель – Ибрагим. Случилось так, что вместе с предводителем мятежников погибла и его жена.

Не берусь судить о том, была ли проявленная жестокость чрезмерной, но этот роковой случай имел трагические последствия для нашего небольшого отряда, стоящего в городе Шеки. Убитая была родной сестрой местного хана Салима.

Как позднее показало подробное дознание, учиненное по приказу его превосходительства генерала Небольсина, из Карабаха в Шеки были посланы два гонца. Первый, из местных, и привез хану Салиму весть о гибели его сестры. Второй же, из казаков, прибыл на три часа позже.

Карабахские скакуны превосходят наших в быстроте и выносливости, это и по-

служило причиной того, что случившееся явилось для нас полной неожиданностью.

Надо сказать, что Салим-хан, несмотря на предписание его магометанской веры воздерживаться от алкоголя, не дурак выпить. Во время обеда ему и было доставлено донесение об убийстве его сестры. Не знаю, что стало главной побудительной причиной, то ли вино, то ли зов крови, который у местных чрезвычайно силен, но хан впал в неистовство и со своими воинами перерезал всех находящихся в его крепости моих сослуживцев.

Только давним своим увлечением этнографией обязан я сохранению жизни, в то время, когда множество моих товарищей были вероломно перебиты. Со своим помощником из местных жителей я весь день осматривал местную достопримечательность, летнюю резиденцию хана. Этот небольшой дворец находится вне стен крепости – обстоятельство, способствовавшее моему спасению. Ночью того же дня мне удалось раздобыть коня и добраться до нашего основного лагеря в десяти верстах от города.

P. S. Посылаю тебе один из своих блокнотов с зарисовками. В меру сил своих постарался запечатлеть изображенное на стенах ханского дворца. Росписи, покрывающие это сооружение, есть трогательная и небесталанная попытка одного из предыдущих правителей увековечить для потомков плутовские проделки своих предков. Надеюсь, тебе будет любопытно взглянуть, чтобы составить некое представление о туземном населении. Следует заметить, что здешняя мода осталась неизменной, крой их азиатских одеяний не менялся уже лет сто. То же, надо сказать, касается и их вооружения, что существенно облегчает нам завоевание земель этих во имя цивилизации народов, их населяющих.

Керим о местах, где предпочтительно умирать человеку почтенному

Хотя со временем переселение в родные места и сделалось возможным, но дворянские привилегии мусульман благородной крови, за редкими исключениями, так и не были признаны. В родных краях я инкогнито, в городе меня никто не помнит, со времени моего отъезда прошло очень много времени, я успел прожить жизнь и сделаться стариком. Иногда, не часто, я узнаю кого-то из горожан и радуюсь этому, как встрече с давнишним приятелем. Определенно я помню нынешнего хозяина плотницкой мастерской. Когда я видел его в последний раз, ему было лет семь, сейчас у него правнуки. Мастерская всё та же, они делают шебеке, спрос велик. Их тут очень уважают, этих мастеров, может, даже больше, чем тех, для кого они создавали свои первые витражи.

Я купил для себя небольшой и вполне уютный дом недалеко от дворца, построенного моим отцом. Сам дворец пустует, особой надобности в нем нет, но губернская администрация поддерживает его в сохранности. К зданию приписан пехотинец, военный отставник, в обязанности которого входит поддерживать чистоту и порядок. За небольшую плату он позволяет мне заходить внутрь, и тогда во мне оживает давно утраченное и оттого еще более притягательное чувство родного дома.

Здесь больше знакомых для меня лиц, чем там, за стенами дворца. Лица людей, отношения между которыми есть не череда семейных неурядиц и склок, родственной вражды и предательства, непонимания и гордыни, а звенья политической борьбы, разбираться в которой – удел ученых архивариусов. Родственники мои, близкие и дальние, остались историческими персонажами в росписях царского дворца, кото-

рый не перестает быть таковым даже после крушения царского дома.

Многое было изображено на стенах того дворца, и многое не было.

Был там мой прадед Челеби-хан и три его отважных сына: Агакиши, Хусейн-ага и Абдал-Кадир.

Был там мой дед Хусейн-ага с отрубленной головой тысячника Надир-шаха, поднятой им над полем битвы для устрашения врагов.

Был дядя моего отца, Абдал-Кадир с шестом сотника и строками на боевом значке: «Сей благородный муж льву подобен».

И была на тех стенах любимая забава Агакиши – охота на диких зверей, отправившись на которую, стал он сам жертвой подлых убийц.

Были три бестрашных брата моих: Мохаммед-Хасан, Салим и Фатали, идущих с рогатинами и мечами на свирепого медведя.

Был там мой отец, Гусейн-хан, с соколом своим, без которого отправился он на чужбину по совету хитроумного Мешади.

Не было там суда над предателем и изменником Мелик-Али, которого казнили, разорвав ветвями царских платанов, что растут перед нашим дворцом.

Не было того, как проникли ночью в крепость, чтобы убить Гусейн-хана, четверо убийц. И того, как Безухий Али снес своей саблей головы двум из них, и хлынули потоки крови, и, казалось, мог спастись Гусейн-хан, но поскользнулся он в крови своих врагов, и кинжал родного дяди Абдал-Кадира настиг благородного государя.

И не было головы самого Абдал-Кадира в руках брата моего Мохаммед-Хасана, который жестоко отомстил за отца нашего, Гусейн-хана.

Не было битвы самого Мохаммед-Хасана с войском брата своего Салима, и не было на той жестокой сечи искусного воина Фатали, потому что за месяц до того ослепил отважного Фатали брат его Салим.

На многие предательства и мерзости не хватило места для живописцев, и о многих подвигах и удачных делах не рассказано ими. Многое я помню, что-то прочел, о чем-то удалось разузнать. Я занимаюсь своим трудом «История шекинских ханов» весьма неторопливо и обстоятельно. Я выхлопотал себе длительную командировку от каирского университета, учебное заведение сэкономит на дорожных расходах своего профессора-богослова, у меня подорожная в один конец.

Человеку почтенному приличествует умирать или у себя на родине или в Мекке, но я не столь благочестив, чтобы выбрать второй вариант.

Я, Керим, сын Гусейн-хана, повелителя Шеки, да и Ширвана тоже, отец стал им перед смертью. Родился в 1751 году, умер в 183... Как-то так вскоре напишут на моей могиле, возможно, на русском. Мешади был прав, знание латыни помогает в изучении языков, я знаю семь, но среди них нет русского. Смешно, но мне никогда не приходило в голову выучить этот язык.

5

Сказка о девушке Насте и цветных стеклах, через которые она свое счастье в далеких краях нашла

В славном городе Ярославле, что стоит на берегах двух рек, одна из которых Волга, а другая Которосль, что значит «которая слева», жила-была советская девушка по имени Настя.

Родителей у Насти никогда не было, то есть, конечно, были, но Настенька их

никогда не знала. Жила она с бабушкой, которая о ней заботилась и воспитывала. О родителях Настеньки бабушка много не рассказывала, говорила только, что они в длительной командировке на дальнем севере, и строго-настрого запрещала Настеньке о них с кем-либо разговаривать, ни в школе, ни еще где. Бабушка вообще была очень пуглива, наверно, от возраста. Когда бабушка выпивала, а такое случалось, она шепотом предавалась воспоминаниям, говорила, что прадедушка Настин был белогвардейским генералом, о чем тоже никому говорить не следовало. Настенька бабушку свою любила, но в рассказы ее не очень-то и верила. Если прадедушка генералом был, то должны же были фотокарточки его остаться, а фотокарточек в доме и не было никаких. Много чего человеку в годах после рюмочки привидеться может. Бабушка еще божилась, на полном серьезе, что стекольная фабрика, та, которая на улице Клары Цеткин, принадлежала когда-то Настиному дедушке, ее бабушки супругу покойному. Ну, такого уж точно быть не могло, всем известно, как со всеми фабрикантами и их женами советская власть поступала, а бабушка – вот она, жива-живехонька, для своих лет бодр и энергична, дай ей Бог здоровья. Окончила Настенька школу и пошла учиться в техникум по специальности «специалист по стеклопроизводству». Потом, на радость бабушки, закончила с отличием техникум и пошла на фабрику работать инженером-технологом.

Бабушку Настя очень любила и ухаживала за ней до конца ее жизни, а потом бабушка умерла, и Настенька осталась совсем одна. Оставим на время Настеньку в ее горьком одиночестве.

Джангир о секретах мастерства и политической конъюнктуре

Говорят, что кто-то из моих предков, то ли прапрапрадедушка, то ли тот, кто был еще до него, построил ханский дворец, тот, что стоит возле больших платанов.

Может, оно и так, но не уверен, в моей семье издавна ничем, кроме как шебеке, не занимались, и прадед, и дед, и отец, все они занимались этим ремеслом, семейная традиция. Раньше было много мастеров, теперь, помимо меня, осталось еще трое. Молодые не очень-то хотят учиться этому ремеслу, слишком муторно. Я тоже сначала не хотел, мечтал поступать в мореходное училище, но отец не позволил, сказал, что его сын должен продолжить трудовую династию. В чем-то он был прав, традиции надо уважать.

Отец был человек уважаемый, он был награжден званием «Народный художник республики», его шебеке даже возили в Москву, в Кремль.

Он был первым из мастеров, кто внес нечто новое в традиционный орнамент наших шебеке, следуя лозунгу: «Национальное по форме – социалистическое по содержанию»: отец создал панно «Серп и молот».

В настоящее время все мастера шебеке объединены в артель народного промысла «Красный Октябрь» при комбинате народного творчества. Заказов у нас немало, но больше на современную тематику, мне же по душе изделия под старину, но такие нужны только реставраторам, с которыми мы иногда сотрудничаем. Обычно заказывают вещи с идеологическим уклоном. У меня, например, хорошо получается профиль Ленина, на Ленина спрос большой, всегда желающие найдутся. Раньше так Сталин ценился, отец мой много Сталиных сделал. А потом Сталин резко из моды вышел. У нас в мастерской много сталинских панно невостребованных осталось, заказчики их забирать отказывались, даже если деньги уже уплачены вперед были.

Я их несколько лет, от греха, не трогал, вдруг опять все переменится, а потом стал стекла из Сталиных вынимать и использовать их для Лениных. Не пропадать же добру. Стекла у нас в большом дефиците всегда были. Куда только мы не обращались, чтобы нам поставки наладили, ничего не помогало. Начальство говорит, что такие стекла, какие нам нужны, государство за валюту покупает, а валюты у Советской власти на все не хватает. Так что со стеклами в нашем деле, сколько себя помню, всегда перебои. Хотя, когда надо, на Ленина, к примеру, достают.

На заработок мне жаловаться грех, оплата сдельная, расчет по квадратному сантиметру, десять рублей – квадрат. Это дает повод для шуток, что один квадратный сантиметр моего труда приносит мне одного Ленина, так в наших краях называют десятирублевую банкноту с портретом вождя мирового пролетариата. Жаловаться грех. Да и со стеклами должно вскоре наладиться. Министерство культуры организовало конференцию мастеров народного творчества. Мне было поручено выступить, и я в своем выступлении этот вопрос поднял, сказал, что без качественных стекол шебеке очень трудно делать, попросил рассмотреть вопрос и поддержать народных умельцев.

О девушке Насте и ее путешествии

Никогда прежде Настенька из родного города не выезжала, а тут поехала она в командировку. Отправилась Настенька по делам службы на Кавказ. Нужда в тех далеких краях на продукцию ярославской фабрики была, и поручили молодому технологу-комсомольцу разузнать, что да как, каковы стекла требуемы, и по каким техническим ГОСТам их изготавливать нужно. Добралась Настенька на поезде до Москвы, на Ярославский вокзал поезд тот прибывал, а оттуда на другом поезде до города Баку доехала, с Курского вокзала-то поезд отходил. А уже из Баку приехала она на автобусе в город Шеки. Дорога неблизкая, целую неделю Настенька добиралась. И сразу все ей в этом городе понравилось. Климат теплый, природа красивая, дома уютные и люди обходительные и приветливые. О деле, по которому она приехала, Настенька не забывала. Дело-то было в следующем: делали в тех краях мастера умелые из дерева и цветных стекол панно и витражи оконные. Древесина у них своя была, а стекла цветные им для изделий этих самых из дальних стран везли. Привозили нечасто и немного, не хватало стекол. И очень мастера эти народные Настеньку просили с этими стеклами им пособить. В стекольном деле Настенька толк-то знала, диплом у нее с отличием был, да еще на фабрике опыта поднабралась. Рассмотрела Настенька те стеклышки разноцветные и на глазок, и через микроскоп, который предусмотрительно с собой привезла, подумала, подумала и зарок дала мастерам тем, что сделают требуемые стекла цветов разных и качества нужного на ее Ярославской фабрике имени двадцатилетия Великой Октябрьской социалистической революции.

Возликовали после слов таких мастера народного промысла и принялись наперебой Настеньку благодарить. Особенно душевно и сердечно благодарил ее молодой да искусный мастер по имени Джангир. И Настеньке парень этот тоже приглянулся, стали они часто общаться. Позвал Джангир Настеньку на экскурсию в музей местный и показал самое большое шебеке в мире. Музей тот во дворце местного царя помещался, царя давно уже не было, а шебеке осталось, цело-целёхонько. От пола до потолка в большом зале дворцовом красовалось, а зал тот сплошь рисунками покрыт был. Рассказал ей гид знающий все подробно и обстоятельно об этом дворце. И когда построен был, да как. И о битве, что на правой стене нарисована,

упомянул, и об охотниках, что на левой, пояснения дал. Рассказал о том, что сделано это шебеке из пяти тысяч стекол разноцветных, да так хитро, что без единого гвоздя обошлось. И об архитекторе не забыл сказать, который имя свое в хитром орнаменте зашифровал, а спустя много лет ученые люди орнамент тот изучили и имя его прознали: Аббас-Кули его звали.

Впечатлилась Настенька, хотя и слушала невнимательно, вполуха.

Все мысли ее об окончании командировки были, об отъезде и близкой разлуке со славным мастером Джангиром. Что не будет она слышать его заразительного смеха и того, как он ее по имени называет «Настэнка».

Вскоре вернулась Настенька к себе домой в Ярославль, наладила на фабрике производство нужных для шебеке стекол, а с мастером Джангиром принялась переписываться. Каждую неделю, а иногда и чаще письмо из Ярославля в Шеки приходило, а из Шеки в Ярославль. А потом перестали письма приходиться, потому как всякая надобность в них отпала. Приехал мастер Джангир и забрал Настю с собой в Шеки, там и свадьбу сыграли.

Много лет прошло с тех пор, многое поменялось, а многое по-прежнему осталось. Настеньку стали звать на местный манер Наста-ханым, всё по хозяйству да по дому, в хлопотах и приятных заботах. Семья-то большая, за внуками и правнуками пригляд нужен. Джангир-муаллим шебеке свои собирает, что глаз радуют, да молодых мастеров учит и наставления дает. Наградили его почетным званием «Народный художник республики». А когда республика свою независимость обрела, собрал он шебеке с ее гербом, никто до него таких шебеке не делал.

На пятидесятилетие свадьбы подарили им внуки путевку в Венецию, город такой в Италии, и купил там мастер Джангир своей Настеньке бусы из муранского стекла.

Джузеппе Амайя о счастливом финале

Мой прапраправнук, правильно было бы сказать, один из моих потомков, мальчик Джузеппе, живет на острове Мурано, и когда он вырастет, то тоже начнет заниматься стеклом, как все в нашей семье. В настоящее время его родители устроили в нашей мастерской музей, и теперь любой турист, посещающий Венецию, может за небольшую плату, два евро, прийти сюда и поглядеть, как изготавливаются разноцветная стеклянная посуда и статуэтки животных, коими знаменит наш остров. Идея туристических посещений, как групповых, так и индивидуальных, была вполне коммерчески успешна, товара стало продаваться больше. Должен заметить, что хотя с того времени, когда я был жив и управлял стекольным делом, прошло уже много лет, технология практически не изменилась, как и высочайшее качество продукции мастерской семьи Амайя.

В заключение хочу с радостью упомянуть о том, что священные кони нашего города, отобранные французами-оккупантами, были возвращены на прежнее место. Когда будете в наших краях, полюбуйте на эти величественные скульптуры, установленные на лоджии базилики Сан-Марко...

НАТАВАН ФАИГГЫЗЫ

«ВСЕ, ЧТО ИМЕЯ, ЖАЖДУ ИМЕТЬ...»

Одной из знаковых фигур отечественной печати, заслуженному журналисту, лауреату премии Зардаби Галине Алекперовне Микеладзе за особые заслуги и в связи с 140-летним юбилеем национальной печати распоряжением Президента Азербайджана Ильхама Алиева назначена президентская пенсия.

Галина Алекперовна Микеладзе.

Не уверена, что найдется кто-либо, незнакомый с этим именем. Кто-либо сегодня, из умеющих читать и писать. Известный журналист, человек чуткой души, возвращенной жизненным опытом, столь непростым подчас. А еще – подлинного профессионализма, того самого, что вкупе с неиссякаемой любознательностью превращает обычного человека в Личность. Думаю, нет газеты или сайта, ее не публиковавших, как нет темы, ей неинтересной – у жизнелюбов их не бывает.

Недавно мне довелось побывать в Доме-музее великого азербайджанского дирижера Ниязи, где состоялась встреча с этой необыкновенной женщиной, на которую пришли друзья-коллеги и, конечно, ее герои – музыканты, артисты балета...

Уже при входе я, будучи приглашенной, удивилась оживленному столпотворению – то был настоящий аншлаг, с «премьерными» букетами и камерами, число пришедших на встречу с ней в жаркий июльский день в разы превышало количество сидячих мест. Последнее, впрочем, никого не смущало – вооружившись веерами и нетерпеливо обмахиваясь, многие стоя ждали начала вечера, не сводя глаз с нее, суетившейся в волнительных хлопотах и плохо скрываемом смущении.

Такой я ее видела впервые.

Она вообще из тех, кого всякий раз видишь впервые...

Если бы меня попросили охарактеризовать ее одним-единственным словом, я бы сказала – неожиданная. Именно так.

Помню, как впервые переступив порог ее дома, остановилась как вкопанная в дверях: снег падал прямо в ее квартиру. Неспешно и кружась... На компьютер падал, словно благодать Божья... Так и стоял он, весь запорошенный... Мне казалось, что я где-то в супер навороченном кинотеатре с 3D технологиями... Заинтриговала? А просто окно у нее такое, с «анимационным» эффектом – будто нет ни крыши, ни потолка... Окно, упирающееся в небо, занавешенное только снизу, а не наоборот, как обычно это бывает. И снежинки падают на ее сказочный дом, ее непохожее ни на какое другое обиталище... Падают, рождая контакт – самый важный для человека. Контакт со своими мыслями...

Тем временем Галина Алекперовна рассказывала о своей жизни, творчестве, начиная с самых истоков...

Судьба, что наградила способностью перешагивать через любые «не могу». С Магаданом, например, и Колымой, с людоедскими репрессиями и цепочкой драматических коллизий, о которых по сей день без судорог души не вспоминается. Я читала об этом в ее пронизанной болью книге «Мое время». Время, запечатленное в неистово «документальном» взгляде ребенка – осуждающе непонимающем. Время, и сегодня, спустя целую жизнь, безжалостным «кодексом» бьющее по глазам. Необъяснимое и необъясненное...

А тогда... Трудное детство конца печально известных тридцатых... Вот она, с мамой,

трепетно любившей театр – откуда он, оказывается, интерес к подмосткам, ко всему невероятному притягательному, что там происходит! Интерес длиною в жизнь. Так и вижу – девочку-егозу с блестящими немигающими глазенками, следящими за перипетиями на сцене. Она по сути и осталась ею – той самой девчушкой, замороженно наблюдающей жизнь...

... Галина Алекперовна рассказывала – о вехах своей жизни, с их не всегда постижимой событийной логикой... О том, как ехала на учебу в Москву – на смехотворный доход мамы, которая, подрабатывая шитьем, убедила-таки дочку решиться на этот шаг. Судьбоносный, как оказалось. Так она стала одной из счастливиц, попавших на литературное отделение РИФа – Редакционно-издательского факультета Московского полиграфического института, куда, по ее словам, «были зачислены исключительно самые образованные и целеустремленные выпускники московских школ, выдержавшие сложный конкурс». Не иначе, как «счастьем», она называет занятия в пространстве интеллектуалов, под руководством маститых ученых-профессоров – достаточно назвать имя одного из столпов русской лингвистики Д.Э. Розенталя, у которого она постигала азы редакторского ремесла! Так постепенно меняется ее отношение ко многому, в том числе к труду редактора, как некоей подневольной субстанции, приходит понимание исключительной важности этой многотрудной службы. Как и осознание непростой ее миссии – ведь даже Чехов с Толстым с благодарностью принимали услуги своих редакторов!

Тем не менее, душа юной Галы рвалась ввысь, в заоблачные дали творческой «автономии» – журналистике, как она есть. Да и как было ей не рваться в условиях этого вуза, с его фундаментальным образованием, где обучали мыслить импульсивно, остро, существование будущих журналистов эпохи оттепели, когда было многое можно. Обучали журналистике с превалированием творческой задачи над узко ремесленной, нескрыванием своего личного мнения на творящееся вокруг. Журналистике дискуссионной, той самой, что ляжет в основу ее, Галины Алекперовны, мировоззрения в будущей деятельности.

Первая курсовая ее работа – про тещу. Про Галину Уланову. Еще одно провидение, не иначе. С тех пор тема балета ее не отпустит – она будет нежиться в ней, пленительном совершенстве ее магии... Прима-тема ее жизни, объект многолетних размышлений и наблюдений, вылившихся в составленный ею разножанровый моносборник под названием «Балет Азербайджана», который увидел свет в начале прошлого сезона. Зная, что Галина Микеладзе в качестве редактора-составителя предварительно осуществила издание ее странного интервью с директором Бакинского хореографического училища Нилуфер Керимовой, думаю, не ошибусь, если назову этого журналиста «биографом» азербайджанского национального балета, скрупулезным его летописцем.

И не только балета. 60-летняя журналистская жизнь – факт сам по себе впечатляющий. Большим авторитетом пользовались ее аналитические публикации по экономическим вопросам, а уж культура...

Не знаю, о ком, достойном, она не написала, кого обошла. Нет таких. Не припомню. Расул Рза и Фиридун-бек Кочарли, Кара Караев и Франгиз Ализаде, Муслим Магомаев и сестры Касимовы, Афрасияб Бадалбейли, Рамиз Абуталыбов, Анар... И это лишь толика «культурной» составляющей ее творчества. Эдакое полотно Восхищения перед человеком. Творящим!

Интересный рассказчик, она держала внимание аудитории добрых два часа...

Надо сказать, Дом-музей Ниязи давно уже превратился в уютный салон для регулярных встреч с неординарными личностями. Инициатором этих просветительских (вне сомнения!) акций явился Государственный музей музыкальной культуры Азербайджана – в рамках действующего здесь уже восемь лет Клуба любителей классической музыки. В связи с этим хочется выразить признательность организатору встреч – директору Государственного музея музыкальной культуры Азербайджана Алле ханым Байрамовой, подлинному исследователю, ценителю искусства и людей, истинно ему служащих. Проводимые ею «рандеву» в Доме-музее Ниязи, став славной традицией, превратились в праздник вожделенного общения с духовностью, очищающей в море рыночных отношений, далеких от озарения. И люди идут

туда, с нетерпением ожидая каждой первой среды месяца (таков их график), предвкушая очередной «интеллектуальный подарок», который запомнится надолго.

Не стала исключением и встреча с Галиной Микеладзе.

Почему Микеладзе? Да потому, что как раз накануне Галина Алекперовна преподнесла Музею музыкальной культуры свою коллекцию, вернее, архив, посвященный азербайджанскому балету, который она собственноручно собирала долгие годы. Она коллекционер по природе своей, фанатично рьяный. Прихоти – они разными бывают, кто-то коллекционирует ручки от зонтиков, кто-то чемоданы, кто-то фарфор или монеты. Она собирает историю балета – ту, что осела в чудом уцелевших программках премьерных показов, вырезках из журналов-газет «того времени», всегда неповторимого, оригинальных открытках, и, конечно, уникальных фотографиях... Собираательство во имя искусства, во имя любви к прекрасному, во имя преклонения перед творческим гением человечества. И вот теперь все эти предметы станут экспонатами коллекции музея, который совсем недавно сменил адрес, расположившись, наконец, вольготно и комфортно. И, что немаловажно, абсолютно заслуженно: то, что сегодня делает на поприще директора Алла Байрамова, с ее неистощимо креативным мышлением, трудно переоценить. Пришла же ей в голову идея собрать нас всех в гости – к Галине Микеладзе. Чуткость тут нужна – не та, «положенная» по роду службы. Формальная статусность, без огонька души, сама по себе может так немного...

А Микеладзе... Не знаю проблемы в журналистике, от которой она бы отмахнулась. Ей всегда все интересно. И уж явно она не из тех, кто уверен, что всё до нас уже изобрели.

Любознательность, включенная на круглосуточный режим... Живет не днями-неделями, как большинство из нас, а впитанными ощущениями от них.

И вот – рассказывает, азартно, жарко, но без драматического флера. С меняющейся мимикой на крутых поворотах судьбы – то с печалью обрывистой, то с искрящимися бесятами в глазах.

Мы живем во времена шараханий, лихорадочного поиска себя в чем-то или чего-то в себе. Меняем, меняемся, сомневаемся. А она просто работает, делясь чем-то важным в себе. Важным и, возможно, кому-то нужным. Благородней миссии не знаю.

А человеческие позиции – они у нее незыблемы. Г.Микеладзе не из тех, кто открещивается от прошлого. Скорее, наоборот. «Работая заместителем редактора «Гюнай», имевшей большую аудиторию газеты, рассказывавшей о событиях начала XX века и судьбах оклеветанных и погибших достойнейших из наших соотечественников, я знакомилась с целеустремленными исследователями, собиравшими свидетельства трагического прошлого, чтобы восстановить справедливость и историческую правду, а выдающимся людям вернуть честное имя».

Такова она, человек с обостренной «социальной совестью», которая, к слову, прослеживается уже по названиям ее книг. «С любовью к людям», «Глазами журналиста», «Пророки есть в отечестве моем», «Мой Азербайджан», «Люблю... и смело говорю об этом...»

Люблю людей убедительных. Апатия, депрессия – она не знает, что это такое. По крайней мере, именно так мне казалось в первые годы знакомства с ней. Инициативная, полная задорных идей, не сильно подчас популярных в наш прагматичный век. И уж явно не из тех, кто испытывает приливы благородства лишь за письменным столом.

Галина Алекперовна – человек из неугомонных, способный уговорить, да что там уговорить – заразить по максимуму кого угодно, о чем знаю не понаслышке.

Одно время мы с ней преподавали журналистику в одном из бакинских университетов, где я имела возможность в полной мере убедиться в том, что поучает она не только посредством своего пера. Ну, а ее способность не дать упасть духом никому вокруг, отправить-заставить-привести в чувство... Или больше того – сподвигнуть на то, что сегодня как бы сильно вряд ли. Организовать, к примеру, поход, причем коллективный поход, в театр посреди сонного студенчества. До нее – сонного... Помню, была весьма удивлена, услышав от студентов, что этим вечером их группа в полном составе собирается в театр на чеховскую «Чайку». Я, разумеется, не преминула узнать, откуда сей порыв – сегодняшнюю молодежь,

как известно, театрами не назовешь.

«А это нас Галина Алекперовна ведет, говорит, без знания Чехова журналист состояться не может». Я знала, что Чехов не имеет прямого отношения к предмету, который вела Микеладзе, но призадумалась: такая вот шокирующая кое-кого методика, которую, ну, нельзя не приветствовать!

Любовь к искусству, преклонение пред ним и умение склонить к тому любого оказавшегося неподалеку. Заставить думать, анализировать, сопоставлять – как безо всего этого? Ну, а в отсутствие мощного стимула для размышления придумать этот самый повод. Нельзя по-другому, иначе беда, что зовется инертностью души, ее атрофией – со всеми бедоносными последствиями... А Чехов, с его умением быть актуальным во все времена, умением оказывать духовную «подмогу» – ну, чем не повод?

Все есть – ничего нет – девиз нашего времени. Телеканалов тьма – смотреть нечего, продуктов тьма – есть нечего, народу тьма – общаться не с кем... А она всегда – есть! Со своим неизбывным оптимизмом. Вот и театр. К оценкам-зачетам он не имел отношения – «надо!» и все. И они шли. А потом, вернувшись, взахлеб делились впечатлениями с ней – однозначно не получения оценки ради. Надо было видеть их горящие глаза и слышать поток благодарностей в ее адрес! И ее, довольную очередной своей победой – победой нравственной структуры, той самой, строить которую нужно смолоду. Или даже – сызмальства. У нее это получается. Не просто поучает молодежь, что нередко со сбитой стрелкой компаса в головах, а направляет в вечное русло, предъявляя журналистику совсем иную – не банально-бестактную, а психологически вдумчивую, возвращающую этой профессии ее истинный смысл.

... Между тем, Алла Байрамова поблагодарила ее за интересный рассказ, за то, что считала нужным встретиться, не отказала в просьбе. После чего вручила Почетный диплом – за многолетнее освещение деятельности музея. И не только – вручила за нечто гораздо большее. Галина Алекперовна не осталась в долгу, преподнесла фолиант «Миссия женщины», совсем еще «теплый», один из нескольких только что сверстанных экземпляров. Издание, включившее в себя рассказ о лучших представителях прекрасной половины нашей страны – колоссальный труд в лицах и деяниях, как по мне, тянущий на госпремию – ни много, ни мало.

Как и ее «Панорама Азербайджана» – книга-гигант, явившаяся результатом несметных встреч и раздумий на протяжении нескольких десятилетий, охватившая практически историю создания имиджа сегодняшнего Азербайджана. Таковым было ее дополнение к подаренному музею балетному архиву, который она с радостью вручила, поздравив с новосельем. Но и это еще было не все – подозвав свою внучку, Елену, она велела ей вынести на сцену клавиры балетов «Бахчисарайский фонтан», «Раймонда», «Дон Кихот» и «Жизель», с тем, чтобы передать их в музей на вечное хранение...

Я смотрела на нее, зацелованную, всю в цветах, принимающую благодарные поздравления в тот бенефисный день, и подумалось о том, что... Может создаться впечатление какой-то бесконечной благодати в ее жизни...

Жизнь с ее чудовищными потерями, давними и совсем недавними, в том числе и близких – самых-самых... Довелось мне видеть ее и в горе. Когда ушел второй сын... Я очень боялась встречаться с ней, боялась взгляда за порогом открытой ею двери... после похорон младшего, Нугзара...

Зря боялась. Она не была заревана до неузнаваемости, как это обычно бывает. Просто глаза стали иными – без слез и упреков, без опустошенности и проклятий. Просто – иными, поменявшимися. Она не съежилась внутренне, не озлобилась в приступах невыразимого отчаяния, порожденного тоской... Нет, просто познала еще одну грань этой жизни, так порой беспощадно необъяснимой. И смотрела на меня КАК ВСЕГДА, избавив от неловкой необходимости извергать никому не нужный поток неутешающей банальности.

Потери... Она не рассыпалась от них, а... Скорее, наоборот. Она стоик. Абсолютно самодостаточна и не ждет, чтоб развеселили или утешили. Нет в том нужды. Привыкла вы-

таскивать себя. Сама. Во всех ситуациях. Знает, что расслабление смерти подобно. Что вытаскивает? Соломинка. Вернее, перо. То самое, что не даст раствориться в унынии, думках о безнадежности бытия. Это для нее – не позволительно.

Жизнь как лифт. И она в нем лифтер. Подсаживаются разные – врываются в твою судьбу, не спросив, отвлекают, топчут, мешают... Она терпит. Всех. Ради смысла, единственного смысла своей непростой жизни – творчества. И живет, порой стиснув зубы – всегда живет, а не выживает. А люди – их много вокруг, доброжелательных и разных...

Под занавес встречи в музее звучала музыка – фортепианная, скрипичная. В том числе и «заказная» – по просьбе героини дня. То был «Романс» Г. Свиридова. Она плакала под звуки скрипки, не справившись с волнением, а смычок выдал то, о чем она не... Дорассказал ее биографию, извлекая сокровенное из тайников души...

Фрагменты жизни, горькая череда их, и радость, с ее нечасто скупыми лучиками...

Смычок, что не умеет утаивать...

Вот он – поезд с заключенными... Они выбрасывали из окон письма своим родным на махорочной бумаге; часто их находили путевые обходчики, которые, рискуя своей жизнью, доносили до почтовых ящиков...

Поезд уходил, оставляя белые клочки на черной земле...

Скрипка продолжала свой рассказ...

...отец, этапированный осенью 1939-го... умерший в 41-м... без вины виноватый...

Слезы умиления... Слезы благодарности музыке, вернувшей эмоции молодости...

...а вот она – баночка из-под горошка зеленого... В подъезде, у ее дверей, куда Георгий, сын, выходил покурить... Баночка с окурком – последним в его жизни... Выкурил, как обычно, и вышел на улицу, откуда не вернулся... Она так и не выбросила ее, куда он... перед тем, как... Рука материнская не поднялась...

Реликвии – они разными бывают...

«Собиратель»...

Как об этом расскажешь лучше скрипки...

Я впервые видела ее такой – совсем новой для меня. И вновь – неожиданной.

Так акция Музея культуры вылилась в акцию доброты, высветив затаенное...

Акция, которая с каждой минутой нахождения там вызывала во мне щемящую ностальгию, при этом процесс обрастал реальной, что ли, конкретикой, будя воспоминания... Те самые, за которые держишься обеими руками.

Дом Ниязи... Мне очень приятно было находиться в этом пространстве. Спасибо организаторам за приглашение, за нахлынувшие воспоминания – дело в том, что я была здесь когда-то, в далеком уже детстве, с отцом, на домашних репетициях маэстро с отдельными оркестровыми группами... Память угодливо выдавала кадр за кадром, с требовательным голосом маэстро, обращенной рукой к музыкантам: «Оркестр, больше мяса!» – такой вот призыв к звуковой насыщенности... А еще я «увидела» Хаджар-ханым, кротко уютную, с дымящейся пряными ароматами довгой в руках, которой она потчевала гостей... Я с наслаждением ощущала возврат в необратимость, поражаясь, насколько глубоко она засела во мне! Лишь зал мне тогда казался куда просторнее. А может, дело было не только в детской памяти с ее способностью «раздувать» пространство, а в аншлаге – количество людей, пришедших на встречу, явно зашкаливало за вместительные возможности комнаты. И то, о чем ведала нам Галина Алекперовна, удивительной органикой переплеталось с памятью во мне, обуреваемой «корневыми» переживаниями – когда профессионализм был фундаментально базовым, а мнимочуемые однозначно вызывали недоуменно осуждающую оглядку... Мир, который развивали не выскочки-недоучки, что выдав пару-тройку беспомощных репортажей или получерков, посчитали себя вправе подписываться не иначе как... «писатель»... Дилетантизм, с понятной непонятным желанием пометить все вокруг...

А Галина Алекперовна... Замерев, она вслушивалась в звуки скрипки, смычок которой... Этот «обезумевший смычок», что «живет, поет, смеется и рыдает», касаясь струн души и выдавая тайну в тебе... А еще – парит, предвосхищая мысль, даруя импульс ей и настраи-

вая камертоном на бессрочно вечное...

Специалист советской выдержки, той самой, что часто так выгодно отличает коллег – здесь и ответственность, и обстоятельность, полярная тому порханию по темам, которую, увы, с грустью доводится наблюдать. Привычно хаем ту эпоху, а ведь было там немало пользительного, во времени том, с его драконовской трудовой дисциплиной и не всегда дурацкими установками. А еще там была подотчетность, самая тщательная – себе самой. Та, что нынче днем с огнем...

Ностальгической получилась встреча, и не только для меня. Это было видно по лицам пришедших.

... А мероприятие продолжалось. Были продемонстрированы отрывки из балетов Д. Шостаковича, К.Караева, Ниязи, погрузившие зал в мир образов Галины Алекперовны, которая синхронно представляла каждого из участников, причем мило так, будто своих детей. Снабжая при этом каждый их экранный «выход» своей собственной характеристикой-комментарием.

«А сейчас будет «Барышня и хулиган» – это что-то сказочное! – говорила она, раскачиваясь от удовольствия. – Джамия, встань, покажись...» Или: «А это Нигяр, я сейчас, пусть и с опозданием, о ней пишу»...

Речь шла о Дж. Керимовой и Н. Ибрагимовой, выступающих в сложнейших партиях с неизменным партнером – народным артистом Азербайджана Гюльгаси Мирзоевым, чей портрет в роли Меджнуна украсил обложку книги, подаренной Галиной Микеладзе музею.

С такими, как она, живется с чудесным чувством защищенности. Я смотрела на нее, и многое становилось на свои места. Радость жизни, эта распирающая полнота Бытия. И еще – счастье НЕУМЕНИЯ скучать, НЕЗНАНИЯ скуки. Как незнания зависти – той самой, когда...

Когда гвоздь в пуанты балерины или порезанная струна...

Сказать, что она ее не знает, значит... Зато я знаю, о чем говорю.

Как-то так у нас грустно повелось, что мало их, откликающихся на чей-то успех. Единицы. Или еще меньше. И чем удачнее твой опус – статья или даже книга, тем громче аура тишины вокруг. К этому можно было бы привыкнуть, если б не Галина Алекперовна, которая звонком телефонным или восторженной рецензией непременно ворвется в твое заокольное существование, не позволив стать обочиной. Она единственная почти, кто нарушает этот неписанный ментальный закон. Из тех редких сегодня, да и во все времена, кто способен восхититься, да чего там восхититься – оду написать!

Пять (!) лет она умоляла меня дать ей интервью – похоже на анекдот, ведь правда? Коллега – коллегу. Если учесть, что и «территория» творческая у нас общая, и герои практически одни и те же – то есть тематические перекрещивания не перерастают в скрещение шпаг. И это в наши-то дни, когда вполне себе нормальны запреты – например, от певицы, ультимативно заявляющей о недопустимости включать кому-то в свой репертуар «мои» песни.

А Микеладзе: «Ты обязана сделать книгу о ней (о нем)! Слышишь? О-бя-за-на! Это можешь только ты! Это как – долг Родине!» И – отбойный гудок в трубке...Такая вот она – настоящая, без гнильцы.

Просто из того мира, где радости – неважно чьей – радовались, а печали – печалились. Где интернационализм был всамделишный, не вымышленный, и искажений, реактивно патологических искажений, было куда как меньше. Таковы были нормы. Нормальные нормы. Оттого так много тепла в ее материалах, того самого, утраченного, пиетета. Пиетета без надуманной пафосности.

Таков он, ее мир, где торжествует здравый смысл, наказывается порок, осмеивается глупость и не осуждается чудачество.

... Когда хочется общения, произвольно набираешь именно ее номер; рука тянется за какой-то константой, когда земля, как говорится, из-под ног... Тот самый случай, когда не «ошибешься номером». Реанимация души своего рода. Так оттерапевтирует, хватит надолго. Как она это делает? А просто.

Просто рассказывает эпизоды из своей удивительной жизни, в которой мало что с чем вяжется. Ну как это возможно – находиться всю жизнь в командировках и при этом блюсти доморощенно патриархальный семейный уклад, с собственноручным пошивом обновок, консервированием фирменных огурчиков и закаткой 200 баллонов компотов ежегодно. Точнее – ежелетно. Приглашением всего класса в дни рождения детей, или друзей – на домашние пироги, хаш, блины... Как-то по-другому для них время текло, насыщенно и интенсивно, будто и не в рамках все тех же суток, наших сегодняшних.

Расспрашиваю ее о той жизни, – как одевалась, например...

«Сама шила и носила – как еще? На покупное денег не было, даже за пальто бра-лась»...

Да-да, она кроит-шьет-вяжет, и не просто там по мелочи, а плащ сыну или костюм, а еще мужу сорочки...

Ну, а спектр творческих интересов, он и вовсе необозрим. Шостакович, музеи и, конечно, балет. Ну, а то, как страсть может перейти в любовь жизни – мне оно понятно. Так бывает, когда приходишь в журналистику «посредством» предмета своего восторга.

Так она балетом берет жизнь эту, я – музыкой...

«Видеть цель, верить в себя, не замечать препятствий» – как в известном фильме. Это все – о ней.

И, конечно, дар понимания, умение вникнуть в душу человека, сочувствуя обидам...

Много поводов ее любить – бойкую, легкую на подъем, неистребимо восторженную...

Совсем недавний эпизод. Почему, говорит, не отдыхаешь, ты когда-нибудь вообще отпуск берешь? Не могу, говорю, никуда отлучаться, кота некуда девать. Через 10 минут повторный звонок: «Знаешь, я тут переговорила, бери маму с котом и едем под Губу – там коттеджи чудные, для журналистов... А если не хочешь, езжайте сами, а кота оставь мне – присмотрю. Опыт имеется, у меня в доме жил Митя»...

А дом ее... Крохотная квартирка с антресолюю, перегородившей надвое строение пятиметровой высоты. Интеллигентски-аскетичное и при этом уютное гнездышко, откуда не хочется уходить... Веет от него чем-то греющим, позабытой лаской – как у голландской печки на донышке твоей биографии, вспоминать которую будешь всю свою жизнь. Не суждено такое забыть... Как плед, накинутый на твои плечи в студеном феврале жизни...

Ее дом всегда полон гостей, да и живет она в самом центре этого города – в гуще событий, что называется. Города, в котором она родилась и о котором пишет...

Пишет не потому, что приходится журналистничать, а потому, что без этого не может ДЫШАТЬ. Завсегдатая всех выставок, концертов, салонов, гастролей, художественных мастерских... И как только поспекает! Сегодня Галина Алекперовна работает в информационном агентстве 1news, одновременно сотрудничая с газетами и журналами, охотно публикуящими ее очерки, интервью, рецензии. Просветительство – явно ключевая ее ипостась, и оно в ней неодолимо. Всегда с блокнотом и ручкой – хронологию культурной жизни Азербайджана можно отслеживать по ее публикациям, ничто не проскользнуло мимо. Отслеживать и изучать.

Ее оценочные суждения, облеченные в культурный формат подачи, без оскорбительных выпадов, что сродни банальному хамству – мы как-то привыкаем к такому «роду» журналистики в исполнении иных бумагомазков, и это печально. А она, Микеладзе, неизменно держит планку, предьявляя журналистику иную. Демонстрируя некую энергию – энергию постоянного мыслительного накопления, делясь которой ты имеешь право зваться Журналистом. Просто энергия та даруется не всем...

В ней что-то от подростка. Не скучная редактесса, а... Как часто бывает, общаясь с человеком, натыкаешься на... кладбище внутри. Или чердак – обитель пауков, скопище пыли...

Как же мало их – с трепетом, с вибрирующей струной...

Кто-то всю жизнь отыскивает изъяны, а кто-то радуется чуду, что на каждом шагу... Она из вторых. При том, что изъянов в былые времена описала немало, доходя до справедливости. Потому что талант – будоражить. И не только воображенье. Что не дает заснуть.

Энерджайзер – так их сегодня называют. И даже в боли – без тупика и молчаливого уныния. Галочка осталась такой на всю жизнь, так и не посев душой.

Сгусток эмоций и чувств. Нерасплесканных, что странно. И пока ты отскребываешь себя от асфальта – после очередного нокдауна жизни, она звонит тебе со своим неизменно неумным размахом души, чтобы...

Говорят, безосновательный оптимизм лечится суровой реальностью. Вранье это. Не лечится – вот же она, так и излучает флюиды жизнелюбия.

Возраст делает с нами не то, чего бы нам хотелось. И вновь мимо. «Старейший журналист» – будто и не про нее вовсе. «Старость как естественный рубеж», в случае с ней утрачивающий это свое внушенное нам качество. Человек должен уметь находить повод для воспарения – и она его находит. И делает с возрастом то, что бы ей хотелось. Не верите? Позвоните к ней и убедитесь сами. А еще лучше – пойдите к ней в гости – в дом, куда падает снег. Где танцуют веселые снежинки, от которых не бывает холодно.

Как в добром мультике...

Поблагодарив за столь теплый, по-домашнему, прием, Галина Алекперовна заключила свой вечер стихами Ирины Перловой, талантливой актрисы и поэта. И друга...

*Благословенна пребудешь, работа!
Страж мой и воин, карающий смерть!
Хлеб мой, очаг мой, святая суббота,
Все, что имея, жажду иметь...*

*Благословенна пребудешь, работа!
Вечный спаситель, опора, друг,
Радость, проклятье, забвенье, забота,
Дней моих маятных свет и круг.*

Такое вот своего рода кредо Микеладзе – да простится мне не совсем модное нынче слово...

Уважать кого-то – это огромное счастье, которое все реже. Она этот повод – вручает.

«Более 60 лет хранились в моей семье тщательно сберегаемые уникальные письма моего репрессированного и погибшего в ГУЛАГе отца Алекпера Алиева, – пишет она в предисловии к книге «Миссия Женщины». – Выбрасывая их в окно вагона-теплушки на станциях, он рассчитывал на то, что «кто-то из добрых людей донесет эти «комочки» с пометкой «Баку, ул. Лермонтова, 121, Алиевой», и не ошибся».

И я не ошибусь, утверждая, что и «письма» его дочери, Галины Алекперовны Микеладзе, донесут до будущих поколений ее послания публициста. В последнем – уверена...

И я всегда буду ждать ее звонков – всегда своевременных (телепатия тут имеет место, не иначе).

«Как ты? Хандра? Какая, к черту, хандра! Вставай, умойся и – к столу, за компьютер. У тебя все получится! Ты же знаешь, я никогда не обманываю...»

Буду ждать – посреди хаотизации своей жизни...

РАМИЗ МОВСУМ

Рамизу Мовсуму (Алиеву) исполняется 75 лет. Его литературный дебют состоялся в 1957 году. С той поры его встречи с читательской аудиторией отмечены сборниками «Деревце» («Гянджлик», 1968), «Утро жизни» («Гянджлик», 1978), «Мать моя, отец мой» («Язычы», 1981), «Гюнай» («Гянджлик», 1983), «Друзья маленького Эльшада» («Гянджлик», 1989). Рамиз Мовсум пишет в различных жанрах. Пьеса Рамиза Мовсума «Сказка о золотом ключике» в 2014 году нашла удачное сценическое воплощение в Сальянском кукольном театре. Рамиз Мовсум известен и как автор ярких публицистических статей на злобу дня. Готовится к печати его новая книга «Храм любви». «Литературный Азербайджан» от души поздравляет Рамиза Мовсума с 75-летием со дня рождения.

Свадьба в Тебризе

**Я зван на свадебный меджлис.
Приглашает друг Саид в Тебриз!
И торопит время: «Торопись!..
Шутка ли, в Тебризе заждались!..
Заневестилась уже Саида дочь,
Как не вспомнить «Тысячу одну ночь»,
Если имя дочки – Шехризад!..
В нем аукнулся старинный лад.
Тетушки хлопочут дружно и умело.
Свадьба для хозяев – жаркая пора.
Созовут ашугов – пригодятся в дело,
Хною красят пальцы мама и сестра.
Музыканты грянут, запоют ашуги...
Разве обойдется торжество без них!
Поплывут в «Яллы» милые подруги,
Благословит округа союз молодых.
Выходи на круг же, мой Саид-ага.
Переспорь, попробуй, друга-кунака!..
Попляши, тряхни-ка снова стариной,
Попляши со мною, друг мой дорогой!
И да будет радость в вашем очаге,
Пусть струятся песни вблизи, вдалеке,
Пусть звучит на свадьбах звонко «Вагзалы»,
Пусть плывут невесты милые в «Яллы»!..**

Еще раз о ревности

**Словно мина замедленного действия,
Притаилась в душе эта бестия,
Точит сердце, пьет нашу кровь,
Убивая любовь.
Посмеяться бы нападкам глупым,
Но сомнения – медленный яд,**

И если чувство – опьяняющий кубок,
Он отравой смертной чреват.
Воспаряют влюбленных мечты,
Расступаются тьма и невзгоды,
Подозренье сжигает мосты,
Баламутит прозрачные воды...
Она может скалу подточить,
Твердь надежную скрытно изранить,
Безупречную честь подмочить,
И ударом хулы протаранить.
Ревность действует исподтишка,
Брешь нащупав в любящем сердце,
Выбивая из седла страсотерпца,
Строя козни наверняка.
И плетет она сети умело,
И готовит кровавый подвох,
И наивная ярость Отелло.
Нам являет ужасный урок.
Вот – потатчица горя безвинных,
Вот – проросшая в душу беда.
Слышен крик из тома старинного:
– Дездемона чиста!..

Алания

Средиземного моря даль,
Невесомого неба вуаль
Благолепных отелей ряд,
Интуристов несметный отряд
Край, исполненный обаяния,
Называемый
Алания!..
Обжигающий ноги песок,
Белопенный шумит прибой,
Волны катятся наискосок,
Окунаемся в прохладу с тобой –
С головой...
Белокурая девочка, кто ты,
Занесенная в эти широты?..
Это море – чудо само.
– Девочка, вот тебе эскимо!
Мама дочку зовет:
– Аня!..
Значит, время прощанья.
И в минуту расставания
Я шепчу и машу рукой:
– До свидания!..
Оставайся с миром, Алания!..

Перевод Сиявуша МАМЕДЗАДЕ

РАФИГ НОВРУЗОВ

МАГИЯ АЗЕРБАЙДЖАНА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ АЛЕКСАНДРА ВЕЛЬТМАНА

Среди произведений современника Александра Пушкина, полузабытого в советское время и восстановленного в литературной памяти ученых и любителей русской словесности лишь в конце двадцатого столетия Александра Вельтмана (1800-1870), российского картографа, лингвиста, археолога, поэта и писателя, наше внимание привлекло стихотворение «**Зороастр**». Оно написано поэтом в период русско-турецкой войны (1828-1829), 26 ноября 1829 года, в Яссы, где он проходил курс лечения после осады крепости в Силистрии и сражения при Кулевче, за участие в которых он был удостоен чина капитана. В этом стихотворении поэт демонстрирует не только поэтический талант, но и свои глубокие познания в области истории религий, в целом – знание мировой культуры. Стихотворение начинается с вопроса как к себе самому, так и к читателю, что является своеобразным интригующим приемом:

*Почто над хólмами Адербиджана
Светило дня так пламенно горит?
Не сильный ли противник Аримана
Благовестителем из Урмии летит?*

Поэт, видимо, учитывая недостаточную подготовленность читателя к восприятию некоторых незнакомых названий, указанных в стихотворении, дает в примечании пояснения к ним, и для читателя становится ясным, что речь идет об «Адербиджане» (современное – Азербайджан. – **Р.Н.**), то есть «области, где родился Зороастр». Автора удивляет чрезмерное горение, истекающее от «Светила дня», то есть Солнца, по его предположению, вызванное «сильным противником Аримана».

Эпитет «сильный», по всей видимости, относится к Зороастру. Но кто этот «Ариман», который противопоставит ему или же является противником его? К сожалению, поэт не считает нужным объяснить это читателю. Возникает вопрос, почему автор не ко всем незнакомым именам дает разъяснения? Но и слово «противник» у читателя вызывает оправданный вопрос. Незнакомый персонаж вдобавок преподносится как «противник». Пробелы в восприятии являются вполне уязвимыми. Однако следующая строка как бы пытается устранить наше незнание или поверхностное знание притягательным и заманчивым «благовестителем» из «Урмии». Здесь Вельтман не забывает нам объяснить, что «Урмия – город, в коем он родился», под «он», естественно, подразумевая Зороастра. Да и слово «благовеститель», без всяких сомнений, напоминает о синонимах «учитель» или «пророк», являющихся эпитетами избранных, которые верно служили Отцу Небесному и возвещали людям во всей доступной для них полноте и ясности волю Его о спасении мира. Кроме того, глагол «летит» подчеркивает устремленность Избранного вовремя донести до сознания людей законы и правила такого спасения.

Заданные в двух предыдущих строках загадочные вопросы в последующей строфе получают вразумительный, но до конца держащий нас в напряжении ответ относительно всего происходящего, а самое главное – поэтическое раскрытие явления Того, которому своим горящим пламенем открыло путь Светило дня:

*Так, это он! Тревога воскипела,
И в Бактре Маг! Огнь вспыхнул до небес:
Повержен в прах кумир блестящий Бела
И великан златый Сандес.*

Восклицание «он» в устах поэта как бы возвращает его в далекое историческое прошлое, когда человечество ожидало («тревога воскипела») какого-то Чуда, Откровения, которое могло бы раскрыть Смысл и Цель Жизни. Вторая строка – «И в Бактре Маг» – тоже есть восклицание по поводу определения места деятельности «Мага». Поэт говорит, что «Бактра – первый город, где Зороастр основал свой закон», и Зороастр – благовеститель, через которого Высшие Силы посылают людям духовные Законы и правила жизни. Кроме того, «благовеститель» является магом, кудесником, волшебником! В этом утверждении нет ничего удивительного потому, что всем известным Благовестителям, Учителям, Пророкам указанное качество было присуще. Но почему это качество поэтом подается с большой буквы, на что он намекает?! Выражение «огнь вспыхнул до небес» означает, по-видимому, то, что своим приходом и возведенным законом Маг низверг тех, что служили до этого кумирами для всех – «Повержен в прах кумир блестящий Бела / И великан златый Сандес». Опять к нам на помощь приходит автор с пояснениями: «Бел – главный идол у древних персиян, то же, что Юпитер у греков. / Сандес – персов Геркулес». Весьма любопытные пояснения, но они опять же не до конца понятны нам. Для лучшего разумения обращаемся к уже известным нам мифологическим образам: «Бел» или «Баал» (семитское «баал, ваал» означает «владыка, хозяин, бог, божество») первоначально было нарицательным обозначением божества того или иного племени, позже он считался богом солнечного света, в древнегреческой мифологии «Бел» был изведен как сын Посейдона, царь Египта. Вот что пишет востоковед начала прошлого века Рогозина З.А. в книге **«История Халдеи с отдаленнейших времен до возвышения Ассирии»**: «Халдее-вавилонские жрецы, сохранив богов, до которых додумались древние шумиро-аккадьяне при переходе из старого первобытного шаманства на более возвышенную духовную ступень, привели их в весьма стройную, и несколько сложную систему, во главе которой они поставили две троицы. Первая троица состояла из богов: Ан, Эа и Бэла. Ану – тот же Ана – «Небо»; его называют «владыкою звездного неба», «владыкой тьмы», «первороденным, старейшим, отцом богов». Эа остается по-прежнему «владыкою пучины морской», премудрым и преблагим духом, олицетворением «Божественной Премудрости», просветителем и законодателем. Самое же миротворение: извлечение из хаоса первобытной бездны, отделение друг от друга всех образов и видов, из которых составил мир, каким мы его знаем, и приведение их в стройный порядок, – эта задача выпадает на долю третьего члена троицы, Бэла, сына бога Эа. Это никто иной, как шумиро-аккадский Эн-лиль, владыка преисподней, с ее мертвецами и призраками, храм которого в Ниппуре был центром древнего шаманства. Самое имя его, Эн-лиль, означало просто «Великий Дух», т.е. «главный из духов», или «над духами». Семиты, сделав его владыкою и устройтеlem всей Вселенной, перевели это имя на свой язык, назвав Эн-лиля просто «Господином»: Слово это, «Бэл», не есть собственное имя, а нарицательное, и значит именно «господин, владыка». На других семитических языках это слово говорилось «Баал», и все боги титуловались «баалами», хотя у всех, как и у вавилонских семитов, был один высший, верховный Баал. По самим свойствам, приписываемым членам этой верховной троицы, ясно, что она – Месяц и гроза, должна была казаться людям отдаленною от их маленьких судеб и интересов и недостижаемою их мольбам. В более прямых и близких сношениях с людьми состояла вторая троица, влияние которой ощущалось ими непосредственно в их ежедневной жизни, а именно: в славянских и русских переводах св. Писания Бэл и Ваал пишутся, по-новогреческому произношению, Вил и Ваал».

Таким образом, «Бел», так же и «Сандес», являются именами божеств или, иными словами, идолами, в данном случае, на наш взгляд, олицетворяющими солнечный свет, которым поклонялись древние люди. Выходит, что Зороастр положил конец идолопоклонничеству и возвестил о новой религии?! Прежде чем ответить на наше предположение, считаем необходимым вспомнить аналогичные ассоциации с мифологическими образами, запечатленными в другом, несколько ранее написанном стихотворении поэта **«Кто слово Ветхого завета...»**, где первый его абзац напоминает две первые строфы «Зороастра»:

*Кто слово Ветхого завета
Над мрачной бездной произнес*

*И искрой собственного света
Безбрежный озарил Хаос?
Не ты ли, Солнце? Что ж сгорело?
На запад светлый взор поник?
Где храм величественный Бела?
Где твой хранимый Вестой лик?
О, не гордись своею силой!
Всё славит ясный твой восход,
Доколь и над твоей могилой
Другое Солнце не взойдет!*

Здесь также звучит гимн Солнцу и возникает образ Бела, чей величественный храм уже не выполняет своей изначальной функции. Весьма интересно, что в соответствии с описанием первоначального сотворения мира почти во всех Священных книгах воспроизводится поэтическими образами красочный сюжет. Вспомним, что пишет Моисей, духовно перенесенный в начало зарождения земли, о Первом Дне творения: «В начале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою» (Быт. 1, 1-2). То есть свет сквозь тьму над бездной не достигал земли. «И сказал Бог: да будет свет. И стал свет» (Быт. 1, 3). «И увидел Бог свет, что он хорош, и отделил Бог свет от тьмы. И назвал Бог свет днем, а тьму ночью. И был вечер, и было утро: день один» (Быт. 1, 4-5). Смысл сказанного пытаемся понять через интерпретацию Д.Щедровицкого: «Этот стих имеет множество измерений. Прежде всего, он описывает само возникновение нашей Вселенной путем эманации света от Всевышнего... Бог говорит; Он творит словом, а слово содержит в себе мысль и волю. Сказанное Богом тотчас осуществляется реально, становится причастным к бытию. Ибо вся Вселенная представляет собой как бы внутренний мир самого Бога, находится в Нем и так же подвластна Его мысли и слову, как наше воображение подвластно нам... Мир прообразов, мир духовный, и мир видимый соединены, в том числе и в самом человеке, который одновременно живет телом своим в мире видимом, а духом – в мире невидимом. Библия говорит, что творение пришло к бытию посредством Духа Божьего, Слова Божьего, или премудрости Божьей». Разъяснения авторитетного ученого как нельзя лучше объясняют нам не только библейский текст, но и поэтический его пересказ Вельтманом. «Слово» и «Свет» здесь являются синонимами, благодаря этим эманациям Творца сотворен мир. Однако обращение к Солнцу и укор его в горделивости должны восприниматься двояко: с одной стороны, напоминание о том, что оно тоже является творением Бога, Его эманацией, с другой – с неожиданным переходом к осмыслению природных качеств и изменчивости небесного светила в связи с восходом и закатом. Поэт негодует о потере Солнцем «светлого взора» при завершении своего цикла, то есть захода его на западе.

Восстанавливая в мифологической памяти сравнение с умиранием Солнца («твоей могилой») при закате и торжественным, божественным его явлением во время восхода и началом новой жизни («Всё славит ясный твой восход») поэт, на наш взгляд, пытается утвердить наличие божественного начала в мире.

В следующей строфе поэт опять вопрошает, привлекая к действию новый персонаж:

*Ты, сладостная, где? Где твой кумир, Аная,
К которому любви поклонники текли*

*И, жертвы тучные в объятиях сжимая,
Нетерпеливо в храм к закланию несли?*

Поэтический взор поэта не видит кумира «Анайи» и всех тех, кто шел с упоением на поклонение идолам и приносил им в жертву последних своих кормильцев-животных. «Аная», по объяснению Вельтмана, «то же, что у греков Венера». Здесь имя зороастрийской мифологической героини Анахиты несколько изменено поэтом, как и предыдущие имена божеств. Но от

этого не меняется смысл текста и предназначение поэтических образов. Привлекает внимание другое описание жертвоприношения (кстати, служение языческому божеству Ханаана «Бааль-зевул», называемым по-древнееврейски и по-финикийски «господин святилище», сопровождалось развратом и человеческими жертвоприношениями), которому, видимо, тоже был положен конец с приходом Закона Зороастра. То есть текст постепенно приоткрывает завесу над тайнами, при помощи которых автор пытается пробудить интерес читателя. Однако эти тайны – не оргии и греховные действия, которые совершались под видом поклонения идолам, где под покрывалом праведной любви осквернялась сама идея божественной любви:

*Где рощи пальмовой услужливые сени,
Навесы темные, цветущие древа?
Там таинства свершались наслаждений,
И слышались любви волшебные слова!*

В строках поэта прослеживается явная ирония над ложным языческим представлением о поклонении божествам-идолам: здесь «пальмовые услужливые сени», «цветущие древа» как будто отторгают человека от постижения Истины, духовного совершенства и ввергают его в лоно исключительно земных, животных инстинктов, создают благоприятные условия для чувственных страстей – «наслаждений». А «навесы темные» следует понимать не только как укрытие от взоров окружающего мира, но и как указание на «темноту», на невежество, на приземленность мышления идолопоклонников.

И как антитеза, противопоставление вышеуказанному невежеству представляется другая картина, другой пейзаж и другие персонажи служения:

*Взрастает кипарис; под мирной тенью древа
Лик солнца пламенно горит;
С священного огня блюстительница дева
Не сводит кроткий взор, задумчиво стоит.*

«Кипарис» олицетворяет собой стройность, стойкость, непоколебимость перед угрозами и тем самым подразумевает долговечность существования Закона, посланного Творцом через Зороастра. Эту мысль поэт подчеркивает и в примечании: «Зороастр при основании первого храма Солнцу насадил при преддверии его кипарис». Не только знаковый «кипарис», но и алтарь пламенно горящего огня «под мирной тенью», переданный поэтом как «лик солнца», и который был храмовым святилищем зороастрийской религии, бдительно охраняется девой, чей «задумчивый» взгляд следует понимать как попытку медитативного постижения тайны Света.

После прочтения стихотворения мы задаемся вопросом: случайно ли возникло это стихотворение, посвященное Зороастру? Оказывается, нет. Обзор последующего его творчества доказывает, что эта тема его интересовала давно, и результатом стал заинтриговавший не только современников, но и сегодняшних ученых научный труд «Маги и Мидийские каганы XIII столетия», отпечатанный в типографии Московского университета в 1860 году, который, к сожалению, тоже не удостоился пристального исследования ученых.

Прежде чем перейти к анализу указанной работы, значительным образом восполняющей допущенные в стихотворении лакуны (пробелы), необходимо, на наш взгляд, вкратце вспомнить и другую книгу писателя: «Атилла и Русь IV и V века. Свод исторических и народных преданий», изданную в 1858 году. Именно здесь Вельтман предпринял дерзкую попытку доказательства славянского происхождения гуннов, которая в последующем была подхвачена и развита некоторыми учеными. Не вдаваясь в подробности данной гипотезы, выходящей далеко за пределы нашего исследования, позволим привести лишь одну цитату из книги, перекидывающую смелую идею к рассматриваемому труду: «Из этого сказания можно понять, что Готы Козарские, управляемые своими Когэнами, и известные Истории под названием Готов Тетракситов, или впоследствии Трапезитов, (Готия Крыма называлась Трапезитской, по

Трапезос (Чатырдаг). Города Готов были: Мангуп и Джуфуть-кале (Castella Jadearum). Названия Gothaland, Gothlandske Volck, доставило случай Барбаро (в 1436 году) сообщить Истории сведения о существовании народа Gotalani, что по объяснению его означало Готов-Аланов.) не остатки Готов Эрманарика, а потомки коренных Гебров-магов, от которых в 6-м еще столетии до р.х. отделились переселенцы во Фракию, (См. De Getarum sive Gothorum orig. Iorn.) без сомнения, по возникшему в то время сектаторству в веровании Гебров. Новое верование прояснилось в учении Зердуста. Дарий Гюштакп, последователь новых магов, преследовал древних». Как видно из цитаты, Вельтман-ученый считает потомками коренных Гебров-магов (тетракситов), часть которых переселилась в 6-ом веке во Фракию. И без комментариев понятно, что у истоков верования Гебров-магов стоит Зердуст (авестийское имя пророка) и что последователи его учения преследовались Дарием. Этим коротким заявлением завершается упоминание о магах и Зердусте, а далее – излагается уже упомянутая гипотеза. Однако привлекают внимание акценты на словах «потомки» и «верование».

Именно эти концепты получают дальнейшее развитие в смысловых сферах исследования **«Маги и Мидийские каганы XIII столетия»**. Вполне вероятно, что определенные интенции писатель оставил для реализации в новом научном изыскании. И в этом нет сомнения, ибо, обращаясь к предисловию «Маги и Мидийские каганы XIII столетия», мы наблюдаем постепенное раскрытие авторского замысла. Для начала приведем несколько выдержек из предисловия к работе: *«Возьмем в пример из Древней истории очень важные события, и для России и для Европы, нашествия Гуннов в IV столетии и Монголов в XIII-м.»*; *«Заглавие предлагаемой нами статьи определяет достаточно те простые выводы, по которым объясняется, что под Восточным названием Мугулы следовало искать не народ, не Мон гу Китайских, неизвестных Руси, но прозвище по верованию»*. Выступая против установившихся и принятых исторических данных, Вельтман выдвигает совершенно новую, кажущуюся парадоксальной, версию о двух известных событиях: о гуннах в IV столетии и о монголах в XIII веке.

Но поскольку о первых речь шла в предыдущей книге, Вельтман объектом исследования делает вторую тему. Обращение к теме и ее актуальность объясняются следующим образом: *«До сих пор Русские историки не считали необходимым исследовать положительно, кто такие были те Ханы, преобладатели Азии, которым и Россия принуждена была платить дань в продолжение более ста пятидесяти лет»*. *«Но если вникнуть в вопрос о нашествии так называемых Монголов с совестливым вниманием, то надо сознаться, что он не только не разрешен, но, напротив, запутан и затемнен холодной эрудицией историков-копиистов. Этот вопрос требует не односторонних соображений, и я решаюсь поверхностными своими сведениями обратить на это внимание историков по призванию»*. Писатель-ученый, считая сведения о нашествии запутанными, односторонними, скромно – своими поверхностными знаниями – призывает историков обратить внимание к его труду: *«Не оспаривая ни этнографические сведения миссионеров, ни генеалогические Ханов, я позволяю себе только сомневаться в достоверности приложения их, сомневаясь в сведениях географических и думать, что Мон-гу или Маньджу – особый народ, существующий более 4000 лет, в неизменном образе пастушеской жизни слишком далек от событий XIII века, взволновавших не только западную Азию, но и западную Европу»*. Будучи профессионально осведомленным в картографии и археологии, писатель позволяет себе усомниться в достоверности и интерпретации фактов, играющих роль в мировой истории, и мы понимаем, что дальнейшие исследования будут посвящены именно этим фактам и их изучению. По мнению автора, большинство ученых, ссылающихся на одни и те же, преимущественно западные источники, ввиду появления новых источников и мнений, не могли *«избежать новых соображений, новых поправок в названиях городов и местностей, и не сличить с появившейся на свет историей Татар Абульгази-Бахадур-Хана. Надо было свети и путешествия по одному и тому же пути и разницы рукописей»*. То есть для объективного подхода ученый впервые требует обращения к восточным источникам, разнящимся в какой-то степени от западных. Он считает, что *«в древних рукописях подобные разницы – очень обыкновенная вещь, и смелый географ, заботящийся о наполнении пустот карты земного шара, может безответственно проложить путь побед Александра Великого в Индостан, минуя Кавказ, и не заботясь, что вся гроза Азии остается у славнейшего из стратегов в тылу»*. И добавляет

к сказанному, что наряду с другими источниками, *«путешествие монаха Рюсбрека или Рубруквиса, посла Французского Короля Людовика IX, в неведомые страны Азии, издано Берже-роном на таком же основании...»* Естественно, что мы не будем останавливаться на всех аспектах вопроса о монголо-татарском нашествии, кроме тех, которые непосредственно связаны с зороастрийцами. Но прежде чем приступить к анализу текста произведения Вельтмана, уточним еще раз суть источников, которые служат научной базой для его гипотез. Среди них основное место занимает работа студента Санкт-Петербургского университета – будущего историка-востоковеда Василия Васильевича Григорьева – **«История Монголов от древнейших времен до Тамерлана»**, изданная в 1834 году. Совершенное знание восточных и монгольского языков позволили Григорьеву написать работы по истории Золотой Орды, Средней Азии и сопредельных с ней стран и областей. Глубокая преданность науке и стремление развить ее востоковедческое направление исходило от его учителей – известного востоковеда Осипа Сенковского и Иакинфа Бичурина, последователем которого он стал в области истории монголов и Средней Азии. На Востоке издревле была известна Всеобщая история монголов Хондемира **«Хуласат ал-Ахбар»**. **«История Монголов от древнейших времен до Тамерлана»** В.Григорьева является первым переводом этой книги с оригинала, снабженным лингвистическим и историческим комментариями. В тот период, как замечает в предисловии к книге сам автор, большинство восточных авторов переводилось на русский язык посредством европейских языков и не отличались адекватностью оригиналам. Именно стремление к точности и обоснованности в науке побудили Григорьева обратиться к рукописям летописей Хондемира на персидском языке. Эта работа Григорьева, получившая должный отклик у научной, современной ему общественности, и сегодня служит источником анализа специалистов.

Вторым источником анализа послужила летопись историка, писателя, поэта Абульгази Бахадур-хана (1603-1663) **«Родословная тюрков» («Шеджере-и тюрк»)**, написанная в 60-х гг. XVII столетия. Интересно, что сам Абульгази, будучи хивинским ханом, принадлежал к династии Шибанидов, которые вели свою родословную от Чингис-хана. Поэтому неслучайно он посвятил свой труд наиболее важным событиям истории Чингисидов. Являясь фундаментальным исследованием по истории тюркских народов, работа Абульгази, *благодаря переводу на французский язык, стала известна европейским читателям в 1726 году. Уже в 1770 году В.Тредиаковский перевел ее с французского на русский язык. Только в середине XIX века стал возможен перевод с оригинала, сделанный известным переводчиком Корана Г.С.Саблуковым (1804-1880), изданный частично И.Н.Березиным в серии «Библиотека восточных историков» (т. III, 1854) и отдельным изданием в Казани в 1906 году. Не вызывает сомнения, что русский писатель использовал перевод В.Тредиаковского.*

Вернемся к анализу книги **«Маги и Мидийские каганы XIII столетия»**. Содержание её позволяет выделить в ней определенную системную последовательность раскрытия зороастризма: внесение ясности в название «маг», уточнение их языковой принадлежности, особенностей религии и обрядов. Попробуем в такой же последовательности рассмотреть ход мыслей писателя. Приведем его рассуждения: *«Следовательно, Монголы или собственно Монгу, Мань-джу, Северно-Китайские племена, никогда бы не знали о подвигах своих предков, если б Европейские Хинологи не приняли на себя труда отыскивать в Китайской истории логовище пришедших-ушедших чудовищ, IV века — Гуннов, и XIII — Монголов.*

Как приложена Европейская хронология к Китайским летописям, как выражены шипящие двухсложные имена и названия, и как приспособлены географические сведения, мы не можем судить; но первые, то есть, Гунны, отысканы в событиях Богдыханской династии Хан, а вторые — в династии Юан.

Во всяком случае, это источники по преимуществу хинологов; любознательность же Азиатская любит почерпать историю после вечерней молитвы в ханах или каравансараях из уст путешественников. Абульгази-Баядур-Хан, историк Татаро-Магулов (Маауль, Магуль), упоминает, однако же, о своем главном источнике: В 702 году от Эгиры (т. е., в 1303 году) Чаган-Хан (по Хондемиру, Газан-Хан) поручил Визирю своему Ходже Рашиду сочинить книгу родословия, закона и обрядов Мугульских, дав ему в распоряжение свои Мугульские книги и в помощь Мугула Фулата Чабиксанга. Из составленной Рашидом книги Абульгази почерпнул

свое родословие Татар, приступив к труду спустя 372 года после Рашида, то есть, в 1675 году: «Правда, говорит он, что в этот промежуток времени много писателей брались за этот труд, но, не зная различных языков, они учинили большие преступления и смешали почти все роды и племена».

С XVII столетия имя Монголов распространено Европейцами на всех Буддистов или Сакьямунистов северной Азии, несмотря на то, что по Восточным писателям все Мугулы со своим Ханом Махмуд-Гассаном в начале XIV века приняли Магометанство, все же воспротивившиеся отступлению от своей веры удалились на восточные границы Персии, в Керман и Кабул, а не в Китайскую Монголию». Для полного понимания смысла приведенного отрывка мы считаем уместным привести здесь и авторскую сноску: «По Хондемиру, придворному врачу и Визирю Ходже Рашиду поручил писать Собрание Летописей Султан Махмуд-Газан; но название Султана и имя Гассана, вероятно, получил он, приняв со всеми Мугулами Магометанство: «Гасан-Хан звездою своего восшествия (1266г.) осветил мир, и в тот же день издан был ярлык, которым повелевалось Мугулам, ниспровергнув основание неверия, принять величайшую Мусульманскую веру». Сочинение Рашида «Джами-ут-таварих (собрание летописей), заимствовано частью из сочинения Ала-уд-Дина, описавшего историю завоевателя мира (т.е. Гулагу-Хана)».

Из рассуждений русского писателя следует, во-первых, что европейская синология навязала науке и читателям историю монголов как историю северно-китайских племен путем выискивания, подтасовывания фактов, тем самым создав миф, привязавший к китайской истории не только монголов, но и гуннов. Во-вторых, приложенная к китайской хронологии история гуннов и монголов претерпела искажения как в именах, названиях и географических сведениях, так и в причастности их к известным династиям Хан и Юан. Этой, по мнению русского писателя, выдуманной науке противопоставляется летопись восточного историка Абульгази Бахадур-хана, который, предприняв инициативу написать свою родословную, опирается на сочинение Ходжы Рашида, являющееся достоверным отражением истории татаро-магулов, черпающее в свою очередь факты из «мугульских книг» и «помощника мугула», что способствовало верному пониманию законов и обрядов мугулов. Летопись Абульгази привлекает внимание Вельтмана тем, что ее автор, создавая историю своей родословной, ставшей в целом историей тюрков, пытается избежать историко-фактических искажений, показав, что даже после принятия мусульманской религии, с целью сохранения памяти, последователи религии мугулов переселились на отдаленные территории. Поэтому автор, ссылаясь на выдержки из летописи, делает вывод: «История Татар-Мугулов начинается не с династии Юан Небесной империи, но привязана к мифу той религии, к которой они принадлежали до Магометанства».

Вот как описывает это начало Хондемир:

«В месяц Раджеб 602 года от Эджиры или Эгиры, когда блистательное солнце развернуло знамя величия и пышности в обители блеска и славы, и когда Темучин в Курилтае воссел на престол, тогда некто из благочестивейших людей Мугульских, знавший все сокровенные тайны и возносивший иногда на небо (т. е., ходивший на поклонение богам), по имени Бют-Тенгри, сказал Темучину: «Великий Бог, существо красного цвета на белом коне, повелел мне отдать все лицо земли Темучину и потомству его, почему и нарицаю тебя Чингис-Ханом».

На этот случай персидский историк-поэт присовокупляет стихи: «Мы дали тебе имя Чингис-Хана, и потому не именуемся впредь Темучяном. И все стали величать его Чингис-Ханом, что значит на языке Туранском Царь-царей».

По Абульгази, предсказатель назывался Кукча (вер. Ходжа), по прозвищу «бют-тенгри», что по-татарски значит: лик Божий. И как ни искажен уже этот миф, но все же в нем проглядывает родоначальник Кеанидов, получивший все свои блага от вод (денгис).

В истории Грузии Вахтанга V, вместо Темучин называют Тимурджи (Themourtchi), что значит по-татарски «кузнец». Это ближе к преданию, которое говорит именно, что родоначальник Мугулов Темучин был кузнецом, родственником, как объясняется, Египетскому Тубал-Каану, которого Орфей называет «вечный огонь».

Вывод и ссылка напоминают нам о том, что было заявлено еще вначале, заключающуюся в раскрытии истории монголов, которую автор рассматривает в контексте религии му-

гулов, расшифровки названия их и уточнения их языка. Факт переименования имени Темурчина в Чингис-хана и его понимания на русском языке служит своеобразным подтверждением тому, что мугулы говорили на тюркском языке. Более того, хотя и переводы ссылок нуждаются в серьезных исправлениях, вследствие того, что они переведены с языка-посредника, Вельтман приводит названия на тюркском языке слов «предсказатель» и «Бог». Следует напомнить, что у зороастрийцев предсказатель, он же – жрец, назывался изначально *кави*, затем – *заотар* (*хотар*), впоследствии – *кахин* (трансформированного, как увидим далее, в *каген*). Предположение автора на обозначение «Ходжа» является, на наш взгляд, ошибочным. Более подходит слово «*гёрюджу*», которое в более поздний период так же раскрывало понятие «предсказатель» или «ясновидящий». Необходимо внести ясность в понимание слова «бют-тенгри», переведенное неверно как «лик божий». Следовало бы перевести как «Великий Бог». Кстати, по поводу религиозного термина «Тенгри» есть весьма подробное объяснение Рогозиной З.А., которое следует вспомнить: *«Понятие это семиты разработали и одухотворили, как все, что они заимствовали у шумиро-аккадьян; но и у последних уже в древнейших письменах знак ЗВЕЗДЫ употреблялся для выражения понятия не о каких-либо божестве или богине, а божественности вообще. Имени каждого божества предпосылался знак звезды, и это означало: «бог такой-то» или «богиня такая-то», а при чтении этого знака произносился: «адингир – бог, божество». Семитический язык позднейшей Вавилонии, который мы называем ассирийским, приспособляя древнее письмо к своим нуждам, сохранил знак звезды в этом же смысле, но семиты при чтении произносили его **илу** – бог»*. Указанное объяснение возвращает нас к глубокой древности и позволяет уяснить, насколько заимствованный термин, порой приспособленный к своим языковым и религиозным понятиям, претерпевал не смысловую, а лексическую трансформацию. Вместе с тем приведенный аргумент закрепляет в нас уверенность в том, что название «адингир» («дингир», «тингир», «тенгри», «танры») имеет тюркскую основу, более того, тюркские этносы его сохранили до сих пор.

Далее Вельтман пытается закрепить исходные данные о «мугулах»: *«Название Мугул, – пишет он, – у Магометан, хотя и приняло значение язычник, но насколько не в смысле Буддизма. Абульгази, по обстоятельствам, прожил целый год в земле Калмак (Кермань?). Здесь, по словам его, изучил он язык, почерпнув родословные предания и написав свою историю на Мугульском или Турецком языке, не вмешивая другие языки (персидский и арабский), чтоб ее могли все читать, и потом уже намерен был перевести на персидский язык. Таким образом, по смыслу Абульгази, Мугульский язык есть собственно Татарский (Тюркский), на котором он писал родословие Ханов, своих предков; ибо бухарский язык в основе своей есть персидский»*.

Может показаться на первый взгляд странной убежденность автора в определении языка, но не следует забывать о том, как мы отметили, что он владел восточными языками и подходил с большой ответственностью к выводам. Его правота подтверждается последующими исследованиями авторитетных востоковедов. В частности, имеет подтверждение в уже цитируемом труде З.А.Рогозиной: *«От халдейцев и их предшественников, шумиро-аккадьян, вера в астрологию, колдовство и всякого рода гадание передавалась западным народам, вместе с разными обычаями, которые зажились до сих пор в мало развитых слоях общества. Самые слова «магия» и «магик» мы унаследовали от этих непомерно древних времен. На древнем туранском языке Шумира жрец назывался, между прочими именами, **«имгаж»**. Семиты переделали это слово на «маг». **«Рабмагъу»**, т.е. «великий жрец», или вернее – «главный волхв», был весьма важным сановником при дворе вавилонских и ассирийских царей. Отсюда пошли **«магусу»**, **«магия»**, **тмагу**) – на всех европейских языках». Не ассоциируется ли древнешумерское «имгаж» с тюркским «инандж» (вера)?! Не аналогичными ли лингвистическими рассуждениями осмысливаются нижеприведенные строки русского писателя: *«Исследуем это название Моал, которое Персы и Татары пишут – Мугуль... Иудеи называют Магов Haver (Гебр), откуда Магометане образovali Гяур, Джяур, в смысле неверный, язычник. Религию Магов Арабы называют Маджусие, Татары – Муглык. Маджус (Магус) значит Маг. В Персидском, от единственного Муг (Маг), множ. Мугуль, Маги; точно также, как в Турецком и Татарском от Муг, Магия, Магизм; Муг-лы, следующий Магизму; как от Осман, Осман-лы; дин, вера, дин-лы, верующий; сан, честь, сан-лы, чествуемый, принимающий честь. Следовательно, повторяем, что название**

Мугул принималось собственно за верующих в Магизм, и несколько за какой-нибудь особенный народ, и тем более за Китайских Мон-гу, Ламайских Буддистов, которых верование основал Шяг-муни». Выходит, что умозаключение Вельтмана является не голословным, а опирается на свидетельства ученых историков-востоковедов. Более того, обнаруживается, что жрецы, приверженцы и последователи религии Зороастра, были известны своими знаниями в области астрономии и астрологии халдеев, и они представляли шумеро-аккадскую культуру. То есть, выстраивается любопытная система передачи шумеро-аккадских религиозных традиций, трансформируемых, в зависимости от изменившихся условий и сознания, в вавилонскую и ассирийскую культуры. Развивая мысль, Вельтман как бы продолжает рассуждения Рогозиной, хотя дистанция между их книгами составляет около пятидесяти лет.

В этом контексте не менее интересными и занимательными являются мысли Вельтмана относительно сути религии мугулов. Так, он пишет: *«Победы Гедеона, полководца иудейского, относятся до Мадиян, собственно Мидов-Халдеев-магов, постоянно враждовавших с сродниками своими, иудеями, за права первенства и различие религиозных понятий. Одни признавали верование в материю (природу), другие – только в идею»*. Сообщение писателя возвращает нас к истокам всех религий, их взаимосвязи и взаимодействию. Существенным в этом сообщении является упоминание о «мидо-халдеев-магов», понятия о которых еще более интригует нас и вызывают желание разобраться.

Последующие соображения говорят о дотошности, любознательности самого автора: *«По мнению некоторых, говорит Бержерон, Татары Мугулы происходят от 10 колен Израильских, переселенных в Мидию и перешедших оттуда в Арзарет; в этом убеждается он сведениями, что Татары до принятия Магометанства обрезывались. Все эти намеки истории наводят на то, что в персидском и татарском слове (Магуль, Мугуль) должно искать не собственное имя какого-нибудь народа, но прозвище его по верованию. Этим положением достаточно, чтобы обратиться к верованию Гебров-Магов, Парсов, которых, говорит Арриан, Скифы называли изгнанниками. Коренные жители Парсии (Парси или Фарси) были некогда последователями верования Савиан, или Сиваитов, и поклонялись девам; но Джемшид ввел между ними так называемое **огнепоклонение**, верование Магов, которое и называлось религией Джемшида»*.

Замечаем, что, изучая множество материалов, автор труда не только расширяет знания по исследуемому объекту, но и привлекает в научный оборот новые исторические факты, посредством которых он пытается оправдать и убедить нас в правоте своей гипотезы.

Например, к указанному тексту по поводу «религии Джемшида» он дает сноску: *«Это собственно религия Зендов. По всем соображениям исследований, говорит Анкетиль, я убедился, что Зендский язык был в употреблении еще до Р.Х. по преимуществу в странах по западную сторону Каспийского моря: в Мидии северной или Адербиджане, в Грузии и Иране»*. Эти уточнения дополняют знания читателей о распространении верования и языка на конкретных территориях, о локализации родины Заратуштры, то есть Мидии, области Азербайджана. Нельзя не заметить и убедительность его суждения в мыслях: *«Нет сомнения, что степные Магалы на Куре, и Муганская степь, прилежащая к горам Адербиджана, соседние с Персией и населенные Тюрскими племенами, сохраняли упорно верование Магов»* и в ссылке на Плато-Карпини относительно местонахождения страны Монголов: *«Действительно, здесь начинаются Магалы, и нет сомнения, что разделение Кахетии, Соихетии, Армянской области, Кубы, Баку, Ширвана, Карабаха и Мугани, на Магалы, может определять весь объем главного населения Гебров-Магов, Муг ли или Мугул»*.

Говоря о войне Атабека Иль-Дегиза с Грузией, Вельтман вносит следующие знания об Азербайджане: *«Известно, что Ардебиль, исконная столица Адербиджана, по сие время считается всеми остатками Гебров за священное место. Нет сомнения, что к нему же должны были привязаться и предания Татар Мугулов или Магов. Здесь была родина Зороастра или Зердуста; здесь должна была быть и родина мифа Дженгиса. По преданию, он родился в Орду-балык. Ардебиль лежит на реке Балык и, следовательно, в персидском названии можно видеть изменившееся тюркское, или татарское»*.

Здесь степь зимнего кочевья Мугулов – Мугане, называемая персами Таргин или Туран-Ташт.

Здесь Пайтаракан (в послед. Байлакан), город в древней области Бактра, и Богован или Баг'к-гёг (Баку), обитель бога огня».

Тут автор не только демонстрирует свои лингвистические знания, но и вносит коррективку в понимание названия столицы современного Азербайджана города Баку. «Обитель бога огня», на наш взгляд, является наиболее древним и отвечающим смыслу его предназначения. Осмелимся предположить, что этимолог «Богован или Баг'к-гёг» является авестийское *Воху Мана* («Благая Мысль», «Благой Помысел»), аллегория одного из благих качеств Ахура Мазды (*Господь Мудрый*), приобретшего значение места Его пребывания. Нет сомнения, что и Девичья башня представляет собой Храм огня, служащий отправлению обрядов и поклонению верующих. Кстати, ближе к заключительной части работы русский поэт повторно употребляет слово «Багаран», но с тем же значением, указывающим на местность Золотой Орды: «Таким образом, местность так называемой Золотой Орды и по всем данным истории и географии определяется в Малой Армении, в области Катаи, на р. Ахурёан (западный Арпачай), где некогда был великолепный храм Гебров Магов (Муг-ли, Мугул), носивший название Багаран (обитель богов), и где присутствовал их царь-первосвященник (Cohene) (читай Kahin – **Р.Н.**). По выражению Рюйсбрёка: «Gouverneurs des peuples parle moyendes augurcs».

Далее, замечая, «что почти все народы, принимавшие письменный закон, вместе с тем или принимали начертания его, или изменяли существовавшие уже свои собственные, чтоб существенно отделиться от прежнего верования, которого письмена могли напоминать его предания и обряды», автор утверждает: «До Христианства Армяне под влиянием верования Гебров также употребляли их азбуку, состоявшую из 29 букв, между которыми, однако же, не было гласных. В 406 году до Р. Х. (после Р.Х., ошибка автора цитаты – **Р.Н.**)ученый Месроп, по поручению Патриарха Исаака и Царя Шапуга, изобрёл и прибавил к 29 буквам Гебров 7 букв гласных». Не правда ли, существенное напоминание для тех, кто забыл свою историю! Более того, продолжая эту мысль, русский поэт ещё раз подчёркивает: «С принятием Исламизма, как Татары или Тюрки-Маги, так и Маги-Персы приняли Арабские письмена; точно также Тюрки-Маги во время Халдейства без малейшего сомнения употребляли письмена Гебрския или Гяурския, что и поясняет слова Рюйсбрёка: «Грамота, которую Мангу-Хан посылает к Вашему Высочеству, писана на Моальском (Татарском) языке буквам Гяурскими (caracteres Jugures)».

Относительно обоснования мотивации поклонения огню носителями религии, дается ссылка на другого ученого: «Плано-Карпини также упоминает об этом очищении посредством прохождения через огонь: «Когда надлежало нам идти ко двору Батыя, то нам сказали, что мы должны пройти чрез два огня. На это мы никак не соглашались; но они сказали: Ступай без опасения! Это мы делаем для того, что ежели вы имеете злой умысел против нашего Государя, или принесете при себе яд, то огонь истребляет все злое. – «Если так, то мы готовы, отвечали мы». В связи с раскрытием символа огня привлекает внимание очень интересное замечание: «Происходя от Джемшида, говорят Гебры-Парсы, мы поклоняемся Богу и всему, что он создал: мы поклоняемся солнцу, луне, огню». Такое раскрытие символа полностью меняет отношение к религии зороастрийцев, которая в последующем, в связи с возникновением новых религий, была преподнесена как религия огнепоклонников, тем самым предана забвению как религия язычников, не имеющая ничего общего с монотеизмом.

За пределами исследовательских наблюдений не остаются и обряды зороастрийцев. Вот как он их описывает: «По обрядам Авесты или законов Ормузда, Неренг, обряд или жертва очищения посредством огня или воскурения, совершается при молитвах (K[^]aesch) и прославлении (izeschn); напр.: «Взываю я прославляю гору жизни, великую Албордж, и все блестящие горы, свет Кеанов. Взываю и прославляю сии места и грады, пастбища стад, поля хлеба, воды, древа, воздух, луну, солнце и весь народ. Сею жертвой (Zour), сим Барсомом (куст, связка Хома), молю Митру (воплощенное божество), вознесенного над светлым миром, молю звезды, луну, солнце, древо (Хом)». Культ «Неренг» (Нерьясанг, Найрьо Сангха) восходит к индоиранской эпохе и представляет собой эпитет бога огня или же сам огонь, который прославлялся молитвами. Молитва исключительно построена на прославлении, восхвалении, без содержания какой-либо просьбы и обращена ко всему тому, что создано Творцом.

Вельтман не забывает упомянуть и об утвари, которая является необходимым условием

при совершении обряда: «При обряде употребляются: Сосуд огня (атеш-дан). Barsom, т.е. связка ветвей священного куста, называемого Хом (Horn). Аванд, или сосуд с очистительной водой, в которой погружается Хом, что и называется Перахом, сок Хома. Пиале-х, чаша для молока, и пр., и пр. При совершении обряда возглашается. «Да будет сей Неренг могуществен, и да светлый закон Маздеиснана (Ормузда) распространится в семи Кешварах земли!» После этого совершается призывание блаженных духов предков, по родословию: «Призываю души предков, отцов, матерей, детей». При приношении даров, Джути (жрец) возглашает: «Совершаю прославление за (сего) приступающего с дарами Хому, нисходящему с горних, священному, чистому и великому». Кроме священного куста Хом, воздымаемого при совершении жертв, в Вендидад-заде, Хом является каким-то существом, к которому относятся прославления и молитвы. Нет сомнения, что это Агни Индейцев. У Парсов или Магов всякое действие совершалось с молитвами и обрядами очищения: и принятие даров, из которых частица отделялась на жертвенник Хома, и принятие дружбы».

Скрупулезное описание совершения обряда свидетельствует не о смаковании экзотических для читателя деталей, а о своеобразном комментировании археологических данных, идущих из глубин веков. Но оказавшийся в плену искаженных переводческих текстов русский писатель инерционно допускает некоторые ошибки: это касается имени или названия жреца, которое, как было указано выше, передано неверно и по-разному в текстах. Не лишне будет напомнить, что порой Вельтман сам выявляет курьезы у «отцов истории»: «Кстати упомянем, что Страбон (кн. XV, с. 733) был свидетелем религиозных обрядов Магов, при которых связка Хома составляет неминувшую принадлежность, но, вероятно, по непониманию значения слов он принял священный Хом ( ) за идола». Кроме описания обряда Вельтман дополняет их космогоническими сведениями, подтверждающими принадлежность языка мугулов к тюркскому: «В нелепом сказании Хондемира и иных, этот коренной миф теогонии Магов также обращен в историческое лицо. В нем, однако же, не трудно узнать Ормузда и 6 Амша-спандов: Ормузд — видимый мир. 6 творений или сынов его: Солнце, луна, звезды, твердь неба, твердь земли, море. 6 сынов Огус-Хана: Гунь по Тюрски или по-Татарски — солнце; Ай — луна; Йульдуз — звезда; Гук — небо, Таг — гора; Дингиз — море».

Подводя итог своему замыслу и научным изысканиям, Вельтман заключает: «После этого в Китайской ли Мон-гу, или так названной Монголии, следует искать потомство этих мифов, поразившее ужасом Европу? Определив верование Мугулов и значение имен их, следует определить местопребывание Каганов, куда ездили к ним Русские Князья, Азийские Государя покоренных народов и послы Папы и Короля Франции».

В данном случае, как мы уже заявили в начале нашего исследования, нас интересовало большей частью не доказательство его гипотезы, а все то, что связано с религией зороастризма и Азербайджаном. И мы убедились в том, что сведения эти носят аргументированный, научный характер и раскрывают очень многие факты, связанные с верованием магов, с их обычаями и обрядами, и с их местом в историческом развитии других верований, культур и цивилизаций.

Таким образом, поэтическое творение Александра Фомича Вельтмана, посвященное Зороастру, впоследствии нашло свое научное отражение в книге «**Маги и Мидийские каганы XIII столетия**». И обнаруженные в ходе анализа стихотворения вопросы и лакуны, нашли свое дальнейшее восполнение в труде русского поэта. Это случай сочетания одной и той же темы в поэтическом тексте и научном исследовании, который встречается не только в русской, но и в мировой литературе.

ГЕННАДИЙ САЛАЕВ

Смех поэта

Говорят, что, мол, поэты
О себе стихи слагают,
О своей любви и боли –
А они в ответ смеются:
Мол, с абстрактным имяреком
Это все происходило,
Мол, все это небылицы
Из чужой какой-то жизни –
Он же, автор, наблюдатель,
Лишь невинный летописец.

Если ж честно, то лукавят
Авторы иных творений,
Коль в ответ они смеются,
Вроде бы, непринужденно:
В каждой строчке, там, где чувства
Перехлестывают, рвутся
На свободу для паренья,
И пера сдержать нет силы,
Чтоб не высказать волнение
Пламенем в душе горящем –
Там присутствует сам автор,
Свой портрет пером рисует,
Спрятавшись за ширму строчек.

Все его стихотворенья –
Отраженья, фотоснимки,
Дум и чувства зазеркалье...
Быль живет в стихах – не небыль,
То оргán звучит, то скрипка,
То ручьем, то водопадом
Льются мысли на страницы.

Так не верь, читатель, смеху,
Коль поэт смеется – значит,
Он в хорошем настроенье:
Над тобою он хохочет,
Над наивностью твоею!..

Конец февраля

Зимы прощальные гастроли...
Метет знакомая до боли
Снежинок карусель.
Но, до земли не долетая,
Как привиденье, в небе тает
Прощальная метель.

Отходят тихо от перрона
Зимы последние вагоны,
Спеша в забвенья даль.
Закат зимы. Объятья марта.
И первенца весны, как брата,
Приветствует февраль.

Знаком с законами природы –
Что, мол, пора смениться сводом
Весенней синевы,
А все ж послушным быть не хочет:
Порою вьюгами хлопочет,
Не чувствуя вины.

Хотя весна не тороплива,
Но мир уже нетерпеливо
С теплом свиданья ждет...
Ну, а пока февраль резвится –
И снег с небес слетает птицей,
И ветер нам поет!..

Стрекоза и муравей - 2

(В продолжение басни И.А.Крылова)

*...Ты все пела?.. Это дело –
Так пойдя же, попляши!..*

Зимний вечер... Распахнулась
Дверь каморки муравья.
Звонкий голос: «Я вернулась!
Здравствуй, братец, это я!..»

В белой шубке и сапожках,
Размалеваны глаза,
И браслеты, и сережки –
Заявилась стрекоза.

«Был ты прав в своих советах:
Стала я теперь плясать –
Много стран на белом свете,
Чтоб себя там показать.»

Рядом с ней идет вразвалку
И с брезгливым видом жук.
«Будь знаком – хозяин свалки,
Спонсор мой и лучший друг».

Прогудел жук: «Хватит нюни,
Дорогая, распускать,
Нет, поверь мне, моды ныне
О минувшем вспоминать.

В путь пора нам. Ты готова?..
Нас зовет морская даль.
Ты ж, дружок, читай Крылова,
Постигай его мораль!..»

Дверь закрылась. Ошалело
Муравей глядел им вслед:
«Видно, басня устарела
И несет не пользу – вред!..

Восхищался я ученьем
Баснописца – вот финал:
Пал я жертвой униженья,
Им сраженный наповал!..»

...Вот мораль: нет в мире истин
Прописных на все века,
Многоцветье правды кистью
Пишет времени рука.

Тени дневника

Стрелки на часах рисуют тени,
Предо мной растрепанный дневник,
Между букв бегут-текут мгновенья –
Памяти заброшенный родник.

Тень секунд мелькает по страницам,
В жизнь былую будто торопясь.
Там на черно-белых фото – лица,
Наших встреч и расставаний вязь.

На часах застыли стрелок тени,
Как секунды, что в часы длиной...
Все бледнее прошлого виденья
За бегущей дневника строкой.

Не страницы, нет уже, а главы,
Тень годов укрыла их... Дневник
Закрываю. Просто для забавы
Я зашел в забытый мной тайник.

Ну, а стрелки так же неустанно
Час за часом умножают тьму...
А дневник писать не перестану,
С ним я от теней сбежать смогу!..

Посвящение березкам и врачам

Средь палат больничных и уколов,
Немощных, больных, кряхтенья, стонов,
Средь бурьяна судеб – как надежда,
Облачившись в белые одежды,
На минорном этом карнавале
Вдруг береза хрупкая предстала.

Может, просто адресом ошиблась –
Иль сама сюда придти решила
Украшать судьбу других красою,
Первородной этой белизною?..

Ей бы с ветром выводить вокалы,
Быть принцессой праздничного бала,
Прививать ростки науки детям,
Умножать добро на белом свете...

А она живет своей любовью
К этой жизни, без любых теорий,
Возвращает радость тем, кто болен,
Кто судьбы ветрами был надломлен.

Это дар великий ей от Бога,
Это перст судьбы, ее дорога...
Вы не только клятвой Гиппократ
Связаны с больничною палатой –
Вы пред совестью своей в ответе,
Коль в халаты белые одеты!..

Гудъял

Бежит предо мною Гудъял,
Какой-то неистойой пляской,
Шумит у подножия скал
Своей первородной закваской.

Отец его – гордый Шагдаг,
Его ледники вековые,
Кавказа таинственный маг
Одетый в покровы седые.

Проворен Гудъял. Валуны
Ему лишь потеха, забава,

**Буруны студеной волны
Кудрявы, игривы, лукавы.**

**Он верен наказу горы –
Бежать сквозь ущелья до моря,
Прохладу нести от жары
На летнем песчаном просторе.**

**Петляет он козьей тропой
(Теперь уж покрытой асфальтом),
К истоку ведет, за собой,
Круша все граниты-базальты.**

**«Застывшей водою я был –
Журчит он, звенит и хохочет, –
Теперь про покой позабыл,
Я вольный джигит днем и ночью.**

**Размыл я ущелье свое,
Заставил раздвинуться скалы,
Меня мое море зовет –
В нем воды мои расплескались.**

**Хазару поведаю я
Про скалы, держащие небо,
Про снежные вечно края
Лежащие справа и слева...»**

**Бежит предо мною Гудъял¹,
Шахдага² сын смелый и вольный,
Гремит у подножия скал –
Коварный, бурливый, раздольный...**

Альфа и Омега

**От альфы до омеги
Листаю картотеку
Бегущих мимо дней...
А время беспристрастно
Рвет и сжигает властно
Листки календарей.**

**Была когда-то альфа,
Зари весенней альба,
Зовущая спешить,
Чтоб, падая от бега,
Все буквы до омеги
Успеть прочесть, прожить!..**

¹ Гудъял – Гудъялчай – горная река в Азербайджане.

² Шахдаг – одна из вечно заснеженных вершин Кавказа.

От альфы до омеги
Покрыта память снегом.
Спешит минут поток.
Век так распорядился,
Чтоб я в нем растворился
Перешагнув порог...

Осенняя гроза

Шуршит осенняя трава,
Как позабытые слова.
Прочитанная книга...
И вдруг – гроза!..
В осенний сад
Весны ворвался аромат,
И вновь в крови интрига.

Какая книга предо мной!..
В весну нырнул я с головой,
Чтоб книгой насладиться,
Ее все буквы прочитать
И тайны слова смаковать
На всех ее страницах...

Гроза умчалась. Лишь крылом
Меня задел весенний гром –
Фантом, сезона шалость.
А книга в памяти – мечтой,
И непролившейся грозой,
Нечитанной осталась...

ЭМИЛЬ АГАЕВ

КОГДА БОЛЬНИЦА – ДОМ РОДНОЙ

(Заметки...непациента)

Больница? Да. Здесь лечат (точнее – исцеляют: первое слово – от корня «лечь», в данном случае – «лечь в больницу», второе – от слова «цель», за которым энергия, направление, смысл!). Поликлиника? Да. Здесь больного обследуют, с тем, чтобы установить диагноз и назначить лечение. Научное учреждение? Да. Здесь исследуют, «обследуют» уже и сами болезни, врачи пишут статьи для журналов, проводят научно-практические конференции. Центр здоровья? Да. Здесь – и это, наверное, главное! – все направлено на то, чтобы пробудить в больном веру, вызвать к жизни не только его тело, но и душу, внутренние силы. Если же выразить все одним словом, то эта больница – знаменитая Центральная больница нефтяников – своего рода ДОМ РОДНОЙ, как для работающего здесь персонала, так и для больных!

Человеческий фактор

Журналистов пригласили осмотреть открытое недавно новое отделение этой больницы – урологическое. Правда, как уточнила тут же главврач (или, как называется ее должность официально – директор) больницы Лейла Сеидбекова, отделение существовало и раньше, но оно было капитально отремонтировано и оснащено такой суперсовременной техникой, что его смело можно назвать новым.

Началось же реконструирование всего и вся в этом лечебном учреждении года три тому назад, когда больница ГНКАР была передана на правах хозрасчета в подчинение министерству здравоохранения. Тут-то и сказался опыт, личные качества и организаторский талант Лейлы-ханым – она как раз в это время и возглавила больницу, а до этого много лет была начальником Главного управления здравоохранения города Баку.

То есть, с приходом Лейлы-ханым на должность главврача началось, можно смело сказать, второе рождение этой знаменитой больницы. И дело тут не только в медицине как таковой – в человеческом факторе.

Я уже бывал в этой больнице – не в качестве журналиста, в качестве больного, и, увидев меня на пороге своего кабинета, Лейла-ханым первое, что сделала – спросила, как я себя чувствую, и услышав, что с утра была аритмия, немедленно вызвала медсестру и направила меня на обследование.

Так что, пока я отсутствовал, Эйнулле Фатуллаеву – а именно с ним я пришел в больницу – пришлось отдуваться за двоих. Да и потом, уже после беседы с Лейлой-ханым, которую Эйнулла записал на диктофон, когда мы уже пришли в само отделение урологии, надев, как положено, бахилы и специальные халаты, причем халат оказался Эйнулле очень даже к лицу (вылитый медик!), я не выдержал самого вида операционной – тем более, что там как раз шла операция, на столе лежал больной – и снова вышел, ушел.

Что делать, на своем веку я трижды лежал на операционном столе. Вид спящего света над головой, врачи и сестры в масках, приглушенные их реплики – отчетливо слышимые, пока тебя окончательно не вырубил анестезия...По мне – подальше от всего этого!

И пока Эйнулла с присущей ему энергией и всегда включенной, деятельной любо-

знательностью наблюдал (опять же за нас двоих!) за операцией, а затем вместе с фото-корреспондентом ходил по палатам, дабы снимать больных в палатах – я ходил по коридорам отделения, а затем – по другим отделениям, также прекрасно выглядящим, ходил по внутреннему дворику больницы, впитывая общие ощущения от всего вокруг...

Мать

Что такое больница я, увы, знаю с детства. Именно тогда, вскоре после моего рождения, моей матери аукнулись пережитые ею ужасы гражданской войны, голод и холод, холера и брюшной тиф... Но она тогда выжила. Выучившись на агронома, днями и ночами на лошади объезжала бескрайние казахстанские степи, превращенные в годы советской власти в колхозные поля...И вот – аукнулось. Сердце! Последние годы своей жизни моя мать провела на больничной койке...

И где она только не лежала! Помню, даже в крохотной больничке во дворе университета, где я учился (университет был тогда на бывшей Коммунистической, где сейчас институт народного хозяйства) – не то университетской, не то баксоветовской – Баксовет был тут же, рядом; в несуразном четырехэтажном здании у площади Азнефти – сейчас его нет, снесли, на его месте возвышается здание Фонда Гейдара Алиева. А когда мой отец, член партии с 1920 года, стал пенсионером союзного значения и, соответственно, контингентом бывшего 4-го Управления, – это были уже больницы получше.

Однако моя мать постоянно возмущалась чем-то – скажем, тем, что ее, как и других стариков, несмотря на больные ноги, как правило, направляют на последние этажи клиник (а лифты тогда были не везде), передают не лучшим врачам и т.д. и т.п.

И эти жалобы, эта обида, впрочем, – вещь обычная, их можно понять (за ними фактически обида...на самую болезнь!). Но недовольство лечением и врачами – в том числе, повторю, в не самых худших в советские времена клиниках, уменьшилось, когда мать оказалась в одной-единственной больнице города...

Да-да, в этой самой, в больнице нефтяников!

Магия жизни

Признаться, я не сразу понял, с чем это связано. Казалось бы, больница как больница, как и все другие больницы – лекарства-процедуры-врачи...Чего тут особого?

Однако именно здесь, в больнице нефтяников, мама стала писать воспоминания о своей жизни, к чему я ее активно и безуспешно подбивал в течение многих лет.

А первые фразы, выведенные неуверенной после долгого простоя рукой, были такими: «Ночь для меня равносильна смерти. В наступившей тишине боль усиливается, ты остаешься наедине с ней и осознаешь свою ненужность людям, даже близким, ненужность самой жизни. Но ведь я жила, вот и сейчас как-никак живу...А впрочем, может, это как раз и есть то, самое Нужное – Жить! Продолжать жить и дальше, что бы там ни случилось, несмотря ни на что!». Эти строки я прочел только много лет спустя. А тогда единственное, что я заметил, – провожая меня, моя мать перестала говорить свое обычное: «НЕ ЗАБЫВАЙ МЕНЯ!» – так, словно видела меня в последний раз, будто прощаясь со мной.

Я поделился этим своим наблюдением с лечащим врачом. И...

– Так это и есть самое главное! – обрадованно воскликнула ее врач. – Пробуждение веры в свои силы, ЖЕЛАНИЕ ЖИТЬ!

Энергия выздоровления

Главное в лечении, конечно, – само лечение. Верность диагноза и лекарственных назначений. Личность и умение врача. Но дело не только в таблетках, во внимании и про-

фессиональном умении. Дело еще и в том, как это свое умение врач, медперсонал могут проявить, задействовать... А тут главное – это условия, общая атмосфера больницы. Царящая в ней ЭНЕРГИЯ ВЫЗДОРОВЛЕНИЯ (или же, наоборот, – равнодушие, апатия), положительно заряженная АУРА (или, наоборот, аура отрицательная)!

Столько лет прошло с тех пор – целая вечность. И вот я в той же самой больнице, хожу, осматриваюсь, и ...узнаю и не узнаю ее!

И главное – даже не чувство удивления, а восприятие произошедших здесь кардинальных изменений как должное. То, что я вижу, здесь ТАК И ДОЛЖНО быть. Даже то, что когда-то казалось невозможным, недостижимым – лучший мировой опыт, уникальное оборудование, теперь все это воспринимается как нечто нормальное и даже обычное. Вот оно – в своем нержавеюще-металлическом сиянии Чудо техники, его можно не просто увидеть, даже потрогать руками...

Грани славы

Достижения Центральной больницы нефтяников – это отдельная тема. И даже не статьи – книги, в которой можно было бы рассказать обо всех нынешних успехах клиники во главе с Лейлой Сеидбековой – достойной преемницы и продолжателя дела бывшего руководителя этой больницы, не так давно ушедшего из жизни, замечательного ученого и врача Фахраддина Джавадова.

Об этих достижениях, впрочем, написано уже немало. Скажем, о сложнейших операциях по трансплантации органов – пересадке печени и почек. (Как объяснил хирург Рашад Мамедов, обычно камни в почках удаляются в положении пациента «лежа на животе», что может вызвать для больных, особенно пожилых, определенные риски; здесь же, с применением новейших эндоскопических лазерных технологий пациент во время операции остается лежать на спине).

Ну, а пересадка печени от живого донора и вовсе произведена впервые в нашем регионе, в результате чего бакинская больница нефтяников вошла в европейский реестр (European Liver Transplant Register). Теперь сюда привозят больных также из Грузии и других стран СНГ, даже, насколько я слышал, из самой Москвы.

А операции на сердце! И – чем бакинская клиника особенно славится – исцеление детей с тяжелейшими патологиями (в отдельных, крайне сложных, случаях в Баку приглашают даже известнейшего в мире кардиохирурга – из Италии).

А Глазной центр больницы – и тут чудо-техника и чудо-хирурги. Одно из приоритетных направлений – лазерное лечение диабетических заболеваний глаз. Об опыте работы этого центра, где ежегодно проводится более 2000 операций и консультируется около 7000 тысяч пациентов, даже научные статьи написаны!

А работа в районах, регулярные выезды в Нахчыван. А благотворительные акции (скажем, бесплатное лечение и обследование жителей Ходжалы, «День открытых дверей» по случаю праздника Рамазан).

А то, как здесь оберегают, ценят, как чтут национальные кадры, прошедшие подготовку за рубежом!

– Ко мне обратились работающие у нас в урологии хирурги, которые обучались в Турции. Им предлагают перейти в частные клиники, где и оборудование лучше, и зарплата выше, а они не хотят... Единственное, что я у них попросила – дать мне время, чтобы все продумать, пробить, решить все вопросы, – рассказывает нам Лейла-ханым.

И вот – результат налицо! То самое кардинально изменившееся после реконструкции и полного технического переоборудования – повторно, по существу новое – отделение урологии, где мы и были.

Просто и красиво

Да, больниц и самых разных клиник (как правило, частных) сейчас тьма. И везде – как на вокзале. Очереди, людской гвалт. И, как правило, при входе массивная регистрация, где главное даже не зарегистрироваться – оформить оплату за обследование или лечение! Деньги дерут с несчастных больных еще те!

А тут, в больнице нефтяников, тишина и спокойствие. И она является государственным учреждением. Для нефтяников лечение здесь по-прежнему бесплатное, хотя есть и платное лечение, в силу чего зарплата врачей повыше, возможности для приобретения новейшей техники, проведения тех же капремонтов и реконструкций побольше.

Никаких очередей! Это первая у нас «цифровая больница» – нет ручного заполнения бумаг, а специальные браслеты на руке у больного показывают врачу в любое время данные о его самочувствии.

Показали нам и еще одно отделение – гемодиализа. Это – уже точно новое. Оно было создано, представьте себе, на месте...бывшей мусорки!

– С местом у нас тесно – больница построена еще в советское время. А тут, как я пришла сюда, смотрю – целых 160-180 квадратных метров по сути пустующего помещения...Два туалета, всякий хлам. Десятки машин мусора мы вывезли, – рассказывает Лейлаханым. – Очистили территорию, и – построили вот это! Видите, все аккуратно, красиво. Даже окна здания – небольшие, практичные, будто это окна не больницы, жилого дома...

Да, помимо всего этого мне понравилась еще и вот эта камерность, уютность всего вокруг. Те же окна. Помню, как меня поразили огромные, как витрины в магазинах, да ко всему еще плохо подогнанные окна нового многоэтажного учебно-лечебного корпуса больницы Семашко (при ветре – такой свист в многочисленных щелях, хоть уши затыкай!), равно как и продуваемые всеми ветрами большие, гулкие коридоры.

А тут...Тут все просто, удобно, красиво. Все радует глаз и работает на повышение настроения больных, не только на их самочувствие – ЧУВСТВА. Везде клумбы с цветами – во дворе больницы, в фойе; вокруг – словно бы живые, искусно подобранные букеты. Даже между кипарисами, у входа в больницу – цветы...Даже картины внутри отделений – не шаблонные этюды, какими украшают обычно больницы и номера гостиниц, а полотна, написанные со вкусом!

***

...Моя мать когда-то писала под Есенина. И вот в тетрадке воспоминаний, которую она завела, появились стихи. Вот, например:

*Вы читайте и не смейтесь, что стихи не вышли в такт.
Но ведь это не в пустую – настоящий чистый факт!*

Стихи, прямо скажем, неказистые. Но главное – у матери проснулся вдруг интерес к поэзии и даже ее прирожденный украинский юмор...

А что важнее для того, кто оказался на больничной койке, чем вот это – пробуждение чисто человеческих чувств, интереса к миру, ВКУСА К ЖИЗНИ.

И, как мы убедились, именно в этом – смысл деятельности, главное кредо Лейлаханым Сеидбековой и всех, кто работает под ее началом в знаменитом у нас «очаге здоровья» – Больнице нефтяников!

ИБРАГИМ ИЛЬЯСЛЫ

(Первая публикация)

Автор трех поэтических сборников, переводчик с русского языка. Возглавляет Сумгайытский городской клуб «Поэзия» им.А.Керима. Публиковался в различных изданиях Республики, а также в некоторых литературных альманахах, выпущенных в России. Член Союза писателей Азербайджана. Лауреат премии Махмуда Кашгари.

* * *

**В минувшее оглядываюсь зря –
Ведь я же вырос, понимаешь, брат!..
Я ждал весны запаздывавшей зря –
А с неба возвратился снегопад.**

**Я камень кинул в белую метель –
Меня атаковал ответный шквал.
И, как песчинку Гобустанских скал,
С земли взметнула кверху карусель.**

**И, покружив, швырнула в снег меня...
Под снежным покрывалом, как медведь,
Заснул я беспробудным сном, сменяв
На грезы лучезарной жизни свет.**

**Проснулся я – нет на глазах ресниц,
Повыщипал бездушный их мороз.
Образовалось озеро из слез,
И я над ним не слышу пенья птиц.**

**Из-под ладони вглядываюсь, брат,
В синь неба... О, тенистый, дивный сад!..
К Аллаху я мечтаю путь найти,
Хоть по нему не высланы цветы.**

Сон

**Мне снилось черное кровотеченье
Разрезанной земли, на ранах – соль.
Узнать бы мне разгадку сновиденья...
Мне голос вещей слышится: «Позор!..
Историю желает выкрасть вор!..
И я в объятьях тягостного плена
Вновь устремляю взор к вершинам гор,
Покуда жив (забыть об этом – подло!..
Пока родной земли не стихнет голос,
И я разгадки сну не отыскал,
Пока мой дух витает среди скал –
Меня мои сомнения терзают,
И голос вещей к разуму взывает...**

* * *

Юсифу Самедоглу

Отведав вкуса свежей алой крови,
Не станет гриф кружить над мертвецом...
Раз пережив написанное слово,
Поэт скорбеть не будет о былом.

И истина наполнит душу силой,
И человек поймет, что он – нагой.
Всесильный дэв, и тот пропал в бутылки,
Которую накрыл Творец рукой...

Когда же Богу душу ты отдашь,
Всевласть тела ощутить не сможешь.
И этот мир воспримешь, точно блажь,
Так как теперь в иной ты жизни ожил...

* * *

Жизнь коротка, как предрассветный сон,
Всем сущим уготована могила.
Но в мире зла другим я удручен:
Увы, не мысли люди ценят – силу...

Дерутся меж собой по мере сил
Физических (а нет ума – неважно!..)
Кто посильнее, слабого сразил,
Чужие лавры натянул бесстрашно.

И кровь из жизни, как пиявки пьют,
Барахтаясь в кровавой пене мира.
К несчастью, ту истину поймут
Лишь избранные: мы – мишени тира...

Перевод Александра ШЕВЕРДЯЕВА

Мир прекрасен

Дождь с небес его льет или снег летит,
Облака его легки и плывут в зенит,
И цветут его цветы, и ручей звенит –
Значит, мир прекрасен.

Если звезды нам даны и луны полет,
И раскинулись моря, и река поет,
Если нам в подарок жизнь наш Господь дает –
Значит, мир прекрасен.

Если нам дано мечтать, прошлое листать,
Пусть кому-то идти, а кому-то летать,
Но пока друг друга будут люди почитать –
Значит, мир воистину прекрасен.

* * *

Не испытывай, Господь, героя,
Когда он без коня...
Ты последнее убежище, не скрою –
Обескрылела душа у меня.

Где же главная, Господь, из дорог?..
Быть или не быть священной мести?!..
Топчет ворог Родины порог,
Если сыновья лишились чести.

Соль земли слезами станет.
Станет льдом любовь в сердцах...
Всё в душе зовет к восстанью,
Если униженьям нет конца!..

Перевод Татьяны УВАРОВОЙ

Уходящая, остановись...

В моем саду ты – аромат,
Твоим дыханьем дышит сад.
А я укрыться кроной рад,
Прошу тебя, остановись!..

Смотри, куда ты завела:
Тропа тернистой была,
В кровь мне пятки рассекла...
Молю тебя, остановись!..

Безбожница, да видит Бог,
Как я блуждаю без дорог.
Земля уходит из-под ног...
Жестокая, остановись!..

Сняла ты всадника с коня,
И, веру в сны не сохраняя,
Ты в дебри завела меня,
Коварная, остановись!..

Ты исцеленьем не была,
Не возвратись в Инджедере¹.
Ты мне спасенья не дала,
Не уходи –
остановись!..

Перевод Надежды ПАИНОЙ

¹Селение в Газахском районе Азербайджана, малая родина автора.

Сохрани нас, Всевышний...

Богохульств не люблю...

Упаси меня, Бог!

**Лишь к Тебе я стремлюсь сердцем всем и душой...
Но Нечистый, опять оседлавши меня,
Прочь от Света влечет и кружит по кривой.**

Гонишь в дверь его –

он пролезает в окно...

**А вчера – я глазам не поверил своим –
В кабинете моем по-хозяйски засев,
Он кропает стишки за столом за моим.**

**На работу отправишься – он тут как тут,
Хочешь хлеба купить – он в витрине торчит.
В хашной он норовит меж друзьями присесть,
Помолиться пойдешь – у мечети стоит.**

**То обнимет за плечи, как преданный друг,
То, как подлый предатель, берет на прицел,
 Попрошкой нахальным ко мне пристаёт...
То на «джипе» летит:**

«Прочь с пути, пока цел!..»

**Вот – одною рукой громоздит небоскреб,
А другой – под него же подводит подкоп...
Мне не справиться с ним –**

лишь могу вновь и вновь

**Крепким словом покрыть
весь бесовский их род.**

**Словно спрут, он опутал земной этот шар,
Его щупальца всюду достанут до вас.
На Востоке, смеясь, раздувает пожар,
А на Западе он – «миротворец» для нас.**

**Сколько ж их – тех, кто предан сегодня ему!..
Ничего, что уродлив, и сердцем злодей...
Все земные цари – лишь игрушки его,
И народы – лишь глина для подлых затей!**

**Неужели нет выхода в этом аду,
Избавленья от сети, сплетенной хитро?..
...Если в этом стихе есть хоть буква его –
Упаси меня, Бог! –**

я сломаю перо!..

Шутливое

Ты спросила:

«Что ж мне – утром
Или вечером зайти?..»
– Ах, не спрашивай, родная,
Когда хочешь, приходи.

Забегай хоть на минутку,
Хоть бы миг побудь со мной.
От тоски, как свечка, таю –
Жар сердечный успокой.

Приходи в любое время,
Хоть одним взгляну глазком...
Без тебя и сам не знаю –
Утро ль, вечер за окном?..

Как ты?

Я горюю без утайки –
Где ты, милая?.. Как ты?..
Ты в чужом доме хозяйка...
Свет очей моих – как ты?..

Обернулась правда ложью,
Красота твоя – как нож мне,
Ты – мой мир, подарок Божий,
Мой нектар с цветка – как ты?..

Словно камень в пыльной яме,
Одинок я меж друзьями...
Разговор ведем глазами,
А уста немые... Как ты?..

Жизнь моя, мой лал и яхонт,
Ты одна – мне в жизни якорь.
Хоть руки коснуться тайно...
Бедная моя, как ты?..

Ты в глаза мои не взглянешь,
Без меня счастливой станешь...
Но поэта не устанешь
Мучить – боль моя...

Как ты?..

Перевод Алины ТАЛЫБОВОЙ

СЛОВО ДРУЗЬЯМ

КЕНЖЕГУЛЬ ШИРИНОВА

Родилась 28 февраля 1961г. в Чуйской области Кыргызстана. По образованию – педагог. Более 20-ти лет прослужила в органах внутренних дел Кыргызской республики, последние семь лет работала в Парламенте Кыргызской республики. Советник государственной службы второго класса.

Хатун хала

Рассказ

В жизни каждого человека есть люди, повлиявшие на его судьбу в той или иной степени. Это не сразу проявляется, понимаешь это уже потом, по истечении какого-то времени.

В моей жизни, как я сейчас понимаю, одну из главных ролей сыграла бабушка моего мужа, Хатун-хала, как ее называли соседи, а мы называли ее – няня, или анна. Я бесконечно благодарна Всевышнему, что мне на моем пути встретилась именно эта умная, безгранично добрая, отзывчивая и очень, очень позитивная женщина с потрясающим характером и удивительной судьбой.

В том году, впрочем, как и каждый год, лето опять было очень жарким. Невыносимая жара вновь пугала людей испепеляющим зноем. От нее не было спасения ни в воде, ни в тени, а ночью было совершенно невозможно спать от невыносимой духоты. За целый день стены каменных домов настолько нагревались, что не успевали остыть до самого утра. Спаситься от жары и духоты можно было разве что только под кондиционером, в закрытой комнате. Но отдыхать днем под кондиционером не хватает времени, нужно варить обед и ужин, встречать и провожать гостей, заниматься обычными, каждодневными домашними делами.

Мы, как всегда, всей семьей: муж, я и два сына приехали на родину мужа, в небольшую азербайджанскую деревню, расположенную на берегу величественной, широкой и спокойной реки Куры. Приехали на целый месяц. Отпуск, слава Богу, сорок дней, так что за месяц предполагалось основательно отдохнуть, набраться сил и нам и детям, чтобы хватило до следующего года.

А в деревне хорошо, фрукты и овощи прямо из сада да огорода на стол, все свежее, без разных там химикатов, а главное – молоко, мясо, яйца. Все это в свежем виде, да и готовится по-деревенски, на очаге, на открытом огне, на мангале, соблюдаются все традиции кавказской кухни. Через день свекровь печет хлеб в тендире. О, это такой незабываемый вкус и запах, который распространяется на весь двор, от которого сразу текут слюнки, вызывая неудержимый аппетит. Вынув из тендира уже испеченный хлеб, свекровь каждому малышу отдает маленькую лепешечку, специально для них выпеченную, и протыкает его прутиком, чтобы малыш не обжегся. Ставит на стол миску со сметаной, домашним душистым сливочным маслом и соленый шор. Надо сказать, что соленый шор следует есть с арбузом, да еще и горячая лепешка, это шедевр, незабываемый вкус, который потом долго тебя преследует.

– Ешьте, милые мои, – говорит свекровь, поглаживая внуков по головке, – ешьте, у вас там такого нет, ешьте, набирайтесь сил, – и улыбаясь, целует каждого

в макушку.

Интересное для моих детей начинается вечером, когда с лугов домой возвращаются сытые, наевшиеся сочной травы коровы, телята, буйволицы и овцы. Начинается самая настоящая суматоха по делению овец на своих и чужих. А дети бегают между ними, путаются под ногами дедушки и мешают ему. Овцы рассыпаются в разные стороны, а мои мальчишки бегают среди них с длинными прутиками в руках и стараются непременно коснуться палочкой каждой из них.

– *A bu uşaqları götürün də burdan, goymurlar axı işimi görəm* (ну заберите детей отсюда, они же мешают мне), – кричит нам дедушка, на что бабушка, не соглашаясь с ним, с сарказмом отвечает:

– *Nə var ə, nə olub, qoy geyunları görsünlər də, hara qacacaqlar, gacsə özümüz gətirərik* (ну что ты ворчишь, пусть посмотрят на овец, куда они убегут, а если убегут, сами и вернем).

От бесполезности разговора свекор машет рукой и продолжает заниматься своим делом. *Camış* (буйволицы) с огромными рогами, испачканные в грязи до половины брюха, жующие свою вечную жвачку, медленно заходят в свой двор, затем проходят в загон. За ними также медленно идет корова с подростком с весны теленком. Свекор криком «*хоş, хоş*», направляет их в разные загоны. Это необходимо для безопасности теленка, потому что своенравные, воинственные буйволицы, а их две, вполне могут забодать его и серьезно ранить.

Тут в загон приходит свекровь с ведром, в которое налито немного воды. Она подходит к буйволице, обмыв соски, начинает доить. Буйволиное молоко отличается от коровьего и вкусом и запахом. Его не так уж и много, литра два дает каждая из буйволиц, но, как говорит свекровь, оно очень жирное и калорийнее, чем коровье. Пить это молоко практически невозможно, только если смешать его с коровьим, или даже с водой. Кстати, по утрам и вечерам на стол непременно подавалось вскипяченное горячее молоко, которое с большим удовольствием пили не только дети, но и мы все.

Помню, как еще в самом начале моего замужества в очередной раз мы приехали в отпуск. В один из дней я пошла доить корову, а свекровь буйволиц. Ну, а что, я тоже выросла в деревне и почти всегда помогала маме доить коров, у нас их было три, и вполне хорошо справлялась с этим делом. Свекровь доила буйволиц, потому как с ними было сложнее, это весьма своенравные, упрямые животные, да и соски у них более тугие, а корова была более спокойной, давала она молока литров пять, шесть. На следующий день почти все соседи в деревне знали, что приезжая невестка у Наиб, так звали мою свекровь (пусть душа ее пребудет в раю), может доить коров. Каждый вечер я с золовками ходила на Куру за водой. Они воду с речки всегда носили в специальном кувшине с высоким узким горлом, с ручкой, перетянутой материей, чтобы не натерло плечо. Золовка вешала гуюм, то бишь кувшин, на плечо, в руку брала ведро, и выходило, что за один раз она приносила три ведра воды, потому как в гуюме вмещалось два ведра. Я тоже пробовала носить этот кувшин, но, к сожалению, так и не научилась, я носила воду просто в ведрах. На берегу Куры по вечерам собиралась почти вся молодая женская половина деревни, каждая соседка, увидев меня, улыбаясь, добродушно кивала головой и здоровалась. Старались завязать непринужденный разговор о том, о сем. Каждая из них проявляла жуткий интерес и хотела непременно лично со мной познакомиться.

Почему-то когда мы приезжали, свекор всегда именно меня спрашивал: «*Az, Qənjə, yetəyə nə var?*» (что у нас на ужин?).

Поболтав со мной, свекор обращался к своей матери.

– *Ana, bu qün nə yeməy yemişən, bir şey yədün?* (Ты что-нибудь сегодня ела?)

– *Hə, bala, yemişəm, yemişəm* (да, да, ела), – кивала старушка головой.

Нам всегда было смешно, когда бабушка называла сына «бала», в этом простом, казалось бы, обращении проявлялась вся суть взаимоотношений матери и сына. Свекру было уже за семьдесят, а она к нему обращалась как к маленькому, мы стояли и улыбались во весь рот. А свекор не смущался, он привык к ее такому отношению. Конечно, для родителей дети остаются детьми в любом возрасте.

На ужин мы в ожидании всех домочадцев заранее готовили курицу, рыбу или мясо, стол всегда был заставлен всевозможными салатами. Огурцы, помидоры, зелень и брынза, или, если готовили шашлык, то обязательно мелко нашинкованный лук, залитый темно-фиолетовым гранатовым соком, (в саду был такой очень кислый сорт), зеленый лук и киндза. Никогда не обходились без арбузов и дыни. Часто готовили *kələm dolması*, это голубцы, или *yarpaq dolması* – это голубцы в виноградных листьях. О, этот божественный, соблазняющий запах, который разносился по всей улице, зазывая прохожих и соседей!

Самое интересное происходило за столом, собиралось порой очень много людей, это дяди, тети, братья, сестры и даже просто соседи, ну, и дети, конечно. За ужином всегда завязывалась увлекательная беседа, в которой принимали участие не только взрослые. Каждый рассказывал что-то веселое или познавательное, чтобы удивить всех, в такие моменты старались все. И услышанный только что рассказ бурно обсуждался, порой доходило до самых жарких споров.

– *Ə, nə danışırsan?* (Ну что ты говоришь?), – говорил кто-нибудь из присутствующих, сделав характерный, кавказский жест рукой, где главную роль играют большой и указательный пальцы. – *Ola bilməz belə şey* (этого не может быть), – возражал кто-нибудь из спорщиков, качая головой.

В такие моменты никто из присутствующих не оставался равнодушным, стол делился на два, а то и на три лагеря, и каждый отстаивал свою точку зрения. Досижив в таких жарких спорах до полуночи, все начинали потихоньку расходиться по домам, а мы – каждый в свою комнату. Потому как нужно было отдохнуть перед следующим новым напряженным и полным всякими заботами днем.

Я ждала третьего ребенка. Беременность была тяжелой, напрочь пропал сон, и ночи для меня были целым испытанием, да и срок был уже почти семь месяцев, сильно мучила изжога, лежать и вставать с кровати было довольно трудно, а духота только осложняла все еще больше. Я тихо, чтобы никого не разбудить, выходила на открытую веранду, именуемую почему-то балконом, хотя он и вправду был похож на балкон. На Кавказе так строят дома. Очень высокий фундамент создает впечатление двухэтажного дома и, естественно, веранда становится балконом.

Выйдя на балкон, вижу сидящую на диване нашу няняшку Хатун.

– *Ay qızım, qurban olum, sənə nə olub, yata bilmirsən, inciyirsən?* (А, доченька, да паду я жертвой твоей, что, опять не можешь уснуть, мучаешься) – говорит с беспокойством она старческим, кряхтящим голосом, растягивая гласные на конце слов. – Иди, садись рядом со мной на диван, я не сплю от старости, ты не спишь от беременности, – тихо смеется она.

– Ана, сколько вам лет?, – с нескрываемым любопытством спрашиваю я. Это был мой излюбленный прием разговаривать старую женщину, зная, что та не откажет и расскажет мне самую удивительную историю жизни. Что-что, а рассказывать она любила и всегда поджидала удобный случай для этого. Да так незаметнее и прохо-

дила ночь, увлекшись разговором, я забывала об изжоге, духоте и своих мучениях.

Ана, или няняшка, как звали ее мы, женщина хоть уже совсем старая, но годам старается не поддаваться, нам иногда даже не верилось, что живет она уже целый век, а может, даже больше века. Потому как несмотря на совершенно седые волосы, морщинистое лицо, хриплый, скрипучий старческий голос и абсолютно беззубый рот, анашка хорошо держится. Сохранилась хоть и медленная, но уверенная походка, да и чувствует она себя довольно хорошо. Всегда приветлива, внимательна и тактична. Были в ней какие-то, необъяснимые теплота, притяжение и удивительные, природные, тонкая интеллигентность и воспитанность. Так же у няняшки была сильно развита внутренняя интуиция, чем она не раз всех нас поражала. Рядом с ней всегда было спокойно и ужасно интересно.

– О, *çoxdur, çoxdur* (о, много, много), – отвечает она со смешком на мой заданный вопрос. – Я помню царя Николая Второго. Во время его царствования я была совсем молодой, очень красивой девушкой, – смакуя каждое слово, устремив взгляд куда-то в бездонное ночное небо, медленно начинает она свой бесконечный рассказ.

Я, расположившись поудобнее на диване возле няняшки в предвкушении услышать интересную сказку, как в детстве, вот уже в который раз слушаю ее увлекательную историю жизни, закрыв глаза от удовольствия от услышанного, представляю картины давно минувших дней.

Хатун-хала, как ее называли в деревне, была человеком удивительной доброты, отзывчивости, невероятной позитивности, всегда с открытой, располагающей к себе улыбкой на лице. Родилась Хатун в самом конце девятнадцатого века в семье гончара и знаменитой на всю округу ткачихи, мастерицы на все руки. Особенно ее маме удавались ковры, самые разные, большие, маленькие, узкие и широкие. Пушистые, с ярким национальным орнаментом, для стен, и плотные, полосатые – для пола. Все очень красивые, и славились они по всей округе.

– Она и нити для ковров пряла сама из овечьей шерсти, такие тонкие, что все диву давались, как можно прясть такие тонкие нити. Потом пряжу окрашивала в самые разные яркие цвета и сушила их на веревках, протянутых через весь двор. От этого ее руки тоже всегда были окрашены, – говорит Хатун-хала с теплотой в голосе, вспоминая о своей любимой мамочке. – Краска въедалась в кожу рук и уже никогда не отмывалась. Один день ее руки были красного оттенка, другой день – зеленые, третий – синие, потом – желтые. Как радуга, – улыбается няняшка своим воспоминаниям. – А ведь и вправду у нее были радужные руки, или руки всех цветов радуги, – тихо смеется она.

С самого детства Хатун вертелась возле мамы, помогая ей во всем, и к двенадцати годам она и сама уже, как настоящая ткачиха, могла соткать очень даже неплохой коврик.

Готовые ковры, коврики и паласы отец увозил, навьючив на свою лошадь, чтобы продать их на базаре, ездил по большим городам и селам, предлагая богатым людям за сдельную, не очень дорогую цену. Иногда его путешествие затягивалось, но все же, распродав все ковры, закупив разных продуктов и подарков для дочери и жены, отец, довольный, возвращался домой.

– Это было праздником для нас, – говорит няняшка, – отец привозил для нас яркие куски славящегося в те времена китайского шелка и атласа на платья, красивые платки и разные сладости. Он любил нас больше жизни и баловал нас, как только мог, – вздыхает моя собеседница. – Он рано умер, лет, наверно, в сорок пять, болел долго, и остались мы с мамой одни. Несладко пришлось нам тогда, – не спеша гово-

рит анашка. – Чтобы не голодать, мы с мамой сами возили ковры на продажу в соседние деревни и продавали почти за бесценок. В одну такую поездку, в горах, в какой-то глухой местности нас с мамой ограбили бородатые мужики, внезапно появившиеся неизвестно откуда. Мы с мамой очень испугались, от страха не могли ни кричать, ни бежать, хорошо, что в живых остались. Больше мама не брала меня с собой, – опять тяжело вздыхает няня.

Увидев, что бабушка разволновалась, я стараюсь ее успокоить, тихо глажу ее по спине, сопереживая, и, как бы невзначай, указывая пальцем в ночное небо, говорю:

– *Nənə, bax, bax, qöydə nə isə yana-yana ucür* (Посмотри, бабушка, на небе что-то яркое летит).

– *O nə ola bilər, ay bala, hanı, hanı göstər görüm?* (Что там может быть, детка, где, покажи), – оживляется старушка, близоруко вглядываясь в темное звездное небо.

– *Eh*, – отвечаю я, – *tay uchdu getdi, görmədin, nənə* (уже улетела, ты не увидела), – смеюсь я.

Няняшка понимает, что я обманула ее, и, тихо смеясь, грозит мне пальчиком, я заливаюсь звонким смехом и ловлю себя на мысли, что мне очень хорошо с ней, как с моей родной мамочкой. Не знаю, может быть, ей тоже было хорошо со мной, ведь старым людям не так уж много и нужно, немного внимания и немного заботы, в принципе, больше ничего.

Меня всегда привлекали ее руки, опять сев рядом с ней, я прикасаюсь к ее пальцам, они такие тонкие, длинные, с аккуратно подстриженными ногтями, кожа дряблая, с глубокими морщинами, но удивительно мягкая. А ногти ей каждую неделю подстригал мой свекор, ее сын, больше она никому не доверяла.

– *Ana*, – говорю я ей, – *əllərin elə gəşənkdir, barmaqların uzun, muzikantların əllərinə oxşayır*. (У вас такие красивые руки и пальцы, длинные, как у музыкантов).

– *Ə, nə müzikan, ə, nə danışsan, mən ömür boyu xalça, qəbə toxumuşam* (Какой музыкант, я всю свою жизнь ткала ковры и паласы), – отвечает бабушка и внимательно, будто впервые видит, рассматривает свои руки. Она вдруг начинает крутить кольцо на указательном пальце, задумчиво вглядываясь в него. Я понимаю, что это непростое кольцо, что с ним связана какая-то ужасно интересная история. С виду ничего особенного в этом кольце не было, сделано оно было из серебра, сразу видно, старинное, а глазок – непонятно из какого был камня. Был ли этот камень драгоценным или самым обычным, мы так и не узнали, только был он необычного цвета, как будто молоко развели водой, иногда он казался белого оттенка, а иногда отдавал светло-голубым. Камень цвета Млечного пути или рассеивающегося дыма... Не знаю, как остальные, но я всегда заворожено смотрела на него, оно непроизвольно тянуло меня к себе, было впечатление, что я могу провалиться в этот камень, как в глубокую бездну. От этого чувства становилось как-то не по себе, но в следующий удобный момент я опять смотрела на него и не могла оторваться.

Иногда, в очередную свою бессонную ночь, я приставала к няняшке, чтобы она рассказала тайну этого кольца, но все старания были напрасны. Услышав просьбу, анашка вдруг замыкалась в себе и только задумчиво крутила кольцо на указательном пальце, по ней было видно, что ее мысли витают где-то очень далеко. Главное то, что никто в семье, ни сын, ни сноха, ни внуки, никто не знал, когда и откуда появилось у нее это кольцо.

Лет в пятнадцать, почти через год после смерти отца, мать выдала ее замуж. Муж был старше ее лет на десять, высокий, статный красавец, в общем, из довольно

небедной семьи. Звали его Мехди. Его мать, известная на всю округу повитуха, была женщиной очень доброй и веселой. Она многому научила Хатун, и по хозяйству, и в знахарстве, а самое главное, научила ее своему делу повитухи. А так как Хатун была очень талантливой, с высокой ответственностью и сильно развитым шестым чутьем, она быстро освоила данное дело и вскоре прослыла не только как отличная ткачиха, но и как довольно неплохая повитуха и знахарка.

Приезжая каждый год на лето, я не раз видела, как к ней приходила очередная беременная молодая женщина в сопровождении матери, свекрови или кого-то из родственников. Объясняли няняшке причину своего прихода, и та, помыв руки, вводила беременную в свою комнату. Если няняшке нужна была чья-то помощь, она звала кого-нибудь из нас. «Это принеси, то унеси, принеси новое», – говорила она. Я как-то видела, как она удивительными движениями руки поправляла неправильно лежащий плод совсем молодой девушке с первой беременностью.

– *Qorxma, qızım, qorxma, hamısı yaxşı olajağ* (Не бойся, доченька, все будет хорошо), – говорила она, продолжая круговые массажные движения по животу. Через два дня эта женщина пришла со своей свекровью с подарками, выражая благодарность няняшке. Оказалось, она была на приеме у гинеколога, и та сказала ей, что с ребенком все в порядке, хотя до этого был вынесен вердикт, дескать, вероятнее всего, будут делать кесерово сечение из-за неправильно лежащего плода.

А однажды днем во двор с криком вбежала соседка с ребенком на руках, мальчиком трех-четырёх лет. Она была в полной панике и невнятно, не владея собой, объяснила, что мальчик подавился рыбьей косточкой.

Ребенок задыхался, глаза его были закрыты, лицо – почти синюшного цвета, он не реагировал на слова своей матери, казалось, еще чуть-чуть, и он задохнется совсем. Няня вымыла руки, выхватила из рук обезумевшей женщины малыша, посадила к себе на колени, засунула два пальца ему в рот и через секунду вытащила тонкую рыбку косточку. Мальчик судорожно глотнул несколько раз воздуха, закашлялся и залился слезами.

– *Tay oldu da, indi neycün ağlayırsan?* (Уже все, что теперь-то плачешь?), – улыбаясь, спросила бабушка, передавая малыша его маме.

Счастливая мамаша стала благодарить старушку:

– *Çox saqol, Xatun xala, Allah sizə ömür versin, Allah sizi saxlasın həmişə, Allah sizdən razı olsun, çox sagolun* (Спасибо вам, пусть Аллах продлит ваши дни и оберегает всегда).

Няняшка улыбалась, как же, несмотря на свои годы, а было ей точно уже за сто лет, она не утратила еще своего профессионализма.

Я была свидетелем не одного такого случая и всегда удивлялась, что когда к ней приносили по самым разным причинам плачущего малыша, няняшка брала его на руки и малыш моментально переставал плакать. Может быть, она знала какие-то массажные точки, думала я, но к детям у нее точно был свой подход.

Вообще няняшка была удивительным человеком. Рядом с ней почему-то мне всегда было спокойно и надежно. Я у нее научилась многим вещам. Она обладала удивительным терпением. Учила нас разным вещам ненавязчиво, как бы издалека, но твердо руководила всем процессом. Например, научила меня варить инжировое варенье с добавлением мелко нарезанных грецких орехов, а также из белой черешни, и айвовое варенье. О, это целое искусство, приготовить настоящее, вкусное варенье. Няня садилась рядом со мной и мягко подсказывала мне, что и как дальше делать. Уж такой вот она была тактичный человек. Как-то я сварила детям кисель из дикой

ежевики, няняшка попробовала его и была в восторге от его вкуса.

– *Ə, nə qəşənk tamı var bunun* (Какой необыкновенный вкус), – сказала она, глотнув еще один глоток напитка.

Я часто вставала очень рано утром, пока все остальные спали, чтобы сварить ей манную или рисовую молочную кашу, за что она всегда мило благодарила меня. Я-то знала, что она почти не спит, и в пять утра она уже бодрствует. Пока все проснутся, и сядут завтракать, она может проголодаться, – думала я. Знаю, что ей была очень приятна такая забота.

Я научилась у нее, как относиться к жизни, быть доброжелательным, открытым и миролюбивым человеком. Нужно в людях прежде всего видеть хорошее, – не раз говорила бабушка.

Вот так зачастую проводили мы с няняшкой наши бессонные ночи и встречали раннее утро.

Однажды в одну такую ночь она все-таки рассказала мне ту удивительную историю, связанную с кольцом...

– Было мне тогда лет восемьдесят, – сказала она, удобнее располагаясь на нашем любимом старомодном диване. – Пришла ко мне смерть, – медленно начала она. – *«Tay ölmüşdüm, ə, hamısı yığılır başıma. Uşaqlarım hamısı gəlib, oğul, qızlarım, gəlin, nəvələrim. Hamısı bilirdi ki anası ölür»* (Я умирала, все дети – сыновья, дочери и внуки собрались возле меня. Все знали, что я умираю). Вдруг я открываю глаза и вижу, что уже на том свете. Вокруг удивительный сад, огромные ярко-зеленые деревья и шелковистая трава, чудесные яркие цветы окружают поляну, где я очутилась. Ослепительно светит солнышко, и поют птицы. И появляется передо мной Всевышний в белом одеянии. От него исходили удивительное тепло и яркое излучение. Меня охватили и страх, и волнение, я не могла ни шевельнуться, ни сказать что-то. Непонятное чувство сковало меня, все мои движения. Я стояла, словно каменная статуя, гулко билось сердце, отдаваясь в висках, казалось, что кровь застыла в моих жилах, а язык прилип к небу. Всевышний подошел ко мне близко-близко, его сияние обдало меня жаром, казалось, если он сделает еще один шаг, я сгорю дотла.

– Хатун, – обратился ко мне он, – я тебя знаю. Ты прожила очень тяжелую жизнь, вырастила детей, работала, не покладая рук. Твои ковры славились по всей округе. Тебя любят и уважают твои дети, внуки и соседи. Почему ты так торопишь смерть? Почему торопишься покинуть своих родных? – спросил он гулким голосом, отдающимся эхом, словно находились мы в пустом огромном зале.

Я заплакала, и долго не могла собраться с мыслями. Но вдруг, собравшись, ответила ему еле слышимым голосом:

– Прости меня, Всевышний, я боюсь быть в тягость моим детям. Я хочу уйти в иной мир, когда еще могу сама себя обслужить, когда еще сама хожу, ем и даже могу что-то сделать своими руками.

– Нет, – прервал меня Всевышний, покачав головой, – не пришло еще твое время. Ты прекрасная женщина, доброта и искренность твои не знают границ. Ты должна вернуться, твои советы и твое присутствие много значат для твоих близких. Не спеши, Хатун, тебе еще долго жить, не спеши, – сказал Всевышний, коснулся моей руки и исчез.

Я открыла глаза и увидела, что у моего изголовья сидит моя младшая дочь Гульбике и плачет. Остальные дети сидят чуть поодаль, и лица у всех в скорби.

– Что случилось, – спросила я, – почему вы все собрались тут, почему плачете? Никто из присутствующих не был готов к такому повороту, все подбежали,

чтобы убедиться, что я еще жива, увидев воочию, ужасно растерялись, не знали, плакать им или радоваться.

– Видишь, – тихо засмеявшись, сказала няняшка, – вот так я обманула всех и вернулась на этот свет, когда все были готовы попроситься со мной навсегда. Вот тогда, открыв глаза и немного придя в себя, я обнаружила на пальце это кольцо, – задумчиво прошептала няняшка, крутя, как обычно, кольцо на своем указательном пальце. – Никто больше не знает, откуда у меня это кольцо, да я и сама не очень это понимаю, только знаю, что я своими глазами видела Всевышнего, и, вероятно, это он надел кольцо мне на палец и благословил на долгую-предолгую жизнь, – тяжело вздохнув, сказала она.

Няняшка ушла в свои воспоминания, а я, как зачарованная, смотрела на ее руки и на ее указательный палец с кольцом, а перед моими глазами мелькала кинолента с яркими, удивительными событиями тех дней.

Так незаметно за интересной беседой проходили наши ночи с бабушкой. Мы стали очень близки с ней. Почему-то она всегда старалась оправдать мои вольные или невольные провинности. Как-то в полдень во двор заглянула молодая невестка нашей соседки. Пришла зачем-то к свекрови. Пока свекровь с ней беседовала, спустившись с балкона, анашка и говорит мне:

– *Ona bax, gəlin olduđuna üç qün olub, başında yaylıqsız gəzir, heç utanmır e.* (Посмотри на нее, она в невестках всего три дня, а уже без платка ходит).

– Ана, – засмеялась я, – ведь и я, и Солтан (это вторая сноха, после меня), мы ведь тоже ходим без платка, жарко же, няня, ничего же не будет.

На что она, улыгнувшись, ответила:

– Ты уже давно у нас сноха, и Солтан тоже больше пяти лет, а эта девчонка всего три дня, как невестка уважаемого в деревне человека, ей не положено еще так ходить без платка, она позорит своего свекра.

Конечно же, я не была согласна с ней, но промолчала, мне было приятно, что она старается оправдать нас, нашу ошибку, и так было всегда, бабуля немедля находила слова в нашу защиту, и они никем в семье не оспаривались.

Во время Первой мировой войны муж няняшки попадает на фронт. Бабушка осталась одна с тремя детьми. Чтобы как-то их прокормить, она по-прежнему ткала ковры и продавала. К ней за помощью обращались разные люди, и как к знахарке, и как к повитухе.

– Дети болеют и рождаются в любые времена, – вздыхает няняшка. – Моя помощь всегда требовалась людям, особенно в деревнях, где живет простой, небогатый народ. Иногда я шла в соседние деревни, было опасно так далеко ходить, в голодное, беспокойное время, но другого выхода не было, нужно было как-то кормить детей.

Я разглядывала миловидное, не потерявшее еще былой красоты лицо нашей няняшки. Несмотря на глубокие морщины, на перенесенные страдания и тяготы судьбы, оно оставалось ясным, привлекательным и добрым. Я удивлялась, какой необъятной любовью, состраданием к ближним и отзывчивостью наполнена ее душа. Всегда благодарю судьбу за встречу с этим удивительным человеком.

Эта великая, чудесная старушка является прабабушкой моих детей, и пока я буду жива, буду рассказывать и детям, и моим внукам об этой совершенно потрясающей женщине с потрясающей судьбой, обладавшей самыми замечательными качествами человека, человека с большой буквы.

Мир ее праху, и пусть душа ее вечно пребудет в раю...

МИХАИЛ ЯСНОВ

Поэт, переводчик, детский писатель. Родился в 1946 году в Ленинграде. Окончил филологический факультет Ленинградского университета. Член Союза писателей с 1982 года. Автор семи книг лирики, многочисленных переводов зарубежной поэзии, прежде всего – французской, и более ста книг для детей – стихов и поэтических переводов. Многие из них регулярно издаются в учебниках и хрестоматиях для средней школы. На студиях звукозаписи записаны и вышли в свет многочисленные компакт-диски и аудиокниги с детскими стихами и песнями. Лауреат многочисленных литературных премий, в том числе – премии имени Корнея Чуковского за выдающиеся творческие достижения в отечественной детской поэзии и Премии Правительства Российской Федерации в области культуры.

МАЛЕНЬКИЕ ЗАМЕТКИ О СТИХАХ ДЛЯ МАЛЕНЬКИХ, или ИГРА В СТИХИ

Однажды я услышал замечательный пример некоего детского речения. Ребенка спросили:

– Для чего тебе две руки?

Взрослые, наверное, думали, что ребенок ответит, примерно, так: чтобы что-нибудь построить из кубиков, слепить из пластилина, – то есть, сделать нечто познавательное, а то и необходимое для своего детского хозяйства. Но тот ответил:

– Одна рука нужна, чтобы держать маму, а другая – папу!..

Этот пример представляется мне сегодня развернутой метафорой того, что представляет из себя детская поэзия, стихи для малышей. Это – семейное тепло, внимание взрослых и решающая поддержка ребенка в его мире.

Педагоги, работающие со старшими детьми и особенно с подростками, сетуют на то, что ценности современных детей не связаны с нематериальными понятиями. Чтобы вернуть подростку духовность, мы должны прежде всего одарить его малыша. Детская поэзия – это не только игра; это воспитание сострадания, сочувствия и умения эстетически воспринимать жизнь.

Как-то раз мне пришло в голову такое начало стихотворения:

*Прошла пора пурги и стужи,
Сегодня –
День рожденья лужи!*

Раз день рожденья – нужны подарки. Какие подарки можно сделать луже? После некоторых размышлений появилось продолжение:

*И ветер стих,
И полдень ярок,
И в сердце лужи все светлей.
А небо сделала подарок
И подарило тучку ей.*

Здесь мое воображение забуксовало: мне надо было «живьем» увидеть эту тучку, висящую над лужей, и, хотя зима кончалась, наше петербургское небо было сплошь покрыто облаками, и никакого праздника не получалось. Пришлось отложить стихотворение до весны. Но однажды я все-таки подстерег тот миг, когда над примеченной мной лужей повисла в чистом небе настоящая «подарочная» тучка. И вот что меня поразило: снизу тучка была освещена солнцем – получалось, что у нее розовое брюшко, но у отражения в луже было все наоборот, у тучки в луже была розовая спинка!.. И я понял, что такое «визуальное» открытие и есть лучший подарок маленькому читателю:

*У тучки
Розовое брюшко,
Она лежит в воде, как хрюшка...
Нет, в луже – все наоборот:
У тучки
Розовая спинка,
Она лежит в воде, как свинка,
А может быть, как бегемот.*

*Но как ее ни назови,
Лежит и тает –
От любви!*

Одно из предназначений поэзии для детей – создавать атмосферу сотворчества, вызывать ребенка на поэтическое соревнование и самое главное: раскрепощать его в отношении с языком, то есть, с миром.

Помню небольшой рассказ Бориса Владимировича Заходера: «У меня на глазах, – вспоминал поэт, – прошла история одной прелестной девочки, дочери наших близких друзей. До сих пор – уже добрых двадцать лет! – у нас хранятся ее рисунки школьной поры – смелые выразительные рисунки настоящего художника. Она обещала стать блестящим графиком-иллюстратором. Родители – разумеется, из лучших побуждений! – решили подготовить ее в соответствующее учебное заведение. Наняли репетиторов. И – на третий, помнится, год те научили ее писать шрифты и рисовать плакаты точь-в-точь так, как требовали условия приема. Ее приняли. Она окончила институт. И так и пишет шрифты: “Не стой под грузом”».

Я бы очень хотел, чтобы мои заметки помогли оградить ребенка и родителей от таких репетиторов и учителей, о которых упомянул Борис Заходер. Давайте читать стихи, играть в стихи и размышлять о тех, кто пишет для детей. Очень надеюсь, что многие из них станут поэтическими друзьями ваших чад. Они писали и пишут стихи, а не шрифты.

* * *

Маленькие дети – и это всем известно – удивительные консерваторы: они с радостным визгом открывают мир и тут же вычленивают из него все полюбившееся, стараясь его, как игрушку, никому не отдать.

Это особенно относится к стихам, если, конечно, стихи сопутствуют воспитанию. Кто из нас не был свидетелем того, как маленький любитель поэзии запоем читает какое-нибудь стихотворение – отрывок из той же «Мухи-Цокотухи», или Маршака, или Барто, или Пушкина, – а на вопрос, кто эти стихи написал, гордо отвечает: «Это я придумал!» Или: «Это я сочинил!»

Малыш не отделяет себя от понравившегося стихотворения: это – мое! А о том, что

у стихотворения есть автор, он и думать не думает. Надо, чтобы мир вокруг крепко раздвинулся, чтобы в этот раздвинувшийся мир вошли многие абстрактные понятия, – и тогда ребенок сможет представить, что такое поэт и как с ним общаться.

Лет тридцать назад два бельгийца – поэт Пьер Коран и педагог Робер Кюсс выпустили книгу «Рожок для муз», в которой собрали ответы детей на вопросы: «Что такое поэзия?» и «Кто такой поэт?». Отвечали младшие лицеисты, но в их ответах еще много отзвуков ранних, первых впечатлений от стихов.

Поэзия... «это песня без музыки», – сказала маленькая Коринна; «Это история, которая поет», – сказала Софи; «Это словно мячик катится по земле», – ответил десятилетний Жан-Мари; «Это радость жизни, которая заключена в тексте», – заметил умудренный жизнью Марсель; «Это утешение, когда я одинока», – вздохнула чувствительная Ширли... «Если не будет поэзии, что нам останется?..» – подытожила уже взрослая, двенадцатилетняя Соня.

На основе этих и многих других ответов авторы книги создали особый «фоторобот» поэта – каким его видят дети (прочитав «Рожок для муз», я часто задаю подобные вопросы и нашим дошкольникам и младшим школьникам и получаю очень схожие ответы). А что сами дети, – скажем, те, что пишут стихи? Каковы они? Кто они – на фоне современной «взрослой» поэзии?

Европейская – в том числе, и российская поэтическая традиция всегда с уважением и любовью относилась к пишущему ребенку. И сегодня поэзия детей остается включенной в общий процесс. На моей памяти, за прошедшие, скажем, полвека только в нашем городе, Ленинграде-Петербурге, вышло несколько больших сборников детского поэтического творчества, всякий раз они оказывались зеркалом, точно фиксирующим духовное состояние общества, – от барачного оптимизма шестидесятых до печального экзистенциализма девяностых. Однако пишущий ребенок – при всей его индивидуальности – мало чем отличается от «параметров» ребенка не пишущего: оба требуют словесного – и нередко стихового – общения.

В одной из лекций Зигмунда Фрейда есть показательный пример изначальной установки ребенка «на голос». «Я слышал, – пишет ученый, – как ребенок, который боялся темноты, кричал в соседнюю комнату: «Тетя, говори со мной – я боюсь!..» – «Но что тебе от этого? Ведь ты меня не видишь!» – «Когда кто-то говорит, становится светлее...»

Даже не в столь экстремальной ситуации нормальные дети требуют постоянного общения, разговора. Понятно, что любое юное существо, обладающее хотя бы зачатками разума, сориентировано на звук, на голос. Помню, когда у нас тяжело болел маленький таксик, ветеринар, помимо необходимых лечебных процедур, «прописал» неустанное общение со щенком. Это тетешканье, отвлечение на интонацию было не менее важным лекарством, чем уколы и таблетки. Ребенок, естественно, не щенок, и разговор с ним – дело непростое, особенно разговор стихотворный, ведущийся посредством поэтического слова, текста, книги.

Конечно, существуют разные дети, по-разному воспринимающие стих как таковой. Опыт показывает, что привлечь ребенка к стихотворной речи – занятие не такое уж легкое, как это поначалу кажется. Для того, чтобы он заинтересовался стихами, нужно, чтобы сработало несколько условий, и одно из существенных – сама поэтическая книга, ее устройство, ее оригинальность. Все-таки наша цивилизация – пока еще цивилизация чтения, а стихи в нашем семейном воспитании всегда занимали серьезное место.

Любовь к поэзии подразумевает богатство чувств. И это главное, к чему может привести поэтическое воспитание. К приведенным выше словам Шарля Бодлера, сформулировавшего «детскую основу» гениальности, можно ностальгически добавить слова другого великого француза, Сен-Жон Перса: «Если бы не детство, что бы еще было, чего больше нет?».

* * *

*Мамонт и папонт
Гуляли вдоль речки.*

Как правило, этого зачина бывает достаточно, чтобы все хором подхватили:

Бабонт и дедонт...

- Что? Что бывает в сказках с бабушкой и дедушкой?
- Сидели у печки!.. Нет, лежали!.. Да, лежали на печке!
- Прекрасно! Вот и получились у нас первые четыре строки:

*Мамонт и папонт
Гуляли вдоль речки.
Бабонт и дедонт
Лежали на печке.*

Теперь появляется внучонт. Я даю вам первую строчку, а вы должны придумать к ней вторую. Только помните, что в стихах есть не только рифма, но и ритм, размер. (О рифме и ритме мы говорим в самом начала встречи, когда выясняем, чем стихи отличаются от прозы). Итак, *А внучонт сидел на крылечке*

И...

- Кушал колечки!
- Катал колечки!
- Смотрел, как гуляют овечки!
- Ел человечков!

Вариантов тьма. Но мы выбираем только те, что подходят по ритму. Наконец останавливаемся на «колечках»:

*А внучонт сидел на крылечке
И... та́-та, та-та́-та... колечки!*

Что же можно вместить в это «та́-та, та-та́-та»?

- И делал цветные колечки!
- И делал из глины колечки!
- И кушал большие колечки!
- Нет, – говорю, – подумайте внимательно: чем слоны и мамонты отличаются от других животных?
- Бивнями!.. Хоботом!..
- Ну вот, если есть хобот, то, значит, можно его...
- Крутить!
- Крутить в колечки!
- А еще?
- Складывать!
- Свертывать!
- Ну, наконец-то! – и хором мы заканчиваем:

*А внучонт сидел на крылечке
И свертывал хобот в колечки!*

Теперь мы можем все вместе повторить это стихотворение – и уже запоминаем его навсегда!

Можно придумать и другое стихотворное задание. Вот, например, есть у меня стихотворение, которое называется «Чудетство». Я спрашиваю:

– А что это за слово такое интересное? Как оно получилось?

– Это чудо!.. Чудо-детство!..

– А точнее?

– Чудесное... Чудесное детство!

– Ну, конечно! Мы взяли эти два слова и соединили их по общему ударному слогу. Получилось – Чудетство! Теперь я буду это стихотворение читать, а вы отгадывайте, что за слова в нем зашифрованы.

*В Чудетство откроешь окошки –
Счастливень стучит по дорожке...*

Счастливень – что это такое?

– Дождь!.. Счастливый дождь!.. Счастливый ливень!

– Точно! Опять соединили два слова по ударному слогу и получился Счастливень!

Читаем дальше:

Цветет Веселютик у речки...

– Веселый цветок! Лютик! Веселый лютик!

И звонко поют Соловечки...

Это посложнее. Начинаем гадать:

– Человечки!

– Соловьи и человечки!

– Соловьи и овечки!

Наконец, найден правильный ответ:

– Соловьи и овечки!

*А где-то по дальним дорогам
Бредут Носомот с Бегорогом!*

Тут все ясно:

– Бегемот с Носорогом!

Так мы узнаем, что игра в стихи – занятие веселое и очень полезное. Дальше читаем стихотворение про девочку, которая никак не может придумать имя своему маленькому котенку. А котенок старается запомнить, как его называет хозяйка:

*Имя учит
И мяучит!*

Вдруг выясняется, что эти две строчки написаны абсолютно одинаковыми буквами, которые обозначают разные слова! Удивительно!

Наконец, задание совсем непростое.

Ерш ершится.

Петух...

– Петушится! – кричат все.

– Правильно. Запомните, как у нас получились эти две строчки: в каждой из них рядом друг с другом стоят родственные, однокоренные слова. Тогда лайка...

– Лайчится!

– Такого слова нет!

– Лаεται!

– Лаεται?

– Нет, просто лаεται!

– Это правильно:

Лайка лаεται.

Змея...

Тут все попадают в мою ловушку и хором кричат:

– Кукает!

– Ничего подобного! У нас ведь должны рядом стоять однокоренные слова!.. – Наконец, после долгих поисков подсказываю: змеится! И дальше –

Что ж получается?

Лягушка...

Тут уже идет нечто невообразимое: и квакает, и лягушится, и жабится! А нужно-то немножко пофантазировать: ... лягается!

Все эти игры в стихи дают, на мой взгляд, очень важный толчок в освоении ребенком той вселенной, которою является наша речь, родной язык, и воспитывают в конечном счете меру, вкус, такт и чувство юмора – то есть, дают основу гуманистического образования и воспитания.

* * *

Мой знакомый, трехлетний Макс, однажды внимательно изучал радугу, возникшую в небе после ливня. Когда радуга исчезла, он спросил: «Мама, а почему кончилась радуга?» – «Не знаю, – ответила мама, – наверное, потому, что все красивое кончается». – «А почему все красивое кончается?» – «Ой, Макс, все некрасивое тоже кончается!» – «А почему?» – «Ну, вообще все кончается». – «А почему вообще все кончается? – «Я не знаю». – «Наверное, – сказал умудренный Макс, – это только дядя-мастер по радугам знает...»

Хотелось бы думать, что детский поэт может быть хоть в чем-то сродни «дяде-мастеру по радугам», чтобы отвечать на замечательные вопросы наших юных читателей, а если говорить про таких маленьких, как Макс, – то пока еще слушателей.

Меня уже давно преследует идея сложить свои стихи по возрастной лестнице: начать с самых малышей, с тетешканья, с того, что когда-то называлось поэзией пестования, и незаметно, месяц за месяцем, год за годом «подниматься» к школе. Отдаю себе отчет в том, что в идеале это вряд ли выполнимо: слишком зыбки психологические границы в дошкольном возрасте, слишком различны дети, слишком они еще – и слава богу! – сопротивляются унификации.

И все-таки есть нечто, что их, трехлеток, объединяет. Назовем это веселым возгласом «Я сам!». Маленький слушатель сам открывает для себя то, что впоследствии становится для него самым важным в жизни: мир взрослых, свою семью, природу, первые,

основные понятия, и – речь, язык. На главном месте здесь нередко оказываются фантазия и звук, которые и хочется подхватить.

* * *

А что в четыре года? Мир невероятно расширился, и наш читатель (во многом уже именно читатель!) теперь вовсю к нему приглядывается. Появляются детали, которые раньше он не замечал. Приходят поступки (и проступки), на которые он теперь отваживается. Но главное внимание – мелочам: травинкам, насекомым, винтикам, ниточкам, буковкам. Буковкам – особый почет: их рисуют, их обводят пальцами, их на разные лады произносят, из них составляются слова и первые, самостоятельно придуманные песенки:

*Луна пропала,
Нету луны.
Похоже, что она
За небом,
За домом,
За окошком,
За краном...
Луна поет
И не плачет никогда...
– На-на-на! –
Поет луна.*

Я очень обрадовался, узнав это творение одного из моих самых маленьких друзей, – обрадовался, потому что оно оказалось похожим на мое собственное стихотворение, которое я написал далеко не в четырехлетнем возрасте... «Значит, – подумал я, – сидит во мне и такой малыш, и надиктовывает свои правила игры, очевидно, общие для многих...»

Четырехлетний ребенок уже вовсю пользуется своими правилами и своими правами – в частности, правом озвучивать окружающее, правом слушать и читать чистые, ритмические, гармонизирующие его внутренний мир строчки. Но не только!

*Есть у взрослых много прав –
Рассуждая здраво,
И ребёнок тоже прав,
Защищая право
Разорвать о гвоздь рукав,
Сунуть в рот козявку,
И одно из главных прав –
Право на добавку!*

Вот таким «правом на добавку» я бы назвал и право на стихи. С них на самом деле начинается в жизни куда больше серьезного, чем мы порой думаем.

* * *

Как-то раз юная пятилетняя особа сидела рядышком со взрослыми и внимательно прислушивалась к их беседе. В какой-то момент она вмешалась в разговор и философски заметила: «Жизнь – это любовь...». Фраза пришлась весьма кстати, все рассмеялись, и я

решил удержать внимание девочки: «Скажи, а что такое любовь?» Она тут же нашлась: «Любовь – это жизнь...». Мне не оставалось ничего другого, как спросить у нее: «А что же тогда смерть?» – «Знаешь что, – ответила она, – пойдём залезем под стол...»

Порой мы не без оснований поражаемся уму и пронизательности наших маленьких собеседников. Есть предположение, что дети с трудом уживаются с метафорой, – психолингвисты, например, давно пришли к выводу, что маленькие дети достаточно плохо ее понимают и, как правило, не умеют ее объяснить. Однако наблюдения тех же специалистов и родителей доказывают, что в самой детской речи полным-полно метафор, и это – закономерность и одно из главных свойств формирования речи ребенка. На этом психологическом противоречии может, а мне кажется, и должен «играть» поэт, пишущий для детей: показывая мир «изнутри» детского сознания, он подталкивает малыша к активному освоению родного языка, а через него – и всего окружающего.

В пять лет ко многим приходят первые взрослые чувства – любовь и ревность, отчаяние и понимание, что такое дружба. И уже глубоко осознанное представление о семье, домашнем уюте, – когда он есть, и особенно когда его нет. Не будем также забывать о том, что свойственно всем детям, – о чувстве юмора, которое теперь начинает приносить свои плоды. Над чем смеется ребенок – над приятелем, упавшим в песочнице, или над остроумной и тонкой шуткой?

* * *

В шесть лет жизнь во многом приобретает смысл, когда заглядываешь в недалекое будущее и видишь первый ранец или рюкзачок с книгами, вспоминаешь уже знакомый запах свежееотточенного карандаша, слышишь шелест тетрадки и скрип ручки...

Запахи и звуки определяют это будущее. Это запах и звук мечты, и, на мой взгляд, поэзия должна прийти на помощь там, где их следуют закрепить, внедрить в сознание. Шесть лет – это уже тот возраст, когда всерьез задумываются о том, кем стать, когда начинают мучить вопросы, как устроен мир, и каково твое место в этом мире. Вообще-то, примерять на себя мир мы начинаем куда раньше рассчитанного на это подросткового возраста.

В шесть лет уже всюю закрепляется словесно-игровое отношение к окружающему.

Словесная игра – это особый способ открытия мира, а воспитание «филологического» юмора – большое подспорье для души. Очень важно, чтобы все это было в тех стихах, которые попадают на глаза маленькому читателю.

* * *

Вот так, пробежав несколько возрастных ступенек, мы придем к выводу, что поэтическая книга – по крайней мере, в традициях нашего семейного воспитания – неперенное условие гармонического взросления и «окультуривания» ребенка.

Поэтическая, да, впрочем, и любая другая книжка хороша еще и тем, что чтение – это домашнее занятие: оно проходит в знакомой обстановке, в «ближнем кругу», а если представить себе, что все прочитанное становится предметом неперенного обсуждения со взрослыми, а затем и с ровесниками, а затем – что было бы уже совсем здорово! – и с самим собой, то итог понятен и внятен. Что бы мы сами и что бы нам не говорили о сегодняшнем «нечитающем» ребенке, лекарство от этого расхожего явления имеется, и весьма действенное.

Однажды Валентин Дмитриевич Берестов написал стихотворение, которое мы вспоминаем всякий раз, когда разговор заходит о детском чтении, о детской книге, о том счастье, которое малыш получает, когда, наконец, может сам, без помощи взрослых, что-то прочитать:

*Как хорошо уметь читать!
Не надо к маме приставать,
Не надо к бабушке идти:
«Прочти, пожалуйста! Прочти!»
Не надо умолять сестрицу:
«Ну, почитай еще страничку!»
Не надо звать.
Не надо ждать.
А можно взять –
И почитать!..*

* * *

...Однажды я выступал в одном детском творческом клубе – ребята были умненькие, как на подбор, и я с удовольствием читал им стихи из только что вышедшей моей книжки «Месье, месье, который час?» с переводами из современных французских поэтов, пишущих для детей. В частности, прочитал и одно любимое стихотворение – «Антилопу» Робера Винё:

*За копытце антилопы
Я отдам Лион.
А за хвостик антилопы
Я отдам Дижон.
А за ушко антилопы
Я отдам Лаваль.
А за щёчку антилопы
Я отдам Версаль.
А за глазки антилопы
Я тебе отдам
Весь Париж – мосты и Сену,
Лувр и Нотр-Дам!*

Тут же поднялась третьеклассница и провозгласила:

– А ваш французский поэт знает, что продавать животных на органы – это подсудное дело?..

Я теперь вспоминаю эту историю всегда, когда речь заходит о нынешней юной аудитории – при всей, казалось бы, незыблемости и неизменчивости детской возрастной психологии, меняется атрибутика детства и взгляд ребенка на окружающий мир оказывается в сильнейшей зависимости от современных, куда более агрессивных взрослых стереотипов. Вместе с этим взглядом меняется и восприятие традиционной детской поэзии. Ко всеобщей радости, всюю продолжают печатать наших детских поэтов-классиков, но многое уже становится не данью детству, а данью памяти о детстве. Поэтому кому-то сам факт существования детской литературы может показаться всего лишь фоном, на котором разворачиваются основные – взрослые – события. Что ж, как известно, многие классические полотна показывают нам не столько то, что происходит на первом плане, сколько притягивают наш взгляд к фону и пейзажу. Этот обетованный пейзаж дорогого стоит.

МАРК ВЕРХОВСКИЙ

Марк Верховский – член Союза писателей и Союза журналистов Азербайджана, также член Союза писателей Северной Америки и Совета «Азербайджанское землячество Америки». Редакция "Л.А." поздравляет нашего давнего автора, американского бакинца, с 75-летием и желает творческого долголетия и успехов.

Лондонские парадоксы

Вопреки ожиданиям дождя, Лондон ошарашил нас солнечным днем. Аэропорт Хитроу тоже неожиданно проявил невиданное гостеприимство – как в прохождении безлюдной таможни, так и в стремительном получении нашего багажа. Оставалось найти наш трансфер и с его помощью покинуть аэропорт. Здесь агент с лучезарной улыбкой пообещала нам ожидание 15 мин. Но когда они прошли, а следом следующие 15, и растаяла стайка жаждающих отправления пассажиров, я понял, что необходимы активные (бакинские) действия. Я бочком приблизился к агенту и смущенно напомнил ей о нас. Она встrepенулась и с несколько потускневшей улыбкой чисто-сердечно призналась, что совершенно забыла про нас. Вновь последовало обещание «через 15 мин», по истечению которых, как ни странно, мы уже мчались к отелю.

В том, что день явно благоприятствовал нам, я убедился, когда увидел, что нас действительно ждали: несмотря на то, что время поселения ещё не наступило, нам любезно вручили ключ от номера. Так же доброжелательно с нас потребовали \$40 депозита, якобы, за будущий ущерб, который мы можем нанести отелю своими непредсказуемыми действиями (видимо, догадались по акценту, что я из Баку). Затем, мило заверив нас, что самый выгодный разменный курс валюты находится в этом отеле, они обменяли нам деньги. Уже на углу этого же квартала, в первом же «обмене» мы убедились, что нас элементарно «надули» на 20%.

Но главное – мы в Лондоне! Восторгаясь этой мыслью, мы едва дождались прихода нашего гида, которая отвезла нас на знаменитом двухэтажном автобусе в центр, на Трафальгарскую площадь. В дальнейшем она стала нашей отправной точкой во всех передвижениях по городу. Разумеется, автор не собирается писать путеводитель для туриста, а только хочет поделиться некоторыми, с точки зрения автора, парадоксами английской столицы.

Площадь Ватерлоо в первоначальном виде представляла собой, установленную в центре плаца внушительную стелу в честь победителя Наполеона при Ватерлоо, командующего союзными войсками, фельдмаршала герцога Веллингтонского. Вполне заслуженное и справедливое решение. Она горделиво и стоит, возвышаясь над парком Сент-Джеймс. Однако победа Великобритании, как союзницы Турции, в Крымской войне 1853-56гг., видимо, не давала спать королеве Виктории, наконец-то впервые победившей в локальной войне великую Россию. Эта вообще-то обычная захватническая война для страны, территории которой никто не угрожал, принесла агрессору человеческие жертвы только по собственной вине.

Грандиозность воздвигнутого монумента в честь павших воинов затмевает стелу, установленную в память о победоносной битве под Ватерлоо. Мало того, он довлеет над площадью своей угрюмой и помпезной композицией. Опущенные в скорби головы скульптур как бы стыдливо замалчивают для истории необходимость данной акции чести Великобритании.

Про «говорильню» из Гайд-Парка я был наслышан ещё с «советского» детства. Лужайка была знаменита тем, что ещё в конце 19 века решением демократически настроенного парламента это место было определено, как территория свободного словоизлияния гражданами своих мыслей на любую тему.

Увидеть удивительную лужайку, где поощряется проявление свободомыслия, было главной целью моего прибытия в Лондон. Однако «Спикерс корнер» – «Говорящий угол» – найти было не так-то просто. Углов в парке, сами понимаете, минимум четыре, а «говорящий» – один. Причем, табличка, указывающая на нужный угол, показывала направление – «в никуда». Так, блуждая от угла к углу, мы расспрашивали редких посетителей, из которых большая часть была туристы, никогда не слышавшие о таком феномене. Совершенно неожиданно мы, наконец, вышли на очередной угол. Что это «тот самый», говорило название круглого, но, к сожалению, закрытого, пивного бара. Рядом, на лужайке, за столиком сидела темнокожая пожилая леди, старательно выводящая в письме английские каракули своей, вероятно, черной подружке из Кении.

Я подловил момент, когда почтенная матрона, устремив пронизательный взгляд в небо, старалась припомнить, чем же ещё необычным можно заморочить голову своей соплеменнице.

– Извините, мэм, вы не подскажете, где находится Спикерс корнер, – спросил я мадам, стараясь говорить с английским акцентом, заимствованным из программы BBC. Напрасно старался – она ничего не поняла. Только после третьего захода, когда я ей, как ученице 2 -го класса, растолковал цель моего вопроса, она радостно засияла и заявила, что мы как раз на этом «корнере».

– А где трибуна ораторов? – с видом знатока поинтересовался я, предвкушая, как сделаю для бакинцев фотографию места, где можно вещать на весь мир, без оглядки на правительственные органы.

Темнокожая леди, как бы издеваясь над нами, обвела рукой все окружающее пространство. Туда уместились: зеленое поле с мальчишками, играющими в футбол, павильон вместе с леди и что-то ещё огромное и необъятное (видимо, небо).

– Но, мэм, все – это? – недоумевал я, подозревая, что нас снова «надули» с поездкой.

– Да, вот здесь, на этой поляне, по выходным дням собираются различные по интересам группы людей. Их ораторы толкуют слушателям, если они есть в хорошую погоду, оригинальные глупости, – словоохотливо продолжила она. – А вы откуда?

Это был самый каверзный вопрос, которого я ожидал, но я к нему основательно подготовился. Дело в том, что говорить, что мы из Америки, было глупо, ибо из-за гнусного английского произношения нам могли выразить недоверие. Пришлось бы нам длинно объясняться. Поэтому мы приняли единственно правильное решение: быть из Азербайджана – хотя это и означало только потерю драгоценного времени. Мы намекнули, что республика когда -то, в прошлом веке, входила в Советский Союз, что поставило все на место.

Узнав, что мы из России (синоним СССР), пожилая женщина вдруг резво вскочила на ноги. Лицо её преобразилось: оно излучало любовь и доброту. С энтузиазмом она бросилась мне на грудь.

– Я давно мечтала о встрече с русскими. Как хорошо, что, наконец, это произошло. – Она с таким умилением смотрела на нас, что мы почувствовали себя инопланетянами.

Леди возбужденно заговорила о своих симпатиях к русским, но затем как-то

незаметно перешла к религиозной теме. Стали чаще появляться такие слова, как «мессия».

И тут меня осенило, что она писала не какое-то письмо к некой подруге из джунглей, а готовила, очевидно, очередное свое серьезное выступление в этом самом «спикерс корнер».

Я понял, что пришло время прощаться с любезной леди.

Узнав об этом, она ужасно разволновалась, и слово «мессия» теперь стало встречаться гораздо чаще, чем раньше. Чтобы расставание не выглядело для неё угрозой её жизни, я вынужден был пообещать придти сюда на следующий день. Этот заведомый обман мучает меня угрызениями совести до сих пор.

В Лондоне очень сильна мусульманская община. В основном она состоит из уроженцев Пакистана. При предоставлении независимости Индии, она была поделена Англией на два государства – Индию и Пакистан, причем обе страны получали равные права для её жителей, подданных Королевства Великобритании, на переезд на Британские острова. Чем они незамедлительно и воспользовались. Правительство Англии весьма серьезно считается с мнением мусульман и часто идет им навстречу в решении чисто мусульманских проблем. Очень неплохо себя чувствует с каждым годом увеличивающаяся азербайджанская диаспора.

Появляются национальные художественные галереи, выставки, рестораны. Приезжают с гастролями азербайджанские пианисты, скрипачи и вокалисты. Что удивительно, когда я начинал излагать свои критические взгляды о лондонских парадоксах, то некоторые азербайджанцы не на шутку обижались на меня, как если бы я критиковал Баку, не Лондон.

Посещение Виндзорского королевского дворца не предвещало сенсаций.

Дворец как дворец. Не лучше и не богаче многочисленных королевских резиденций в Европе. Войдя в зал Победы над Наполеоном, я растерялся среди множества портретов королевских особ государств коалиции и её полководцев-победителей. Попробуй разобраться «кто есть кто» среди золоченых военных мундиров и самодовольных розовых физиономий, выражающих удовлетворение своим присутствием в торжественном зале.

Еще бы – победить самого Наполеона Бонапарта!

Рейтинг самого выдающегося стратега в войне против Франции, без всяких сомнений, принадлежал герцогу Веллингтонскому, точно так же, как по мнению россиян им является фельдмаршал Кутузов. Внимательно обзрев зал и не найдя портрета фельдмаршала, я, тем не менее, обнаружил посередине одной из стен портрет императора Александра I. За подтверждением моей проницательности я решил обратиться к молодой девушке, смотрительнице холла. Она мило заверила, что это действительно русский царь, и с удовольствием посвятила меня в присутствие других государей и полководцев. Когда она закончила, я резонно спросил её: «А где же портрет истинного победителя Бонапарта – фельдмаршала Кутузова?»

Девушка недоуменно, отдавая дань уважения туристу из Баку, спросила: «А кто этот джентльмен?»

Пришла моя очередь изумиться английской ограниченности. Оправившись от шока, я ввел её в курс истории разгрома Наполеона под Москвой, с которым в былые времена (не знаю, как сейчас) был знаком каждый бакинский школьник, начинающий изучать азы истории. Надо отдать должное её любознательности – она внимательно выслушала мой экскурс в прошлое, изредка корректно дополняя возгласами: «О, как интересно!».

В заключение она заверила меня, что «никогда и ни от кого не слышала ничего подобного. Она благодарна мне за информацию, которой отныне она будет руководствоваться в своих лекциях.

Я понял, что открыв для англичан историческую правду, я оправдал свой приезд в Лондон. Продолжать искать портрет фельдмаршала было бессмысленно, и мы двинулись дальше на осмотр дворца.

Посещая страны Европы, я взял себе за правило находить в городе пребывания давние религиозные объекты иудейского присутствия.

Совершенно случайно на тихой и невзрачной улочке мы обнаружили еврейский музей. Он размещался в небольшом домике из трех комнат, хотя здесь и присутствовал охранник.

Разумеется, я ожидал найти какие-то весомые иудейские ценности. В центральных и специально освещенных местах висели несколько портретов англо-еврейских вельмож, снискавших королевские почести, титулы и, конечно, богатство. Одетые по моде того времени, они откровенно игнорировали мой взгляд, уйдя в созерцание своего величия. Очевидно, это и были самые ценные приобретения музея.

Впрочем, они и на евреев-то не были похожи – вот что делает с людьми непомерное возвышение.

В зале мы встретились со школьниками младшего класса *ешивы* (специальные еврейские школы с религиозным уклоном). Они внимательно изучали иудейские предметы религиозного обихода. Экспозиция музея была богато представлена старинной серебряной посудой, подсвечниками, кубками для вина и другими атрибутами семейного быта.

Любезно сопровождавшая нас смотрительница на мой вопрос пояснила, что школы в Англии бесплатные, и даже ешивы содержатся за счет государства (вот тебе и английский антисемитизм, про который твердят еврейские СМИ). Я выяснил, что в Лондоне проживает большая еврейская община, имеющая множество различного толка синагог.

Узнав, что я пишу про иудейское пришествие в страны Европы и собираюсь писать и про Лондон тоже, она очень обрадовалась и поспешила сообщить новость хранителю музея (он же билетер и кассир).

При этом она обнадежила меня, что упомянутый ученый муж поможет мне с необходимыми материалами. Встретивший нас раббай не выказал по поводу моих намерений особой радости. Чтобы «помочь» мне, он углубился в толстый фолиант в поисках какого-то талмудиста, который должен был бы мне посодействовать. Получив номер телефона, я начал подозревать, что смогу воспользоваться им, только позвонив талмудисту на «тот свет», ибо книга была старинного издания.

Раббай был явно доволен, что так «изящно» избавился от своего соплеменника, не потратив ни одного цента для выдачи мне материалов, хотя, как я мельком обратил внимание, лавка от них ломилась.

Даже умоляющее шептание доброй смотрительницы не помогло преодолеть его скупость, очевидно, унаследованную от тех самых англо-еврейских вельмож.

Бедная женщина от стыда за своего босса не могла поднять на нас глаза.

Я скромно поблагодарил раббая, заметив с сарказмом, что, откровенно говоря, даже «такого» участия я не ожидал. «Музейная редкость», якобы «не заметив» (?) моей подделки, «отечески» проводил нас до дверей.

Как только мы оказались на Пикадили, я решительно повернул на Сохо. Супруга, увидив узенькие старинные улочки и целомудренно не догадываясь о досто-

примечательности местных нравов, удивленно посмотрела на меня.

Но когда я глазами показал на ближайшее настежь открытое окно с полуобнаженной девицей на подоконнике, она все поняла и укоризненно посмотрела на меня.

Я невозмутимо уже указывал глазами на дверной проем расположенного на противоположной стороне трактира. Две вульгарные девицы в рубенсовском стиле, дымя на весь бар, нагло и многообещающе смотрели в нашу сторону.

Моя жена непроизвольно загородила ближайшую к мостовой сторону тротуара, защищая меня от их похотливо-деловых взглядов. И я подумал, что последнее было сделано своевременно. Дальше становилось ещё интересней. Толпы завсегдатаев заполнили тротуары, с любопытством наблюдая за маневрами конной полиции, которая важно и бесцеремонно дефилировала по проезжей части улиц. Я обратил внимание, что лошади почему-то, проходя мимо очередной тесно сплетенной пары, косились на них и оставляли метки, делая свое «большое» дело. Насытив свое любопытство «наглостью» полицейских лошадей, мы переключили внимание на посетителей кафе и таверн, в которых, как правило, сидели однополые пары. Они демонстративно, не обращая внимания на прохожих, тискались в страстных поцелуях. Впечатление было как в плохом эротическом фильме, причем женские пары вели себя более благопристойно, нежели мужские. Не знаю, как бакинцы, но обзреть подобное зрелище в массовом производстве – явление не для слабонервных. Внезапно моя супруга остановилась, привлеченная витриной магазина. Я удивился – магазин был ничем не примечателен. Она кивнула на зеркальное отражение витрины: два здоровенных бородатых мужика сцепились в любовных объятиях. Эта сцена была настолько дика и неправдоподобна для цивилизованного Лондона, что я обернулся вокруг – не мираж ли. Но прямо перед нами было живое воплощение диких инстинктов.

Супруга настойчиво потянула меня за рукав – она была сыта моим сюрпризом.

Небольшой рывок, и мы уже в китайском квартале. Он мало чем отличался от подобных кварталов, виденных нами в других городах мира. Такое же обилие одинаковых китайцев и запахов китайской кухни.

Неожиданно перед нами открылся фасад знаменитого Ковент Гарден – Королевской оперы. Нельзя сказать, что здание поразило нас своей фантазией.

Но оно было не хуже миланской «Ла Скалы». Мы решили сделать безумную попытку приобрести билеты на спектакль. Переговоры с любезным кассиром завели нас в финансовый тупик: один билет стоил 150 фунтов (почти \$300.) Такие деньги я обычно плачу за весь театральный сезон в Метрополитен-опера.

Кассир и сам смутился, предложив нам билеты для «абрамовичей».

Но я не растерялся и попросил его продать нам тур осмотра театра. Корректный англичанин обрадовался, что сумел угодить гостям и выдал нам билеты на завтра.

Почтенный джентльмен, собрав группу из 15 туристов, повел нас по местам, которые обычно предохраняет табличка «Посторонним вход запрещен». Рассказав нам интереснейшую историю пожаров в театре, он затем на пару минут завел нас в зал, где шла самая настоящая репетиция оперы «Принцесса Турандот». Все были в непривычной улично-спортивной одежде, что создавало впечатление какого-то шутовского бедлама.

Позже мы стали свидетелями репетиции балетной труппы. Причем, мы наблюдали её из-за стекла так близко, что были видны ручьи пота, струящиеся не только по лицам, но и по телам артистов.

Работа, я вам скажу, адская, но почему-то все на неё идут добровольно.

Показали нам механизм движения декорации по сцене, костюмерные и многое другое.

Одним словом, впервые закулисье мы узнали с изнанки и, главное, узнали, что красочное представление требует массы напряжения всех маленьких винтиков в одном огромном механизме спектакля.

Поднявшись на «Чертовом колесе» или, как здесь говорят, «Лондонс айс», в верхнюю точку лондонского поднебесья, я запечатлел с разных ракурсов Биг Бен с его младшим братом – парламентом. Вот здесь я и обратил внимание на факт, открытый нам гидом: флаг над «Башней Виктории» был поднят. Это означало не что иное, как то, что шло заседание палат парламента.

И это – несмотря на 7:00 вечера! Увидеть своими глазами заработавшихся работяг-депутатов, когда все горожане давно уже сидят перед телевизорами – не это ли предел мечтаний неугомонного туриста? Решительное форсирование Вестминстерского моста проходит под нашим бдительным наблюдением за действием флага. Ведь его спуск будет означать конец нашим надеждам проникнуть сегодня вовнутрь здания. Но вот уже вооруженная автоматами охрана дает нам направление входа. Непривычное отсутствие толпы объясняется вечерним временем, когда туристская братия разбежалась по отелям и уже вытянула ноги на своих кроватях.

Именно благодаря этому наша процедура вхождения составила рекордные 10 минут (хотя нас предупреждали о времени в двухчасовом измерении).

Последняя проверка моих карманов, бумажника и благонадежной физиономии, и чиновник выдает нам «Краткий путеводитель» для палат лордов и общин на русском языке, сопровождая наше прощание русским «Спасибо».

Воодушевленные таким любезным приемом, мы входим в зал для публики. В маленьком амфитеатрике посетителей оказалось гораздо больше, чем законодатель в зале Палаты Общин.

Жадно заглянув в зал, я не обнаружил там лучшего друга нашего президента – премьер-министра Соединенного Королевства.

Не было там и членов правительства. К счастью, глава какого-то ведомства (кажется, финансового) настолько затянул свое изложение (во 2-м чтении) законопроекта (я засекаю на табло 106 мин.), что именно благодаря этому обстоятельству мы были обязаны посещением парламента. Как благодарный турист, я пожелал ему удачного прохождения данного «Билля». Усевшись во втором ряду от барьера, мы наслаждались демократической процедурой работы парламента. Только огромное прозрачное стекло из органика, отделяло нас от представителей законодательства. Я обратил внимание, что посетители амфитеатра напряженно следят за ходом дебатов, а сидевший впереди нас респектабельный джентльмен, не мигая, с интересом уставился на спикера палаты. Справа, у стены, я заметил огромную, в кубическом измерении, полицейскую леди. Теперь я понял, почему в зале стояла такая гробовая тишина.

Леди внушала больше страха, нежели уважения.

Она периодически обводила ряды полусонным взглядом и снова застывала в позе совы. Было нетрудно догадаться, что она спала с открытыми глазами. Во всяком случае, я понял это сразу и потому следил не столько за дебатами, где, кстати, на подмогу оратору вышла содокладчица, а за бедной женщиной, обреченной на муки бессонного дежурства. При очередном обзоре она вдруг встрепенулась и, мгновенно сбросив сон, посмотрела в нашу сторону.

Её колебания длились пару секунд, затем она решительно направилась к нам,

не без труда проталкивая своё огромное «полицейское» туловище через проходной ряд.

Холодный пот выступил у меня (как позже выяснилось – и у жены тоже), когда я представил себе, как на глазах у всей Палаты Общин нас выставят из зала.

«Но за что!» – завопила внутри моя «бакинская» справедливость. Подойдя к нам, она перегнулась к впередисидящему джентльмену и тронула его за плечо. Тот вздрогнул и ...проснулся.

«Так вот где таилась погибель ...её. Увольнением сон угрожал ей!» – перефразировал я строку Пушкина. Предупредив старичка, что здесь спать не положено, она благодушно поплыла на свое место. А мы, чтобы не попасть в подобную ситуацию, тихо, «по-английски», покинули зал. На прощание по пути к метро я отсалютовал статуе Уинстона Черчилля, целесообразно «сделавшему остановку» для отдыха в садике напротив парламента.

Конечно, мы не могли миновать музей «мадам Тюссо», являющийся основоположником всех его подобных собратьев. Едва начав его осмотр, мы были разочарованы его теснотой и скученностью. Музей представлял собой двух этажный особнячок с несколькими комнатами.

Много «знакомых» лиц, но все поверхностно. Некоторые знаменитости вообще на себя не похожи и только по некоторым атрибутам можно было догадаться, кому принадлежит данная худосочная фигура. Почему-то у всех несоответствие роста и объема груди с головой. Так, Фиделя Кастро я узнал только по униформе майора и бороде. Джорджа Буша – по его решительному виду и специфичным афоризмам.

Тони Блера я определил по синим глазам и красному галстуку. А Владимира Путина – по его юношески-непутевому взгляду. Хорошее впечатление оставил о себе король Генрих VIII с его шестью женами, только здесь собранными вместе. Черчилль оказался настолько щедеушен, что я отказался от съемок с ним.

Большая коллекция киноактеров заставила метаться: меня – от Мэрилин Монро к Джулии Робертс, супругу – от Шварцнеггера к Тому Крузу. Не упустил я возможности сфотографироваться с великим Эйнштейном. Вот он был, как ни странно, похож на себя. Затем нас отправили в вагончиках в путешествие в «Комнату Страха». На пол-пути наш «состав» остановился в местности, представляющем ужасы эпидемии чумы. Напротив нас застряла повозка с трупами чумных, в которых аппетитно копошились крысы. Направо, в хибарке, какая-то энергичная леди спускала с окна убитого то ли любовника, то ли мужа, а вернее, последовательно того и другого.

Эффект «уютного» уголка завершал высокий, с развевающимся (от вентилятора) плащом, глашатай, трубным голосом предупреждающий об опасности. Просидев в этой компании около 20 минут, я почувствовал тошноту и понял, что больше не выдержу и начну ему подвывать. В этот момент пришли «спасатели» и объявили, что, оказывается, аттракцион, «не выдержав суточного стресса», повредил себя, чтобы немного отдохнуть. Нас бережно вывели наружу и предложили подождать починки, которая может продлиться несколько часов. Как истый американец, я потребовал частичного возмещения стоимости билета. Но сообразительная администраторша нашла другой вариант: она подписала наши билеты на следующее посещение. Так что я получил сувенир и возможность в следующий приезд бесплатно заново испытать все удовольствия от музея мадам Тюссо.

Вестминстерское Аббатство поразило меня своим логическим «гостеприимством». Старейшая в Европе усыпальница королей «приютила» за свою почти тысячелетнюю историю многих знаменитостей Великобритании.

Но главной неожиданностью для меня явилось то, что общая гробница сводных сестер – королев Елизаветы I и Марии I Тюдор, по прозвищу Кровавая, располагалась напротив жертвы Елизаветы – королевы Шотландии Марии Стюарт, отрекшейся от престола и казненной своей коронованной родственницей. Непримиримые враги, похоже, здесь успокоились. В «Уголке поэтов» поражает обилие великих имен: У. Шекспир, Г.Гендель, В.Скотт, Р.Бёрнс, Ч.Диккенс, У.Теккерей, Эмили и Шарлотта Бронте, Р.Шеридан, Р.Киплинг, Лоуренс Оливье и др. Всем нашлось место в этом «уголке».

В нефе рядом с могилой «Неизвестного солдата» мы увидели памятники У.Черчиллю, Ф.Д.Рузвельту, Исааку Ньютону и, что самое удивительное, великому атеисту Чарльзу Дарвину. Мы долго не могли найти место его захоронения, и только после обращения к администраторше, когда она не поленилась и пошла с нами, мы увидели обыкновенную гранитную плиту, вмонтированную в пол нефа. Вероятно, мы не раз проходили по ней.

Я попросил разрешения заснять плиту, и леди разрешила нам сделать один снимок и только в её присутствии. Что мы с благодарностью и сделали.

Много ещё музеев и других достопримечательных мест Лондона мы посетили, набравшись добрых положительных эмоций. Перечислять их – это писать уже другой очерк – о том, что вы знаете и без меня.

Уже уезжая из Лондона и покидая отель, я вдруг, неожиданно для обслуги отеля, спросил: «Вы ничего не забыли мне вернуть?». На что получил жесткое: «Нет, сэр, ничего!»

И тогда мне пришлось им напомнить о депозите в \$40. «Ведь мы же не ввели Вас в ущерб?» – робко мотивировал я свою «наглую» просьбу.

Радужно-дежурное настроение портье сменилось злобным шипением: «Мы должны в этом убедиться». «Вы это могли сделать много раз», – вежливо, но настойчиво вел я свою американскую стратегию. У стойки было много туристов, с которых ещё предстояло взять подобный налог и спорить со мной на их глазах было не резонно. Портье опустил руку в ящик и, как фокусник, мгновенно извлек оттуда конверт с моими долларами. Я их также молниеносно опустил в карман. Фокус с исчезновением «депозита» в отеле не состоялся. Тем не менее, мы «тепло» распрощались и через минуту уже мчались в Хитроу.

Прощаясь с Лондоном, я ещё раз хочу поблагодарить небо Англии за то, что оно ниспослала нам такую великолепную погоду, а лондонцев – за любезное гостеприимство.

Ведь все, что я описал – это фрагменты стечения обстоятельств, которые абсолютно не имеют отношения к редкому музейному великолепию старейшего города в Европе.

Уникальный Музей мини-книги

Узнав в феврале с.г., что бакинский Музей мини-книги был занесен в Книгу рекордов Гиннеса, я немедленно захотел добавить большую ложку меда в поздравление директора музея Зарифы Салаховой. Однако к моему удивлению домашний телефон в Баку моей замечательной землячки не отвечал.

Это было тем более удивительно, что на этот день приходилась дата её рождения.

Я хотел совместить поздравления по поводу обоих событий. Обеспокоенный

подозрительным молчанием, я позвонил имениннице на мобильный телефон.

Ответила сама Зарифа Салахова. Узнав, что это я (мы давно знакомы), она ошеломила меня, вдруг вспомнив, что я автор изданной в возглавляемом ею издательстве мини-книги «Мелодии Абшерона». Это было странно слышать от директора крупнейшего в мире музея, знающего названия всех своих свыше семи тысяч экспонатов. Но самое интересное было то, что Зарифа-ханым (в свой день рождения!), находясь в городе Гянджа (бывший Кировобад, второй город по величине в Азербайджане), восхищается неузнаваемостью города, его новыми постройками, дизайном и чистотой.

Мне было приятно слышать, что город, который я так часто посещал по роду своей деятельности, помолодел и стал ещё более привлекательным.

Конечно, как человек любознательный, и в силу своего профессионализма, я поинтересовался: « По какому случаю вы, дорогая именинница, в свой день рождения, оказались за 600 км от родного дома в Баку?»

Оказывается, это была рядовая командировка по случаю подготовки филиала Музея мини-книги в Гяндже. В короткой мини-беседе Зарифа-ханым поделилась информацией, что организация создания подобного филиала в Нахчыване уже почти завершилась.

К моей радости глава, покровитель, а также распространитель мини-книг подтвердила, что и моя мини-книга «Мелодии Абшерона» с шестью новеллами на 286 страниц, будет также экспонироваться в этих филиалах.

Здесь для американских читателей необходимо сделать пояснение :

Как город, в основном известный в мире как один из главных производителей нефтепродуктов, вошел в Книгу рекордов Гиннеса, опередив постоянных членов стран, входящих в Совет Безопасности ООН?

Виновницей такого необычайного увлечения в городе Баку оказалась простая «красавица, спортсменка, комсомолка» Зарифа Салахова.

Именно она своим неутомимым энтузиазмом с 1982 года начала «добывать» драгоценные экземпляры мини-книг, созданных мастерами переплета в средние века.

Для этого необходимо было путешествовать по странам всех континентов, знакомиться, вести переписку, участвовать во многих масштабных мероприятиях, вплоть до Олимпийских игр. Благодаря деятельности частного коллекционера, Зарифы Салаховой, создавался будущий клад мини-книг, который однажды оценил приглашенный на просмотр глава государства Гейдар Алиев.

Он мгновенно понял, какой ресурс сумела создать и сохранить для Азербайджана эта единственная, никем не спонсируемая женщина. Дальше её начин должно было оценить, подхватить и приумножить государство.

Президент принял решение о создании музея и его статусе.

Это произошло в Международный день книги, 23 апреля 2002 года.

На праздновании тринадцатилетия создания музея Зарифа Салахова была удостоена сертификата «Книги рекорда Гиннеса», как указано в нем, «за уникальную и единственную в мире коллекцию из 2913 миниатюрных книг, отвечающих стандартам Книги рекордов, из 5700, выставленных в музее»

Здесь, наверное, будет кстати упомянуть, что ещё 17 июля 2010 года в моей публикации на сайте Trend Life и в других СМИ я сделал предположение об уникальности Музея мини-книги.

«Хочу остановиться на одном факте, обнаруженном в некоторых средствах информации, где речь идет о том, что подобных музеев в мире существует два: первый

– упомянутый в Баку, и второй, якобы, в Японии, в Токио.

Автор задался целью узнать некоторые подробности о музее в Токио. Все-таки интересно было сравнить его с бакинским.

Однако, несмотря на все розыски и запросы, не было найдено ни единой информации об этом музее. Были обследованы (виртуально) экспозиции около 100 музеев Токио, но ни в одном из них не упоминается не только о мини-книгах, но и о книгах вообще.

Можно предположить, что японский музей мини-книги является филиалом в каком-то крупном музее или ...он вообще не существует.

Таким образом, подтверждается уникальность бакинского Музея мини-книги».

Общая численность личной коллекции З.Салаховой состоит из 7000 книг, изданных в 67 странах мира, в т.ч. в Великобритании, Франции, США, Италии, странах Средней Азии, в Молдавии, Грузии, Украине, Беларуси.

Единственный в мире музей за 13 лет существования посетило свыше 250 тысяч любителей книг.

В экспозиции представлены 4 микрокниги форматом 3,5х3,5 мм, изданные в Мюнхене в 1964 году : «Олимпийская клятва», «Отче наш», «Люблю» и «Колокол свободы». Мы встречаем здесь мини-книги из серии «Библиотека-крошка», издававшейся в конце XIX века в России, религиозная литература – Коран (XVII в.), католический молитвенник на чешском языке (Нью-Йорк, 1887 г.), Новый Завет с цветными иллюстрациями (Лондон, 1915 г.), молитвы св. Анны и св. Франциска, произнесенные в 1540 году, представленные библиотекой Ватикана в факсимильном издании в серебряном футляре.

Разумеется, невозможно перечислить все интересные находки, но поверьте, что все они уникальны, и все имеют свои оригинальные истории появления на стендах Музея.

С большим успехом прошли выставки миниатюрных книг из личной коллекции Зарифы ханум в Кабуле (1988), Дакке (1991), Хайфе (1994), Москве (1997 и 2003), Киеве (2000), Сиднее (2000), Майнце (ФРГ, 2003), Анкаре (2005), Париже (1999 и 2006), Эр-Риаде (Саудовская Аравия, 2007), в Китае (1995 и 2008), Великобритании (2009), Беларуси (2009, 2013), на Кубе (2011,2014).

С началом производства (1985 г.) З.Салаховой собственных миниатюр было издано 190 книг, посвященных государственности Азербайджана, а также деятелям литературы, науки, искусства и спорта.

Необыкновенно скрупулезное трудолюбие создателя музея – Зарифы Салаховой – было отмечено избранием её председателем правления общества «Книга», председателем Бакинского женсовета, Бакинской ассоциации женщин Азербайджана, членом совета Общественного телевидения и радио, членом Национальной комиссии ЮНЕСКО, присуждением звания Заслуженного работника культуры республики, награждением ордена «Шохрат» (Славы). Зарифа Салахова была удостоена присуждения персональной президентской стипендии и Российской золотой медали Ивана Федорова.

Призываю всех туристов, командированных и любителей путешествий, будучи в Баку, посетить единственный в мире Музей мини-книги, расположенный в заповедной зоне «Ичери Шехер» (Бакинской крепости), рядом с дворцом «Ширваншахов». Не лишне напомнить, что вход в музей – бесплатный.

И если вам повезет, то экспозицию вам покажет сама директор Музея – Зарифа Салахова.

12 Дней, потрясшие эмигранта в Баку

Обозрение

Очерк стал призером Международного литературного конкурса «Азербайджан в меняющемся мире»

*Друзья сменили адреса,
Разъехались соседи.
Одни куда-то в небеса,
Другие по всем светам.*

Мансур Векилов

(из последних неопубликованных стихов)

Писать обозрение – всегда тяжкий труд, ибо это предполагает, как в данном случае, терзание живой плоти по счастливым дням пребывания на Родине. И все же – и бакинцам, и нам, гостям, приятны эти пытки, предполагающие наряду с истомой похвалы и честную правду горькой истины. Главное – не переборщить ни в ту, ни в другую сторону. Автор попытается это сделать, исходя из своего личного впечатления, и потому надеется на снисходительность бакинцев.

Несомненно, что аэропорт является той «вешалкой», с которой начинается город. Сегодня Бакинский аэропорт – современное предприятие, отвечающее последним техническим достижениям в сфере подобных услуг, но не по обслуживанию авиапассажиров. Когда с меня взяли деньги за визу и за фотографии к ней, не выдав квитанции, а затем обнаружился вспоротый карман в багажной сумке, откуда исчезли некоторые сувениры и мои книги, я с облегчением вздохнул и улыбнулся про себя: «Наконец-то я дома!»

В целом старый Баку значительно похоршел и непропорционально омолодился: разнокалиберные высотные дома, как атланты, подняли город на высоты современности, рухнули развалюхи XX и более ранних веков, побриты и отмыты закопченности великолепного восточного зодчества. В отдельных районах города идет интенсивное рытье траншей для прокладки новых коммуникаций. Давно пора. Видимо, недавние ливни показали недееспособность старых. Многочисленные котлованы, как мне показалось, напоминают археологические раскопки, цель которых – найти доказательства соседним государствам, что зарождение человеческой жизни произошло именно на Абшероне. Ведь не зря же обозначение слова «Человек» по азербайджански звучит как «Адам»

Ну и, конечно, «лес рубят – щепки летят». И как-то странно, что этими «щепками» оказались почему-то ещё крепкие гостиницы и сами ...деревья. Не буду констатировать отдельные изменения – о них, очевидно, сказано-пересказано. Остановлюсь на главной достопримечательности города, на людях. Много говорится о так называемой «нации бакинцев». И каждый бакинец-аксакал норовит подчеркнуть, что, дескать, именно в его времена существовало это племя. Как говорил поэт: «Богатыри – не Вы». Я категорически против такого определения. Главным аргументом подобной теории является пришествие азербайджанцев из районов. А позвольте

спросить таких умников: «А когда не было этого явления?» Как мог город с несколькими сотнями тысяч жителей до ВОВ превратиться в город с миллионным населением в 60-х годах, а теперь с числом жителей в 3 млн. человек. Ведь не хотите же вы пошутить, что это благодаря высокой рождаемости горожан. Да, я понимаю, что число беженцев явно помогло увеличить население города. Да, это наложило культурный отпечаток на жителей. Но поверьте, я был просто потрясен интеллигентной насыщенностью центра города. В первую очередь я отношу сюда русскоязычие. Да-да, как и в прошлые времена звучит русская речь, и не столько от иноязычных, сколько от самих азербайджанцев. Конечно, для некоторых это не лучший комплимент, но народ выбирает сам, что для него лучше. Особенно меня поразило этот факт, когда я побывал на траурном «джума ахшамы». Там большинство аксакалов вело беседу по-русски (!). Посетив филармонию и театры (о чем я надеюсь рассказать в отдельном очерке), я вновь убедился, что и здесь преобладает русскоязычие. Общение с творческой интеллигенцией опять-таки подтвердило возрождение этого необычного явления в азербайджанском менталитете. И поскольку эта едва не заглохшая традиция продолжает свое, вопреки гонению 90-х годов, победоносное шествие, то теперь можно утверждать, что нация «бакинцы» существует и сегодня, и будет существовать завтра и в необозримом будущем. А потому не стоит бакинцам 60-х годов проливать «крокодиловы слезы» по прежним, близким только для них, временам.

Разумеется, спор, какие времена были расцветом для нации, может разрешить только история. Однако, посетив Музей Истории Азербайджана, я оказался в тупике его однополярности.

То, что территории нынешнего Азербайджана в прошлом не принадлежали Армении, очень убедительно доказывает почти четверть экспозиции. Но то, что расцвет культуры и искусства, равно как и индустриализация Азербайджана, приходится на 70 лет Советской власти, как ни странно, не находит упоминания. Почему-то вся история страны обрывается в 1918 году на образовании Демократической Республики Азербайджан. А ведь лидеры азербайджанского возрождения начинали свою миссию именно при советской власти.

Хотелось бы надеяться, что в музее просто не хватило комнат на продолжение экспозиции, или же идет процесс переосмысления этих лет.

К сожалению, моя беседа с директором музея доктором исторических наук Наилей-ханым Велиханлы состоялась накануне моего осмотра музея, и я не смог задать ей этого вопроса. Думаю, что предложенная видным историком информация о Древней Албании поможет мне скорректировать мои историко-романтические очерки.

Многочисленные встречи с земляками, где бы они ни происходили – на улице, в фойе театра или в аллее парка – всегда были интересны и проходили в одном ключе: «Как я нахожу Баку?» (вполне естественный вопрос для бакинца). Затем шел плавный переход на социальные темы, обязательно содержащие неизменные сентенции о всеобщей коррумпированности бюрократии и невозможности существования на мизерную зарплату. А потому почти все трудятся на двух работах. Что же касается статуса пенсионера, то без дополнительного приработка они бы давно...

Печальная ситуация не имеет радужной перспективы, но ободряет то, вспоминают бакинцы, что десяток лет назад было вообще голодное существование.

Перемены не коснулись только бюрократического аппарата. Все та же рутина и вседозволенность. Впрочем, бюрократия во всем мире не отличается оригинальностью.

Вообще-то стратегическая победа демократического капитализма началась с

лишения народа элементарного завоевания цивилизации – туалетов. Богатейшая нефтяная страна не может подарить своим законопослушным гражданам этот бесплатный сервис.

Курьёзное предложение я получил в кинотеатре им. Низами. Проходя мимо намеченного к ремонту здания, мы с женой, пока не поздно, решили заглянуть внутрь кинотеатра, надеясь восполнить нашу память былых посещений.

Любезная администраторша (она же кассир и билетер) разрешила обойти все здание. Разговорившись с единственной служащей, мы растерялись, когда в знак признательности и уважения она пригласила нас в любое время суток посещать подведомственный ей платный ...туалет.

Никогда не забыть нам сюрприза от администратора (агента?), преподнесенного нам в Зимнем саду, который расположен напротив Дворца им. Г.Алиева. Узнав, что мы приезжие, пришедшие сфотографироваться у памятника Гейдару Алиеву, а также полюбоваться фонтанами нашей юности, замершими в сухом скорбном молчании, администратор (агент?) дал куда-то по мобильнику команду, и фонтаны внезапно ударили мощной струей, нарушив предвзятое мнение, что все делается с помощью взяток. Начальник (а это теперь уже было явно), довольный произведенным эффектом, помахал двумя руками, что, видимо, означало: «Вот я какой!»

Сюрпризы возникали прямо пропорционально нашему любопытству. Весьма оригинальный сервис мы получили в чайхане в центре бульвара: оказывается (к сведению туристов), если вы хотите уютно посидеть и попить чайку после 6-ти часов вечера, то сделать это можно только вприкуску с вареньем (персиковое и ещё какое-то неперсиковое), но за 2+ 5 (чай+ варенье) маната.

Поскольку время было далеко за 22:00, мы остались довольны, что нам не вменили какие-то ещё новые правила ночного посещения. А вот чайханой в бывшем Нагорном парке мы остались вполне довольны. Возможно, потому, что это было днем, и ещё не вступили в силу «драконовские» законы ограбления клиентов, а вероятней всего – из-за милостивого разрешения бесплатного использования примитивного «чайханского» туалета.

Боюсь, что некоторым читателям может не импонировать мой сарказм, и поэтому я переключусь на то, как мой приятель Мир-Теймур Мамедов оказал любезность и показал нам Баку в полуночной иллюминации. «Большое кольцо» включало в себя перспективу новостроек Рабочего проспекта и бывшей Советской улицы, визитную карточку Баку с панорамой бухты (взгляд с бывшего Нагорного парка), космическое свечение телевизионной башни и загадочную темноту предместья поселка Сабаил. В заключение Мир-Теймур привез нас (тут и гадать не надо) в свою обитель Ичери Шехер. «Сим-Сим, откройся», – произносил наш спутник, и все шлагбаумы и цепи падали перед ним.

Хочу затронуть другую немаловажную бакинскую тему – базарную. Мы рассчитывали ещё застать жемчужину Абшерона – инжир, но, увы, на улицах и в магазинах его уже не было – пришлось идти на базар. Стоит ли рассказывать бакинцам о базаре, о многочисленных сортах мотала и его собрате катыге.

А потому просто скажу, что инжир мы-таки нашли и слопали, на радость смеющимся продавцам, прямо у прилавка (ну, что вы, конечно, помыв!). К сожалению, это была единственная дань данному деликатесу. Говорить о кондитерских изделиях я считаю просто неприлично, ибо сразу выделяется слюна и нездоровый озноб съесть все и немедленно. А как можно иначе действовать, находясь рядом с бледным и лиричным принцем – шекер-череком и пылающей ярким янтарем – царицей Пахлавой.

Нет, простите, я лучше остановлюсь!

С большим интересом я посетил новую синагогу. Конечно, в дневное время там негусто с евреями, но зато здесь, в светлом высоком здании, царит торжественная тишина, приближающая вас к таинству молитвы Богу.

По сведениям религиозных общин, в настоящее время в Азербайджане проживают около 16 тыс. евреев, в том числе:

– горских евреев – 11 тыс. человек, из них в Баку – 6 тыс. человек, в Кубе – 3,6 тыс. человек, в остальных районах – 1,4 тыс. человек;

– евреев ашкенази – 4,3 тыс. человек, из них в Баку – 3,3 тыс. человек;

– грузинских евреев – 0,7 тыс. человек.

Я вспомнил свое первое, с дедом Моисеем, посещение старого подвала, почитательно называемого Синагогой, на день Рош-Ашана. Тесные скамейки вмещали в два раза больше людей, но неистовству молитв евреев это нисколько не мешало. Молодой директор спустился со мной в зал, где показал мне старинные свитки торы.

А вот встреча с раввином грузинских евреев прошла весело и непринужденно, как и положено у евреев и грузин. Грузинской общиной руководит Михаил Палагашвили. К сожалению, на момент моего визита в синагогу он отсутствовал, а я ввиду ограниченного времени не сумел воспользоваться номером телефона, любезно врученного мне раввином. Я вспомнил моих бывших грузинских одноклассников, теперь оказавшихся евреями. Оказывается, раввин знал их по посещениям синагоги.

Приди я чуть раньше, мог бы встретиться с бывшей первой красавицей класса, которую раввин назвал «баба М». Только сейчас я вспомнил, что и я «дед». Грустно, но неотвратимо! Разговор наш закончился на грустной ноте бедного существования грузинской общины. Я его «успокоил», что и в Америке община небогата.

Визит в Еврейский культурный центр и встреча с его директором Шаулем Михайловичем Давыдовым прошла в беседе о предстоящем событии Йом-Кипур. Директор готовил на эту тему комментарии по просмотру видеокассеты.

Обнаружил интересный момент, что и синагога, и Центр находятся под тактичной охраной (наблюдением) полиции.

Как видите, моя либеральная критика носит позитивный характер. В то же время она будет стимулом для приезда в следующие разы для оценки красоты и обаяния города. Я решил установить 18-летние циклы моих будущих визитов, чтобы стимулировать долголетие встреч с друзьями. Нисколько не сомневаюсь, что Город каждый раз будет нас удивлять не только своей новизной и великолепием, но и прогрессом в культуре и искусстве.

И я хочу надеяться, что именно тогда, наконец, здесь наступит эра бесплатных ....туалетов!

НИДЖАТ МАМЕДОВ

Поздравляем нашего постоянного автора, поэта, эссеиста и переводчика Ниджата Мамедова с включением его эссе «Струение» в переводе на английский в престижную антологию *Best European Fiction 2016*, изданную столь самобытным издательством как *Dalkey Archive Press* (США; Ирландия; Англия), специализирующемся на публикации и переиздании маргинальных и авангардных работ со значительным креном в модерн и постмодерн.

В интервью международному журналу *Asymptote*, посвященному литературному переводу, помощник редактора *Dalkey Archive Press* Натаниэль Дэвис – доктор сравнительного литературоведения в Университете штата Пенсильвания, – на вопрос интервьюера: «Какие работы из ранее недостаточно представленных регионов, диалектов, или литературных традиций вызвали в Вас особый энтузиазм?», ответил следующим образом: «Это первое издание *Best European Fiction*, включающее в себя Азербайджан. Мы не получали никаких предложений от Азербайджана, но я связался с тамошним Союзом Писателей, и они отправили мне произведения трех авторов в переводе на английский язык. Среди присланных работ я выделил вещь молодого писателя из Баку по имени Ниджат Мамедов, которая представляла собой невероятный вид экспериментальной философской стихопрозы в традициях Гертруды Стайн, Роберта Крили, или Аркадия Драгомощенко. Прочитав Мамедова, я немедленно осознал, что его работа должна войти в *BEF*. Для меня данная антология на самом деле является поиском вдохновляющих и инновационных методик письма, поступающих из различных уголков Европы, мимо которых проходят даже активные читатели «мировой литературы».

Непрерывность II

1.

Читай дальше...

**Когда начал писать, все призраки исчезли,
исчезли все признаки
и подписал «You».**

**Вдох. Выдох.
Владеть миром, не присваивая его. Присутствовать.
Вход. Выход.**

**Пока взгляд упирается в небо,
постигая секреты орнитологии:
птичий щебет, полет дрозда, Мессиана царство;
пока язык упирается в небо,
и рана прикасается к ране,
Твое разворачивание непрерывно – **Ya Qeyb!** – Исповедник боли.**

Черта рта, возглас глаз, кров откровения.

2.

Около двух минут назад,
прежде чем записать эти слова,
я налил себе чаю и зажег сигарету.
Пар от чая мешается с сигаретным дымом,
бесплотный танец устремляется вверх,
истаивая над головой.
За окном пролетела птица, чья тень
попала в сеть слов.
Что меняется, пока набираешь строку?
Что-то меняется, когда набираешь строку.
Вернуться ли в реальную реальность:
отойти от экрана (Windows), отпить глоток, затануться,
выглянуть в окно?
Пролетела еще одна.
Падение взгляда в совпадение крыльев
рассыпается на звонкие монеты немоты.

Нет никаких препятствий для того, чтобы счесть написанное выше стихотворением.

3.

Не все сочетания еще исчерпаны
Многие испорчены

Но любовь диктует повторение
Это напоминает дыхание

Поверхность языка прикасается
К раковине сомкнутых губ

Перевод из пространства на плоскость
Обглоданная кость

Тело для жертвы
Как лето для жатвы

Вид сверху. Проигрыш

4.

Цветение миндаля в феврале
и движение облаков.
Движение сознания, в котором движутся облака,
пальцев, перегоняющих воздушные массы
в каплю грамматики.
Трепетание цветка напоминает о
мысли Бейтсона об огромной мысли, вошедшей в цветок.
Ни радости, ни скорби: сад погружен в спокойствие.
Мягкий свет его освящает. Сердце бьется ровнее, а знаки

мерцают, мерцают и гаснут.
Как будто весь мир состоит из дыхания
и ветвящихся трещин языка,
повторяющих всё это до тех пор,
пока это не превратится в эхо.

5.

Щелкни пальцами и всё изменится
Рухнут стены и тени
Быт превратится в «быть»
Превращение застынет во вращении
Я обернусь тобой

6.

Ты обна(ру)жила себя
в поле моего зрения.
У тебя ступни Гаутамы, мой рот
совершил вокруг них оборот.
Дважды в тебя не войти
как в течение чтения,
как в первый стих второй суры.
Поцелуй принесет исцеление, цельность,
опустошит мое сердце, переполненное знанием.
Узор становится всё сложнее и тоньше, но достаточно
стереть его одним движением кисти. Скольжение значений.
Скольжение иглы сознания, игры случая по вмятинам памяти,
что глубиной в твою пропитанную потом тайну,
где мы зазвучим сросшимися голосами:
к чему числа, раз всё Едино?
К чему буквы, если Имя Твое не изречь?

7.

Памяти Дж.С., моего деда

Ты закрываешь глаза, позволяя миру отдохнуть от яда
человеческого взгляда,
становясь разгадкой сна,
от которого нет пробуждения.
Утрата в 11:30 утра и птица парит в небе – пернатый крест;
ни спуска, ни восхождения.
У постели читают строго Йасин
и душа покидает тело, как пламя спичку.
Смерть – это когда ты повсюду
(я ставлю тире, вычитывая из вычитания
весь сок объяснения).
Смерть – циферблат без стрелок и цифр,
пустая глазница Вселенной, солнечный шифр.

Смерть – это писать о ветре, читающем листву,
которая переводит воздух.
Ветвление длится даже сейчас, как и прежде,
когда ты давал деревьям в своем саду
напиться вдоволь воды из колодца.
Теперь ты стал космосом, стал корнями,
будучи ими всегда.

8.

Начать можно откуда угодно
лучи сойдутся в том слове,
что раньше встречалось в тексте не раз и не два
ну а потом мы вроде бы дорастаем до иронии

но смерть за покровом шепчет:
будь безмолвным как Книга
или рассейся как
один из способов прочтения
стань тенью, эхом, пеплом страниц, зеркалами

Как продлить нашу невинность?
Закрывать глаза на слепящее знание? Закрывать глаза и смотреть
яркие сны, юркие
словно ящерицы на могильных плитах
неуловимые как обратный дождь

9.

.....Ты.....
.....неспешно совлечь обличья...и лечь....
.....

Наши тела трутся друг об друга, трудятся
в надежде высечь искру,
способную осветить весь мрак этой ночи,
сделать ночь короче.
Потом нагие молчим, изымая зычность из языка,
как нищие за трапезой.
Мы лодка без днища и река,
чье устье выше истока.
Взбираясь, страдаем, ибо страданье для потока –
сокращенье пути,
который нужно пройти
к наготе неизреченного,
пребывающего без всякого «почему».
И пусть наше молчанье точно иероглиф «МУ»
растворится в альфе и бете,
пыльных книгах, солнечном свете,
в той вести, что разносит ветер.

10.

Древние лица в утробных водах,
лица в безымянной глубине колодца, задавленного тяжелым камнем,
огромным, как гром,
а мы, мы тоже ходим взаперти под открытым небом.

Мы ждем человека «в белом», который назовется «Алфавитом»,
и скажет: «Вы убиваете свой народ.
Возвращайтесь обратно с пустыми руками,
пока облака не стали на два тона темнее».

Где та песня, что сплотит нас?
И кто все еще верит в возможность истории быть рассказанной?
Ведь мы полость для полноты
и Теорема гласит: я + Ты = Ты

Система же настаивает: «Извините, того, что Вы ищете, не существует»,
и продолжает с одним «но» –
«Действие не может быть отменено»,
будто играет в трик-трак.

Угасание/вспышка. Мерцающий мрак.

11.

«Две затяжки и я уже дома.
Давно, это не значит – далеко.
Умиравшая роза, сквозящее пустотой окно, абрис лица
вписаны в сердце повседневности.
Лишь имя скрепляет меня со мной,
ибо избрал я кочевье, протяженность мира, как непрерывность
своего и твоего отсутствия.
Я избрал не племя, а пламя, шествие в ночи,
я отбросил времени бремя и нашел ключи,
и навстречу мне расцвели лучи».

Археолог утра обнаруживает революцию:
бунт против знаковых систем – Письмо, что предшествует речи,
Письмо, где повествуется о стремящемся к бесконечности движении двух
фигур –
тех, кто сталкивается с выбором между возвращением и отказом от него.
Предпочли они край света. Перечеркнуто. Рай Света.

12.

Ульви Данну

«Думал, спущусь на одну ступень и стану
ближе к цели. Так я спустился с вершины гор

в поисках того, кто примирит меня с собой.
Шел я долго, терпя голод, жажду и зной,
подошвы целовались с землёй,
оставил за спиной города,
росла и росла моя борода,
отросла борода и спутались волосы,
я стал песчинкой в бархане в ожидании Голоса».

«Смой с себя следы странствий,
сядь в тени дерева, назови свое имя, преломи со мной хлеб,
выпей студеной воды и съешь шесть фиников.
Видишь, вокруг пустыня?
Одна лишь пустыня вокруг и, значит,
Спрашиваемый сведущ не более Спрашивающего.
Но прислушайся и ты непременно услышишь
тёмное воркование крови
от опрокинутого в первобытность крика до молчаливой молитвы».

13.

Правила форума:
Вы не можете создавать новые темы,
Вы не можете редактировать свои сообщения

[стихотворение не начато, оно продолжено]

Не практика, а опыт создания беспорядка
неотличимой от смерти свободы,
освобождающей вещи от тяжести несобственных значений
правильным движением кисти,
напоминающей смоковницы листья.
Так глина, обратившаяся в прах, хранит отпечатки пальцев.
Так дуновение, странствующее в мирах, оберегает скитальцев.
Дважды священный ужас, движение вспять в «спать»,
в средоточие Тьмы, мыслящей Светом.
Тьма дарит забвение, ужас дарит прорыв,
где встречаешь Иное,
впадая в исступленье молитвы, что кажется бредом.
Но все пути прощают бредущих, прощают изгоев.

[стихотворение не окончено, оно оставлено в покое.
Ассоциации сталкиваются и тонут в потоке собственных смыслов.
100% = 0]

14.

Каждую встречаешь дважды. У тебя другое тело,
но те же тайны. У тебя смех и губы –
переносные уста мира и мифа.
А еще улыбка и цветок в волосах.
Значит, мое обучение еще не закончилось?

Ты – ось,
позволяющая нанизывать вокруг себя мою самость,
раз(ыг)рывающую своим танцем
хоровод теней, когда при длительном восприятии
фон и фигура меняются местами
и мыслишь отныне не фигуру, а фон:
возвращение, растворение в фана.
После твоих беззвучных вопросов
я взвешиваю буквы в Ночном чтении
и слова уходят. Остается то, что за ними,
безъязычные зоны, зоны. Остается отсвет:
это сверкают драхмы дхарм. Что, вероятно, и есть ответ.

15.

Теймуру Маликову

Вначале не было имен и всякий был всем.
Затем вопль заполнил цезуру в биении пульса всего бытия.
Вопль заполнил нутро мира.
И было утро мира.
Но Ты состоял из темноты
и голоса. Я – из праха и страха.
Под долгой синевой вечернего неба
я внимательно разглядывал пейзаж, надеясь
отыскать в этой пустоте хоть какой-то знак:
искры костра, угасшее солнце, гул океана.
Рот – первая рана –
сдерживал крик и крик стал словом,
слово стало кровью и кровом
и так я познал Имя Твое.
Теперь настала ночь мира,
но не устанут уста
повторять перво-Имя,
которое сейчас не помнят даже словари.
Сотвори меня заново,
отвори мне сердце и в нем гори!

16.

«И вряд ли жизнь – это «всё».
Когда огонь раздвигает ночь,
женщина отдается мужчине, мужчина же влюблен в одну только смерть.
А смерть любит всех без разбору. Но семя по-прежнему истекает в лоно,
как млечный путь над головой», –
считает наблюдатель, стараясь удержаться
между памятью и воображением.
«Вряд ли эта мысль возвела меня в ранг свидетеля, – думает он.
– Ведь я выброшен наружу из стихии,
ибо вклинивался в нее острыми краями непосвященности,
ибо скорее угадываю, чем по-настоящему вижу,

живя с приглушенным внешним миром,
чужой самому себе, в тоске по первоисточнику,
алча истинного путешествия, безвозвратного».
Тем временем падает с дерева лист, проплывает одинокое облако,
ворона с тщательной пристальностью выбирает ветку.
Тогда имярек напоследок решает: «Но в моей голове и комнате
идеальный порядок – предсмертный», – именно так, в кавычках.
Он, бросивший стаю, не может собрать точную картину,
а тоска лишь усиливается.
И вдруг он слышит этот зов. Вдали. Что-то смутно знакомое. И оно прибли-
жается.

17.

Анару Мамедову

Уже не собрать всей пыли...
Мои глаза и пальцы остыли.
Тебя больше в этой пыли, чем в мечети,
Тебя не поймать ни в какие сети.
Лишь сумасшедшие, птицы и дети
водят знакомство с Тобой.
Разве я убежал слишком далеко, чтобы вернуться домой?
Укрой мое сердце чьей-то рукой,
неважно чьей, ничего, что человеческой.
Говорят, это лечит.
Обрати в чет мой нечет.
Куда бы я ни обернулся – там
будешь только Ты да я сам.
Я молюсь и танцую в забвенье,
ибо слышу каждой пылинки пенье.
А Ты улыбаешься из каждых прорех,
и эта улыбка отменяет грех.
Я вращаюсь, вращаюсь! Всё вокруг свято!
Улыбнуться хочу в ответ, но нет. Уже снято.

18.

33 года. Захлопывается капкан.
Никаких желаний, влечений.
Мягкое бессилье, ускоряющееся угасание.
Я кончаюсь и не могу более греть себя и других.
Пора собирать манатки и валить отсюда. В подражание назарянину?
Что я оставлю после? Возможно, внимание.
Внимание не столько к вашим словам, о, любимые!,
сколько к тембру голоса, модуляциям смеха и мимики:
«этакий неудавшийся Авалокитесвара», – скажете вы.
Безумный отшельник потерял силу. Он повесится и всем наступит мир.
Пьеса окончена, сюжет исчерпан. Пустые страницы без тех стихов,
которые я еще мог бы продолжать писать, пусть станут моей могилой.
Типа, актер и сцена едины; нет актера – сцена пуста.

**Женщина под номером пять возвращает меня вспять, к пробуждению.
Ее имя переводится с арабского как «Свет во тьме», «Сияние».
Вот начало рассвета, смена направления, преодоление страха.
Главное – не заблудиться. Идти. Всё прямо и прямо.**

19.

для Л.М.

**Сумасшедше красивая, но сумасшедшая девочка.
Моя милая, мягкая полуцелочка.**

**Мы вышли друг на друга без труда,
без лишних вопросов «кто ты?», «откуда?», «куда?»,**

**так как Вселенная работает по принципу голограммы,
чтобы я мог целовать голые граммы**

**твоих сосков, ушных мочек и прочих точек,
чтобы ты рожала мне мрачных принцесс, непонятных дочек,**

**которые будут расстреливать своих кукол,
уткнув их передом в паутиный угол.**

**Нас проблеснуло, мы отшвырнули личины.
Мы попрали законы следствий, причины.**

**Мало ли, много ли могу тебе дать?
Только любовь, стряпню да кровать.**

**Тотально честная потеряшка!
Жмешься ко мне, точно к бомжу дворняжка.**

**Спи спокойно, моя странная девочка, спи.
Я снимаю пред тобою очки.**

20.

**Здесь не будет ни одного аргумента по принципу «Ибо сказано».
Распроставшись с «Я», освобождаешься от попыток
обездвижить себя в ловушке слов и снов.**

**Существуют вопросы, ответы на которые неизбежно бинарны.
Но имеется такое состояние вне языка,
где «да» и «нет» образуют единство.**

Это и есть великолепие в нищете.

**Высказыванию «ты поэт, и поэтому с тобой всё ясно»
отказано во всеохватности.**

**Самоидентификация, исходящая от человека,
всегда будет неполноценной. Все вещи и люди равны.**

**Шакьямуни равен муравью, муравей равен облаку, облако твоему облику.
Чтобы окончательно постичь и достичь себя необходимо умереть.**

Смерть, помысленная как распад, есть

тотальная сложность. Пожалуй, лишь сложность вбирает в себя истинность и ложность. До смерти стихотворение служит местом, где можно прикоснуться к Отсутствию. Единственная эволюция в поэзии – всё большее осваивание безграничной территории Шума. Предельное расширение приводит к изначальной незамутненности. Правил нет, либо они меняются с каждой секундой. Misreadings – как двигатель эволюции.

Хотя я не лингвистический оптимист, не думаю, что словами можно выразить всё, что угодно. Иначе не было бы музыки, поцелуев и петляющих ласк.

Слова сами свидетельствуют о собственной недостаточности.

Не тоской ли о возвращении к Природе пронизан этот текст?

Когда ты мал, весь мир кажется тебе целостным состоянием, но не дай Бог ощутить себя центром мира. Все уже соотносено и взаимосвязано и нет

никаких разрозненных элементов, которые следовало бы соединить в единое целое.

В основном я торчу дома, вероятно, потому что здесь действует закон перспективы: чем дальше продвинулся, тем меньше тебя видно.

Движешься от глупости к глубости. К тому же писатель не вписывается ни в одну компанию. Да и выходить на улицу слишком дорого.

Но выпить кофе, бывает, хожу. И уже не один.

ПЯТЬ ПИСЕМ В КАЧЕСТВЕ КОММЕНТАРИЯ К ЦИКЛУ «НЕПРЕРЫВНОСТЬ II»

20 ноября, 17:33 От: anatology barzakh

Кому: Ниджат Мамедов

Добрый день, Ниджат.

Я прочел Ваши стихи (не могу сказать, что с полным погружением – увы, общая задерганность не больно этому способствует). Тем не менее, мне кажется, что в них есть нечто, такового погружения заслуживающее.

Что первое бросается в глаза: умение и склонность к работе со звуком. Нынешняя поэзия как-то об этом забывает. Иногда – просто замечательно ("это ... эхо"), иногда тривиально ("вдох, выдох ... вход, выход"), но и это работает. Жаль, что ближе к концу эта работа незаметно сходит на нет, не позволяя тем самым созреть "приему". Продолжение своего рода есть – это спорадическая, но массивная рифмовка. Первая реакция – отторжение. Дело в том, что характер рифмовки – смежная – вкупе с ритмической картиной мгновенно порождает ассоциацию ... с раешником. А раешник – это нечто априори "несерьезное", смеховое, карнавальное. В то время как речь идет о вещах куда как серьезных. Но, возможно, это-то и есть чуть ли не самое интересное. Когда выясняется, что здесь не просто "авторская глухота", а последовательно проводимая позиция, такой острый диссонанс становится продуктивен. (Нет, я все же не уверен в этом – но сама манифестация риска и сознательного (?) пребывания на грани провала уже, может быть, "оправдывает" неизбежные потери). Удачной мне кажется (не всегда, но тем не менее) и вызывающая "нерегулярность" этой "регулярности": рифмовка так же спонтанно возникает, как и исчезает, может переместиться внутрь строки (вообще можно было бы использовать паронимию активнее). То, что я отметил в самом начале – работа со

звук – оказывается частью некоей общей стратегии, это как бы та же, только редуцированная рифмовка. Когда рифмовка идет сплошь, захватывает все стихотворение – это мне кажется менее интересным. Хотя для проявления многообразия и это, может быть, не мешает. Ведь раешный диссонанс все равно остается. Кое-где, правда, "раешник" (это, разумеется, весьма условное обозначение) утягивает текст в иронию, диссонанс уничтожая. Но и это в конце концов может быть оправдано: как свидетельство поражения, без которого ничего настоящего и не бывает.

Я думаю, если поточнее продумать и проработать рисунок "появления-исчезновения" рифмовки, ее сопряжения-диссонирования – может получится небезынтересно.

Вы уж извините меня, что пишу я не о "сути", а о какой-то частности. Но, как Вы, может быть, заметили, я просто иначе не умею.

Из более частных замечаний: кое-где есть опасность банальности. Скажем, "трепетные ласки" никуда не годятся.

И мне немного не хватает культурного контекста. Того, что зовется "интертекстуальностью". Тем более, что у Вас есть не только возможности, но уже и (удачные, работающие) подступы к этому (особенно, что касается неких исламских рефлексов).

Анатолий Барзах

27 ноября, 17:28

От: Ниджат Мамедов

Кому: anatoly barzakh

Дорогой Анатолий Ефимович, благодарю за время и усилия, отведенные на чтение моих стихов и предположение, что эти стихи заслуживают хоть какого-то погружения в них.

Да, работать со звуком я люблю. Я больше аудиал, чем визуал, больше иудей, чем эллин. Еще в филфаковские годы игра на гитаре занимала меня больше, чем просеивание тонн словесной руды.

А может, это и хорошо, что «прием» не созрел, оставляя пространство формы открытой?

Безусловно, я отдавал себе отчет, что для русскоязычного (сл)уха подобная парная рифмовка и плавающий ритм отдадут раешником. Но в данном случае необходимо учитывать мою билингвальность, азербайджаноязычность наряду с русскоязычностью. Так вот, почти вся классическая азербайджанская поэзия (Низами, Насими, Физули) и далее – почти вся классическая восточная поэзия (Аттар, Руми) писалась бейтами (аа, бб, сс) и в размере «аруз» (не силлабика и силлаботоника, а квантитативная система стихосложения, основанная на чередовании долгих и кратких слогов. Хотя в тюркских языках гласные не различаются по долготе. Но Низами писал на фарси, а Насими и Физули как бы сразу на трех языках: тюркском, фарси и арабском. Современный азербайджанский язык почти наполовину состоит из персидских и арабских слов).

Возможно, именно этот «зов крови», «зов предков» и сказался на моем предпочтении подобной рифмовки и метроритма. Из западных авторов вспоминается Оден, который тоже говорил о вещах куда как серьезных «детской» рифмой и ритмом. Из современников – Майкл Палмер, пишущий "холостыми", нерифмованными двустушиями.

Спасибо! Я обязательно подумаю об этих мерцающих формальных носителях стиха, призванных отобразить столь же мерцающий смысл – «миметический стиль» (Джойс).

Да, банальность иногда присутствует. Но я давно перестал ее бояться. После того, как понял, что банальные высказывания и фразы обладают мощной нуминозностью, хотя «для того, чтобы банальное раскрыло свой секрет, оно сначала должно быть мифологизировано» (Жан-Жак Рансьер). Может, пространство стиха и является такой ареной мифологизации, где банальные «трепетные ласки» обретают свою первоизданную чистоту? Во всяком случае, мне

хотелось бы на это надеяться.

Что касается интертекстуальности, она в этом цикле сознательно мной сокращена, так как «Непрерывность I» и вообще сборник «Место встречи повсюду», вышедший в 2013 году в «Русском Гулливере», были этой интертекстуальностью перегружены. Хотя аллюзий, реминисценций и незакавыченных цитат полно и в «Непрерывности II», только они здесь «утопленные», неявные. Например, это может быть какая-нибудь фраза со 175 страницы романа Кормака Маккарти «Кровавый меридиан», вышедшего в 1985 году и переведенного на русский в 2012-ом. Или же стихотворение целиком (например, № 9) может представлять собой парафраз сразу нескольких проповедей и рассуждений Мейстера Экхарта.

Еще раз искренне благодарю Вас за интерес к моим стихам. Рассчитываю посетить в следующем году Петербург и, конечно же, непременно встретиться с Вами, чтобы пообщаться к чему-то очень нужному.

С поклоном –
Ваш Ниджат

28 ноября, 10:48 От: anatology barzakh
Кому: Ниджат Мамедов

Добрый день, Ниджат.

Ваше напоминание о "бейтах" делает весь "прием" невероятно значимым и интересным. Беда в том, что при чтении этот аспект исчезает напрочь. Он может быть лишь "домыслен", "вчитан". А это значит, что его и нет. Мне кажется, что если бы в тексте несколько четче прочитывался бы данный намек, все стало бы неизмеримо глубже. Как это сделать – ненавязчиво, "не топорно" – не знаю, надо пробовать. Поскольку стихи русские, возможно, помогло бы, если бы несколько раз были бы использованы русские переводческие паттерны для передачи того же Низами или Руми. Неважно, что они могут быть далеки от адекватности – цель: оживить данную ассоциацию у читателя, наверняка знакомого с данной традицией. Там немного иной размер, строка длиннее и т.д. Раешник (и Ваш в том числе) использует т.н. акцентный стих, в "восточных" переводах стих регулярен. В общем, что-то в этом роде, опознаваемое, как нечто мерцающее. Задача не из легких: не сделать это грубо, но и не запрятать так, что не найдешь.

Насчет "банальности" – не могу согласиться. Это вновь ловушка домысливания. Придумать "оправдание" чему угодно не так уж сложно. "Феноменологически", т.е. при непосредственном чтении, это все равно режет слух и никакие "идеи" не помогают. Да и "идеи" эти не столь очевидны (в поэзии, а не в философии). Для меня рансеровская "мифологизированная банальность" – это своего рода "банальность в квадрате". Настоящий миф как (супер)общее достояние сам в себе несет стигматы банальности, а тут еще и "материал" тривиален. Мифологизация в поэзии – зачастую попытка "жить за счет иного". Современные поэты, увы, "чересчур образованы" (а критики и того хуже) и могут окружить любую беспомощность немыслимым глубокомыслием, начитавшись Хайдеггера или Деррида, которые (при всем перед ними пиететом) поэзию не понимали. Конечно, это лишь мое отношение, весьма далекое от "мэйнстрима". И, скорее всего, даже "вредное", как всякая позиция "аутсайдера".

Анатолий Барзах

20 ноября, 13:10 От: Sonya Seyrios
Кому: Ниджат Мамедов

Ниджат, здравствуйте!

Рада, что Вы в порядке и даже выбираетесь пить кофе :) мы с Фикретом Чингизовичем все собираемся встретиться, но еще ни разу не получилось. Я начала преподавать, и на студентов сейчас уходит почти все время. Кстати, о ФЧ. Он дал мне почитать статью Сорокиной об азербайджанских поэтах. Мои поздравления! Даже при той "академичности", с которой Вера Владимировна подошла к написанию, это все же прецедент.

Проглотить Ваши стихи быстро было бы несправедливо по отношению к Вам, поэтому я читала честно, останавливаясь и осваивая. Ниджат, Вы не поверите, но в тот день, когда Вы их прислали, мы как раз говорили с преподавательницей азербайджанской литературы Фатимой Дурсуновой о суфизме, говорили часа два, и я уже не вспомню, что было раньше – Ваш текст или эта беседа, – но впечатление, как Вы понимаете, было невероятное. Конечно, до чертиков приятно внезапно получить такое письмо, Вы оказываете мне честь. Но я боюсь, что не вполне компетентна высказываться. Если Вы не против, я бы показала эти стихи ФД, может быть, ей будет что сказать, это ее тема.

Первая остановка у меня произошла в тексте на шестом... Вы ушли от Бродского не в свободное плавание, а в философию, которая вряд ли Вас скоро отпустит. Суфийские сюжеты и мотивы оказались очень живучи, правда? Вся мировая литература стоит на них. С другой стороны, их присутствие автоматически вписывает Вас в традиции тысячелетней давности и ощущается как порода (Вы не случайно так последовательны в своей философии?). Ваш лирический герой – личность очень откровенная, но все-таки циник, хищник, не полностью закутавшийся в овечью шкуру. Я улавливаю это интуитивно и ничего не могу с собой поделать. На поверхности – тоска одиночества, невыраженный призыв о помощи, поиск чего-то, как у тонущего человека. А если вчитаться, эмоциональная составляющая и те словарные смыслы, из которых выстроен текст, друг другу противоречат. Ведь оказывается, ЛГ ничего и не ищет, и не хочет, и одиночество выбирает сам, и ему все это как будто бы даже нравится. Вообще все тексты выстраиваются в один законченный автопортрет, и многое вступает в резонанс. Есть образы, которые бьют наотмашь: "рот-рана", "слово стало кровью"... В целом, в тексте много слишком человеческого, и от этого больно. Он производит впечатление чего-то очень законченного (несмотря на свой формат), после него не о чем даже жить.

Я читала – и что-то во мне кричало. Попробую сформулировать так: Вы создаете сильный источник мыслемформ, Вы заставляете задуматься, но как-то в пределах собственных возможностей читателя. Так вот, я вчитываюсь – и чувствую, как создается новый опыт, новые ощущения, новые мысли, и знаете, все это делает нас более одинокими. Нет, конечно, невозможно отказаться от книг, от слов, от развития, но каждый новый текст отдаляет нас от всех и вся. Если опыт толпы – это точки пересечения множества судеб, то для человека на описанном Вами уровне есть только один путь – прямой, параллельный другим прямым. Это еще одна причина, почему Вы лукавите, притворяясь искателем, а на самом деле не нуждаетесь ни в чем. Почему в этих стихах столько чувственности – и ни слова о любви.

Я помню Ваши слова о смерти, Ниджат. И надеюсь, что для Вас это всего лишь символ. "Женщина под номером пять" подает такую надежду.

А расскажите, что Вы думаете о том, что думаю я? :)

Не стесняйтесь сказать прямо, если я вышла за границы дозволенного. Я все еще под впечатлением от текста.

Берегите себя!

Доброго дня,

Соня

25 ноября, 17:46 От: Ниджат Мамедов

Кому: Sonya Seyrios

Милая Соня, большое спасибо за столь пространное и теплое письмо!

Что я думаю о том, что думаете Вы?)) Может прийти третий и подумать о том, что думаю я о Вашем думании. Окончательный метауровень невозможен. Привет Ролану Барту.

Рад, что Вы начали преподавать. Значит, всегда будете в форме: внешне и внутренне.

Честно говоря, статья Сорокиной слегка напомнила мне взгляд астигматика поверх пенсне, что приводит к размытой картине. Хотя, господи, за что ее упрекать? Можно подумать, будто русскоязычная литература Азербайджана кишмя-кишит талантами и особенно отличается изгибом письма.

Почти одновременно получение моих текстов и беседа о суфизме с преподавателем? Сингулярность, наверное. Или синхроничность по Юнгу?

Это Вы оказываете мне честь, читая мои стихи с чувством, толком и расстановкой. Ничего не бойтесь, Вы вполне компетентны: писать, читать и высказываться о стихах имеют право все. Я не против, можете показать мои тексты ФД и т.д.

На Ваши слова об уходе в философию, которая вряд ли меня скоро отпустит, я отвечу тремя цитатами: «Философия есть теория поэзии» (Новалис); «Философию, собственно, следовало бы писать лишь поэтически» (Витгенштейн); «Философия, в сущности, есть филология, глубокое, творческое исследование слова» (Бруно Шульц).

В суфизм я сознательно не вписывался и имею о нем весьма поверхностно-книжное представление, хотя, помнится, предварительно остригшись наголо и надев зеленую шерстяную водолазку бродил как-то по бакинским селам за Солнцем в течении девяти часов, ища примирения с собой. Лишь недавно я узнал, что суфии в древности, выходя на путь, брили наголо: волосы, бороду, ресницы, брови и т.д. Возможно, тут меня может оправдать слово «порода», иначе – генетика, иначе – зов крови. Мой дед по отцу родом из Ирана, Ардебилля. А этот город, после того, как шейх Сафи – дед шаха Исмаила Хатаи, обратился из суннизма в шиизм и основал суфийский орден Сафавийя, полностью облекся в белые ризы духовности.)

Наверно, Вы обратили внимание, что в тех моих стихах, где присутствуют суфийско-исламские аллюзии, почти всегда сосуществуют иудео-христианские и буддийские реминисценции, а порой и шаманистические (кстати, альтернативно-ритуальным маркером шизофрении является обозначение «шаманская болезнь», а у буддистов «дзэнская болезнь»):

«ступни Гаутамы» (№ 6, Будда Шакьямуни прежде, чем достичь нирваны, звался Сидхартхой Гаутамой)

«Узор становится всё сложнее и тоньше, но достаточно / стереть его одним движением кисти» (№ 6, аллюзия на создание ритуальной песчаной мандалы тибетскими монахами. На создание этого красивейшего и сложнейшего не произведения искусства, а ритуального элемента порой уходит множество дней. Но тотчас по завершении труда мандала стирается движением кисти)

«птица парит в небе – пернатый крест» (№ 7, дед умер ровно в 11:30. Расположение стрелок на циферблате в это время напоминает крылья парящей птицы. Плюс аллюзия на турецкую поговорку "Can kuşu üstü", которую произносят во время чьей-либо кончины. Буквальную визуализацию этой метафоры Вы можете увидеть в фильме Параджанова «Ашик-Кериб». Да и вообще во множестве культур душа сравнивается с птицей)

«И пусть наше молчанье точно иероглиф «МУ» / растворится в альфе и бете» (№ 9, иероглиф «МУ» означает «Пустота», код многих коанов. Посмотрите фильм Вима Вендерса «Токио-га» – оммаж памяти Ясидзирю Одзу. Вендерс посещает могилу великого режиссера, работами которого всегда вдохновлялся, и видит на надгробии не его имя, а лишь один иероглиф «МУ». Альфа с бетой – это естественно алфавит, но также Христос: «Я есмь Альфа и Омега»)

«Мы ждем человека «в белом», который назовется «Алфавитом» (№ 10, опять же Христос)

«Письмо, что предшествует речи» (№ 11, имеется ввиду Лаух аль-Махфуз, Хранимая скрижаль, согласно Корану, это первоисточник всех священных писаний, на котором записаны все прошлые и будущие события. Хранимая скрижаль олицетворяет Божественное зна-

ние и неразрывно связано с Божественным предопределением. Нечто вроде мира идей Платона или Плеромы гностиков и неоплатоников, а далее Юнга. Плюс аллюзии на Деррида (приоритет письма над фоно-логоцентризмом) и американскую поэтическую школу Language School, первая декларация направления звучала так — “Я ненавижу устную речь”. Видели фильм Кубрика «Космическая одиссея 2001 года»? Там в начале в общину обезьян спускается с неба такой вот монолит абсолютно чёрного цвета, не поддающийся воздействию любых инструментов или излучений).

«А еще улыбка и цветок в волосах. / Значит, мое обучение еще не закончилось?» (№ 14, аллюзия на возникновение учения дзэн, когда вместо проповеди Будда просто улыбался ученикам, держа в руке цветок лотоса. Лишь Махакашьяпа улыбнулся ему в ответ и Будда передал ему состояние пробуждения в цветке лотоса без каких-либо слов и текстов, тем самым основав традицию дзэн в форме прямой передачи учения «от сердца к сердцу». Кроме того, я держал перед мысленным взором фотографию своей бывшей девушки-хохотушки и любительницы селфи с цветками в каштановых волосах)

«драхмы дхарм» (№ 14, здесь всё понятно: анаграмма – один из древнейших приемов. Дхармы – в буддизме элементарные психофизические частицы бытия. Они постоянно меняются и меняют нас, что именуется кшаникавадой. Дхармы я ассоциирую с квантами и ризомой)

«Но семья по-прежнему истекает в лоно, / как млечный путь над головой» (№ 16, тут видимо прорезалось нечто шаманское. Млечный путь турки называют *Saman yolu* (Соломенный путь), но я убежден, что древним и верным названием является *Şaman yolu* – Путь шамана, тем более учитывая доисламский шаманизм тюркских племен. Млечный путь напоминает опрокинутое дерево. У шаманов существует традиция взбираться или опускаться по этому Древу в поисках ответа на вопросы или нахождения заблудшей души больного. Подробнее смотрите в прикрепленном файле о моих этимологических спекуляциях в связи с этими словами и делами. «Исправление имён» – одна из центральных концепций конфуцианской философии: «Цзы Лу спросил: «Вэйский правитель намеревается привлечь Вас к управлению государством. Что Вы сделаете прежде всего»? - Учитель ответил: «Необходимо начать с исправления имен».

«Мягкое бессилье, ускоряющееся угасание» (№ 18, слово «нирвана» дословно переводится как «угасание»)

«этакий неудавшийся Авалокитесвара» (№ 18, Авалокитесвара известен также как бодхисаттва Постигающий Звуки Мира. Чаще употребляется сокращённая форма имени – Постигающий Звуки Он являет собой олицетворение сострадания (“звуки мира” – голоса просящих о помощи). + я аудиал, больше и точнее воспринимаю мир через слух).

«Шакьямуни равен муравью, муравей равен облаку, облако твоему облику» (№ 20, тоже всё понятно. Это Будда. И каждое живое существо и даже облако обладает природой Будды).

Конечно, Вы понимаете, что я делаю всё это полубессознательно. Помните, как у Элиота в эпохальном эссе «Традиция и индивидуальный талант»? «Сознание поэта — поистине воспринимающее устройство, которое улавливает и хранит бесчисленные переживания, слова, фразы, образы, остающиеся в нем до той поры, пока частности, способные соединиться, создавая новую целостность, не окажутся совмещенными в нужной последовательности».

То есть, в моем случае речь идет не столько о суфизме, сколько о ВЕЧНОЙ ФИЛОСОФИИ – *Philosophia perennis* / Традиционализм / Спиритуализм. А это, да, очень живуче, на этом стоит не только вся мировая литература, но и сам мир. Идей-то всего три-четыре, всё остальное лишь словесность.

Да, я немного циник. Но циник – это слегка разочаровавшийся романтик. Сверху мягкий, а внутри процентов на 10-15 холоднее и тверже льда.

«В тексте много слишком человеческого»... Надеюсь, не в плохом смысле?) Не как обилие эмоций, от которых надо бежать хорошему поэту (опять Элиот). Вот я и убежал от эмоций, фиксируя момент побега.

Я вовсе не хотел заражать своего «читателя, брата, лицемерного двойника» (Бодлер) абшеронским сплином. Живите, Сонечка, живите красиво и безбольно. Я вот тоже, дописав цикл, обрел некоторую легкость. Если новый опыт делает Вас более одинокой, берите близких и родных и напрямую дауншифтите, предварительно сдав все книжки и диски букинистам. Я Вас понимаю, у меня уже самого отпадает потребность в чтении и письме. Не знаю, может, наблатькался: хорошее стихотворение я могу написать в любое время и в любом месте за пару минут. Человеку нужен человек – переправа на другой берег (гатэ, гатэ, парагатэ, парасамгатэ, бодхи, сваха), а книги – это легкая приправа.

Конечно, я не искатель и почти ни в чем не нуждаюсь. Всё уже найдено, всё обретено всеми, и мы везде и во всем успели. Говорю это без тени иронии. В махаяна-буддизме со времен Нагарджуны утвердилась мысль о тождественности сансары нирване.

Все чаньские школы опираются на следующие пять ключевых принципов:

Высшая Истина невыразима;
Духовное совершенствование невозможно;
В конечном счёте ничего не достигается;
В буддийском учении нет ничего особенного;
Чудесное Дао заключено везде, даже в «ремесле водоноса или лесоруба».

Вот и я эмигрирую в Канаду и стану лесорубом.))

«Почему в этих стихах столько чувственности – и ни слова о любви». А мне казалось, что эти стихи только о любви и говорят, только не используя это «слово, которое знают все» (Джойс). Погодите, Вы о какой любви? Греки, если не ошибаюсь, различали ровно четыре ее разновидности: «эрос», «филия», «сторге», «агапэ». В моем цикле присутствуют все четыре разновидности.

Забудьте мои слова о смерти и вообще забудьте о смерти. О смерти не думайте, Вам еще детей рожать надо. Если Вы имеете ввиду мою строку «Безумный отшельник потерял силу. Он повесится и всем наступит мир», то здесь речь идет о таротной символике. Повешенный на картах Таро, повешен за ногу и улыбается.

Улыбнитесь и Вы!

Ни за какие границы Вы не вышли, ибо нет никаких границ. Их создает омраченный разум – очередная ловушка в обретении простоты, когда моешь чашку после распития крепко заваренного чая. И даже если Вам кажется, что Вы вышли за какие-то границы, ничего страшного: я ценю и люблю трансгрессивность во многих ее проявлениях.

Будьте счастливы!
Ваш Н.

P.S. Прикрепляю к письму также свое селфи, снятое при недавнем возвращении из Гянджи в Баку. Я хотел бы назвать эту фотографию примерно так: «Когда мы оставляем солнце за спиной, оно всё ярче освещает нам лица».

P.P.S. ПРИКРЕПЛЕННЫЙ ФАЙЛ:
«Этимологические спекуляции»

Турки называют Млечный путь "Saman yolu" – букв. «соломенный путь». Согласно легенде по небу шла девушка с охапкой соломы в руке и по мере продвижения роняла соломинки, вот так и образовался Млечный путь. Но я уверен, что исконно Млечный путь должен

называться "Şaman yolu" – букв. «путь шамана». Тем более, учитывая, что Млечный путь напоминает дерево и что у шаманов существует практика посредством Мирового Дерева перемещаться между мирами. И тем более учитывая то, что верой древних тюрков являлся шаманизм. Санскритским словом «шрамана» («прилагающий усилия») называли странствующего монаха, аскета небрахманского происхождения, религиозного подвижника. Например, шраманами называли первых буддийских монахов. Будду Шакьямуни в молодости называли шраманой Гаутамой. Его учение, буддизм, считается самой древней на планете мировой религией. Хотя, можно ли считать буддизм религией? Ведь в нем отсутствует идея Бога – верховного существа, а сам Будда обходил этот вопрос мудрым молчанием. Буддизм, скорее, синтез психологии, философии (приоритет эпистемологии над метафизикой) и стиля жизни.

Тюрки-буддисты: гоктюрки, тюргеши, карлуки, караханиды, уйгуры (буддистов среди уйгуров можно было встретить приблизительно до XVII столетия), тувинцы.

А вот выдержка из статьи Александра Берзина «Введение в буддизм с точки зрения ислама»:

Ученый середины двадцатого столетия Хамид Абдул Кадир в своем труде «Великий Будда: его жизнь и философия» (араб. Budha al-Akbar Hayatoh wa Falsaftoh) утверждает, что пророк Зуль-Кифл – что значит «человек из Кифла», – дважды упомянутый в Коране (Аль-Анбийя 85 и Сад 48) как терпеливый и добродетельный, обозначает Будду Шакьямуни. Несмотря на то, что большинство ученых отождествляют Зуль-Кифла с пророком Иезекиилем, Кадир объясняет, что «Кифл» – это арабское прочтение слова «Капила» – сокращения от «Капила-васту». Он также говорит о том, что упомянутое в Коране фиговое дерево (Ат-Тин 1-5) также является ссылкой на Будду, поскольку Будда достиг просветления под фиговым деревом.

Некоторые ученые отождествляют предсказанного грядущего Будду Майтрею, Любящего или Милосердного, с пророком Мухаммадом, поскольку имя и того и другого связано с «Милосердным».

Şaman yolu – şaman yolu – шрамана – carmina (лат. «стихи», «песни») – шарм – харизма – карма

Крупнейший известный сборник поэзии вагантов, или голиардов, — средневековых странствующих поэтов назывался Carmina Burana. Название манускрипта на латыни означает «Песни Бойерна», так как оригинальный манускрипт сборника («Codex Buranus») был найден в 1803 году в бенедиктинском монастыре Бойерн (Beuern, лат. Buranum; ныне Бенедиктбойерн, Бавария). Рукопись составлена в Южной Германии в XIII веке и впервые опубликована в 1847 году И.А.Шмеллером, который и дал сборнику название Carmina Burana.

Слово «carmen» изначально означало чары, заклинания прорицателя или, как сказали бы сегодня, шамана, и только впоследствии глагол «carminare» начал означать сочинение стихов.

А вот строка из «Любовных элегий» Овидия: «Carmina morte carent». Что дословно переводится, как «стихи лишены смерти». И вправду лишены, ибо как писал трансценденталист Эмерсон в своем эссе «Поэт», «вся поэзия была создана еще до того, как началось время».

ТАТЬЯНА РУСТАМЛИ

*Посвящается всем Женщинам,
на которых наша Мать-Земля держится*

ПОЗВОЛЬ СЕБЕ БЫТЬ БОГИНЕЙ!

Обращение к Женщине

*Жаждешь свободы? Отпусти прежде на волю свою тень.
Следуй за ней, и, быть может, именно она приведет тебя к Свету.*

Ты привыкла чувствовать себя такой маленькой в этом огромном мире, такой беспомощной, такой незащищенной. Ты привыкла сопротивляться обстоятельствам, людям, самой жизни. Ты привыкла лгать себе и другим, притворяться той, кем не являешься. Ты привыкла жить, как положено, как заведено, как все. Ты привыкла изо дня в день подчиняться какой-то неведомой силе, которая заставляет тебя верить в то, что ты абсолютно свободна в своих словах и поступках, в своих мыслях, чувствах и грёзах. Ты движешься в бесконечном лабиринте часов и дней и не можешь ни остановиться, ни выйти из него.

Ты спишь, видишь сны и веришь в реальность своих снов. Иногда сон становится кошмаром. Увы! Только кошмар способен тебя пробудить... Но, пробудившись, ты вновь стараешься заснуть сном забвения. Это так больно и так печально.

Ты цепляешься за отношения, за деньги, за слова, за новые впечатления, но всё оказывается ложью, оставляя горький привкус утраты и разочарования. Тебя нет в настоящем, ты заблудилась в прошлом – ты вечная пленница воспоминаний, перевернутых страниц и заживо погребённых в тебе эмоций.

Замри! Вслушайся в тишину и взглядишь во тьму. Ну же! Войди в священный храм Самой Себя. Под его сводами ты обретёшь забытое и потерянное. Ты вернёшь назад навсегда утраченное Могущество. И тогда существование твоё обретёт смысл и величие. Жизнь перестанет быть повторяемой и предсказуемой. Стоит пожертвовать привычным – и из унылой, затхлой обыденности своего уютного мирка ты выйдешь в открытый космос Неведомого. Я готова стать твоей попутчицей.

***

Оглянись! Этот мир – большой ящик с игрушками, который был подарен тебе в счастливый час твоего Прихода. Поверь – он всецело принадлежит тебе. Владей им: бери любую понравившуюся игрушку и играй с ней во что пожелаешь. Не ломай, дорожи ею, но не привязывайся, не становись одержимой ею. И не слишком расстраивайся, если вдруг сломается или попадёт в чужие руки.

Получай удовольствие от самого процесса игры. Если очень попросят, поделись радостью и позволь поиграть другому. И смотри, не заиграйся. Не вступай в схватку с каждым, кто попытается отнять твоё сокровище. Помни: это всего лишь

игрушка. Не позволяй ни одной из них стать твоим проклятьем.

Загляни в заветный ящик – там ты непременно отыщешь замену и похищенному, и потерянному, и надоевшему. Играй! Когда-нибудь ты повзрослеешь – и этот мир с его игрушками утратит свою власть над тобой.

***

Всё самое лучшее и всё самое худшее приходит к тебе из детства: и сила, и бессилые, и любовь, и вера, и твоя уязвимость, и страхи, и горькие обиды, и пугающее одиночество, и нерасторжимое единство с миром, и даже сама мудрость – всё отсюда, из того заветного колодца, который иногда так необъяснимо и несправедливо быстро пересыхает или оказывается отравленным твоими собственными мыслями и словами.

Порою всего один спасительный глоток воспоминаний из его бездонной глубины, уходящей в прошлое, способен исцелить уставшее биться сердце измученной странницы и вернуть её к жизни.

***

Ты переживаешь столько эмоций: печаль, отвращение, гнев, ненависть, восторг, радость, возмущение, жалость, презрение, злость... Часто их вызывают люди, их слова и поступки, порой – события и обстоятельства. Этим людям и обстоятельствам ты отдаёшь своё внимание, а значит, силу, забывая о том, что они – всего лишь ключ, отпирающий тебя саму. Другой – это только повод и возможность заглянуть в себя и обнаружить там либо бесценное сокровище, либо забавную безделушку, а может быть, испуганного ребёнка или монстра, пожирающего тебя изнутри. Не отводи взгляда, и однажды за любым образом ты увидишь Богиню. Знай, Она – это настоящая ты.

***

Встань в полный рост, гордо расправь плечи, встряхни волосами и, упершись ногами в Землю, коснись рукою Неба – вот твоя высшая привилегия, Женщина! Ты заполняешь собою оба мира. И они оба принадлежат тебе. Это не дано даже Богам. Оцени величие и красоту этого дара. Вспомни, кто Ты есть!

***

Люди перестали доверять друг другу. Они не верят словам. Слово потеряло силу и сделалось ложью. Но чувства лгать не способны. Прислушайся к своим чувствам и к чувствам ближних и дальних твоих. И ты услышишь негромкий голос Истины. Истина в чувствах, а не в словах! Кому, как не тебе, знать об этом!

***

Ты приходишь в этот мир со страстным желанием расписать его красками своих мыслей и чувств. Обычно тебе без труда удаётся окрасить всё в безжизненные, тусклые тона. Иногда ты с бездумной щедростью расплёскиваешь вокруг целые реки все-

поглощающей черноты. Но случается, ты извлекаешь на свет столько ослепительно ярких красок, что весь мир внезапно вспыхивает волшебным радужным разноцветьем. Ты поистине великая Художница, а мир – твоё послушное полотно.

***

Почему даже на неприглядной помойке кошка, роющаяся в отбросах, так величественна и невозмутима, полна достоинства и грации? И почему женщина, оказавшаяся на обочине жизни, столь жалка и принижена? Кошка на грязной уличной свалке и на роскошном золотом троне во дворце – всегда остаётся самой собой – кошкой. Она не властна над своей природой.

Тебе же дано играть любую выбранную тобою роль – в этом твоя уникальная особенность и твоя грандиозность. Ты можешь пасть ниже животного, но и способна подняться выше Небес. Тебе подвластно всё! Ты величайшая Актриса!

***

Женщина! Научилась ли ты принимать зло? Признавать его право на существование, даже сражаясь с ним? Вместе с предательством ты отвергаешь верность. А отвергая печаль, отказываешься от радости. Они не существуют друг без друга, как две стороны твоей ладони, как две половины сердца. Лишенная гармонии Единства, жизнь утратила бы подлинность и полноту. Вечное лето... Без зимы... без весны... без осени... Если ты хороша, то кто-то непременно должен быть плох. И этот кто-то плох благодаря тебе. А ты хороша исключительно за его счёт. Вы в долгу друг у друга. И оплатить этот долг можно, только поменявшись ролями.

***

Ты покидаешь этот мир, полностью истощив его, растоптав и уничтожив свою жизнь, истратив все силы, дарованные тебе на радость, обезобразив своё прекрасное тело, исковеркав свои чувства, навсегда утратив веру в себя и в других и опустошив свою истерзанную душу.

Разве так ты должна возвращаться Туда, откуда пришла? Почему твой уход всегда так мучителен и трагичен? Почему, прощаясь с миром, ты не одаришь его Любовью и Красотой, благословив каждую травинку и каждую капельку росы на ней? Не оттого ли, что твоё сердце слишком мало, чтобы вместить Землю, по которой ты ступала, и забрать её с собой?

Если слишком долго притворяться, что живёшь, то можно в это поверить. Но стоит лишь однажды, заглянув за Грань, услышать властный зов Неведомого, как ты внезапно обнаружишь всю вымышленность и иллюзорность происходящего. Вихрь Тайны подхватит тебя и унесёт прочь из знакомого, обжитого мира причин и следствий Туда, где прошлое, настоящее и будущее сливаются в вечное здесь и сейчас.

***

Волшебство возможно только ночью, когда шумный и суетливый мир спит. Ты готова впустить его в себя? Оно приходит к нам не через дверь разума. Распахни шире окно своего сердца и позволь звёздной бездне поглотить тебя. Оттолкнись но-

гами от скоротечных земных забот и... взлети, устремившись душою в Вечность.

***

Ты забыла, кто ты, откуда и зачем пришла в этот созданный для тебя мир. Знай: ты – дверь в Неизвестное, и только тебе одной дано открыть эту дверь. Но что скрывается за ней, чтобы стремительно ворваться или незаметно проскользнуть в твою доселе знакомую и вполне упорядоченную жизнь? Готова ли ты принять это нечто и всё то, что принесёт оно с собой?

***

Ты тратишь всё отпущенное тебе на Земле время на борьбу с собой и с другими. Ты хитришь, лжёшь, изворачиваешься, напряжённо просчитываешь ходы и плетёшь интриги, угрожающе машешь кулаками и трусливо прячешь голову в песок. Ты сражаешься с Жизнью, а надо всего лишь научиться доверять ей.

***

Твоё самое главное заблуждение состоит в том, что ты покидаешь этот мир с пустыми руками. На самом деле ты оставляешь только то, что принадлежит миру. Всё остальное ты забираешь с собой.

***

Каждое утро ты возвращаешься из Вечности, но все её бесценные дары беспечно теряешь по дороге. Там ты встречаешься со Смертью, но после пробуждения делаешь вид, что с нею незнакома. Ты всю жизнь искусно притворяешься и убедительно лжёшь самой себе, что у тебя нет ничего, кроме этого привычного мира людей и предметов, умещающегося в твои пять органов чувств.

***

Иногда жизнь отнимает у тебя всё, чтобы ты, наконец, вспомнила о том, что принадлежит только тебе одной и чего не в силах отобрать у тебя даже смерть. Это что-то всегда ждёт тебя у самого края бездны, чтобы стать твоим проводником в Неведомое, когда, благословив все свои ошибки и назвав их своим священным опытом, ты с отвагой воина и безмятежностью святого шагнёшь в зияющую перед тобой пустоту.

***

Ты так часто говоришь о любви... Взываешь к ней, молишь, отчаянно требуешь. Порой, чтобы вернуть её, совершаешь невероятные подвиги, а порой – глупые, безрассудные поступки. Ради неё идёшь на величайшие жертвы и на подлый обман. Во имя неё клеветнешь и предаёшь, мстишь и караешь, убиваешь и отрекаешься от жизни. Ты оскверняешь её ревностью и неверием, забвением и алчностью.

Она поднимает тебя выше небес, чтобы потом, больно ударив о землю, опро-

кинуть в придорожную грязь. Она способна пробудить в тебе самые низменные чувства, и она же возносит тебя к твоим Истокам. Ты уверяешь себя и других, что любовь движет тобой. Вот только что ты называешь этим словом?

***

Как можно быть счастливой, думаешь ты, зная, что в конце пути тебе предстоит встретиться со смертью один на один? И какой смысл бороться, если трагический итог этой встречи предreshён? Если бы ты только могла поверить, что смерть – не единственный способ покинуть этот мир! Твоё пребывание на Земле тотчас обрело бы смысл.

***

Увлечённый дорогой жизни, человек редко замечает перекрёстки и развилки. Не глядя по сторонам, он лихо несётся вскачь или бредёт наугад, хромя и спотыкаясь. Для него главное – не сбиться с дороги.

Но мудрость путника вовсе не в том, чтобы не свернуть с выбранного пути, а в том, чтобы, оказавшись на перепутье, не ошибиться в выборе направления. И дело тут не в конечной цели его земного путешествия (оно и впрямь всегда заканчивается одинаково), а в том, какие ландшафты его украсят.

***

Мы забыли, кто мы на самом деле. Охваченные страхом и неуверенностью, мы, как испуганные неразумные дети, разбрелись по планете и старательно делаем вид, что заняты серьёзными взрослыми делами. Мы боимся вспомнить о том, что мы – потерявшиеся боги, и заявить об этом во всеуслышание. Ведь если мы признаемся в этом самим себе, нас ослепит и оглушит стыд за то, сколько непоправимых бед мы успели натворить.

***

Ты изнашиваешь свои чувства и мечты ещё быстрее, чем своё тело. Своими страхами и сомнениями ты истощаешь себя и всё, что тебя окружает. Ты гордишься своими муками и страданиями, стремясь искупить несуществующую вину перед теми, кого ты не смогла или не успела сделать счастливыми. В угоду земным богам ты приносишь в жертву собственные таланты и дарования. Из лени или слабости ты предаёшь саму себя, отказываясь от своего божественного предназначения.

***

Ты предпочитаешь называть феерию жизни не волшебным праздником, а жестоким сражением, и с лёгкостью отрекаешься от своего женского начала, стараясь ни в чём не уступать мужчинам: ни в воинственности, ни в безжалостности, ни в рассудочности. Вспомни: твоя сила – в смирении, в сострадании, в сердечности. Начни отдавать, а не требовать, прощать, а не карать, не держи оборону – сделай шаг навстречу своим страхам.

***

Научись признавать и принимать свои ошибки. Будь благодарна Судьбе за каждую. Это бесценные уроки, которые преподала тебе Жизнь. Все они выстраданы и оплачены твоей болью. Осуждая и виня себя за них, ты неразумно отвергаешь золотые слитки опыта, лишая свою душу возможности приобретать то, для чего она предназначена.

***

Мгновения – это разноцветные осколки Вечности. И каждое способно даровать тебе бессмертие, если ты сумеешь удержать его в ладонях и разглядеть в нём отражение собственного величия.

***

Изо дня в день, из года в год ты упрямо сражаешься с Жизнью, восхищая миры и пространства своей неиссякаемой силой. Но, зная о печальном опыте всех ушедших поколений, неужели ты действительно надеешься одержать победу?

***

Не пытайся перехитрить Судьбу и получать больше, чем отдаёшь. Раньше или позже с тебя взыщут, и все долги придёт заплатить сполна. И хорошо, если отделаешься всего лишь деньгами или имуществом; хуже, если отнимут удачу и здоровье. А не захочешь расставаться ни с тем, ни с другим, берегись: расплачиваться придётся жизнями самых близких. Увы! Скрыться от безжалостных и неумолимых кредиторов Судьбы пока не удалось ни одному из смертных.

***

Ты так часто жалуешься на Жизнь, забывая о том, как она милосердна и милостива к тебе, как заботлива и щедра, как часто прощает тебе зло, которое ты причинил себе и другим! Сколько она даёт тебе отсрочек и делает предупреждений, прежде чем... нет, не наказать, а только восстановить вселенскую гармонию, которую ты нарушаешь, пытаясь заставить этот мир служить твоему ошеломляюще глупому и напыщенному человеческому эгоизму.

***

Женщина! Как ты могла забыть о своём царском происхождении?! Ты по собственной воле отказалась взойти на престол, сделавшись бесправной рабыней, и при этом надеешься, что твои дети станут земными царями? Не бывать тому вовек! Разве ты не знаешь, что рабыня способна рожать только рабов?

***

Ты давно повзрослела и телом, и умом, но на этой лучшей из планет и поныне живут твои самые светлые и несбыточные наивные детские мечты и надежды. Почему

они остались только мечтами? Не потому ли, что невесомые грёзы доступней и слаще, больше тревожат сердце и берегут душу, чем замыслы, обретшие плоть? Ведь даже самые удачные из них никогда не оправдывают твоих ожиданий, тая в себе неутолимую печаль разочарования.

***

Все мы изначально совершенны и только играем в несовершенство, искусно притворяясь слабыми и ничтожными. Наше совершенство позволяет нам играть в эту игру. Мы настолько совершенны, что не нуждаемся ни в чём прощении, потому что прощены ещё до совершения всех наших злодеяний. И это мучает нас больше, чем чувство собственной вины и кара небесная, которую мы призываем на свои головы.

***

Ты хочешь, чтобы мир и гармония поселились в твоём сердце? Запомни шесть простых истин. Первая: одиночества боится лишь тот, кто тяготится обществом самого себя. Вторая: неприятности одолевают лишь того, кто не умеет извлекать из них пользу. Третья: зависть гложет лишь того, кто озабочен достижениями других больше, чем своими собственными. Четвёртая: муки творчества испытывает лишь тот, кто сам отказался от радости созидания. Пятая: беда настигает лишь того, кто не желал замечать её приближения. И шестая: смерть страшит лишь того, кто забыл о своём бессмертии.

***

Каждый может поделиться только тем, чем он обладает. Не требуй сердечности и участия от того, кто переполнен гневом и обидой, чтобы потом не винить его (пусть даже заслуженно) за боль, которую он тебе причинил. Сначала прояви терпение и понимание и попробуй исцелить его своей любовью и состраданием. Может быть, тебе это удастся, и взамен ты обретёшь силу и мудрость.

Если же ты не обладаешь ни одной из перечисленных добродетелей и сама ищешь того, кто залечил бы твои раны, то лучше сохраняй душевную дистанцию со всяким, чтобы по мере приближения не обнаружили самые неприглядные стороны его натуры.

***

О, сколь многим удаётся притворяться живыми, хотя они давно уже мертвы! У них даже получается выдавать себя за благополучных родителей, надёжных друзей и преуспевающих дельцов во всех сферах жизнедеятельности социума. Этот мир всегда благосклонен к мертвецам. Живых он обычно оплёвывает и распинает, отдавая на суд разъярённой толпы.

***

Нельзя быть талантливым в разумных пределах. Нельзя быть мудрым наполо-

вину. Нельзя быть частично порядочным. Нельзя быть чуточку щедрым. Нельзя быть слегка добрым. Нельзя быть святым на время. Но люди упорно стараются доказать обратное. Самое поразительное, что некоторым это удаётся. Во всяком случае, они так считают.

***

Человек забыл о том, что он носитель божественной искры, и настолько поверил в то, что он всего лишь разумная биологическая единица социума, что уже бессилен понять, что он делает по зову души и сердца, а что – в угоду общественному мнению.

Он так преуспел в своём стремлении производить впечатление на окружающих, стараясь вызвать у них одобрение или зависть, что порой готов даже идти наперекор потребностям и желаниям собственно эго. Он жаждет не счастья, а признания своих заслуг.

***

Мучительно трудно поверить в то, что жизнь наносит нам удар за ударом вовсе не для того, чтобы сбить нас с ног и растоптать, а чтобы заставить подняться с колен, а иногда хлещет наотмашь, чтобы остановить нас, когда мы несёмся навстречу собственной гибели. Порой, чтобы образумить своих неразумных чад, ей приходится быть суровой и даже жестокой. Но иногда это единственный способ спасти нас от окончательного саморазрушения.

***

Особь женского пола вспоминает о том, что она женщина, когда прекращает притворяться и лгать самой себе. В женщине пробуждается Женщина, когда она становится способна принять и полюбить себя такой, как она есть. В Женщине просыпается Царица, когда она осознаёт свою Красоту, Силу и Мудрость. Женщина становится Богиней, когда начинает боготворить Себя.

***

Наступает момент, когда тебе кажется, что ты сражена наповал, и от твоей жизни остались лишь руины. Но на самом деле пострадала всего лишь твоя гордость, или твоё имущество, или твой статус. Если тело и разум ещё подчиняются тебе, то ты ничего не потеряла, потому что всё остальное – это не ты.

***

Жаль, что о своих безграничных возможностях ты узнаёшь всего дважды: когда приходишь в этот мир и ещё не можешь ими воспользоваться, и когда ты его покидаешь и уже не можешь. Но что мешает тебе умереть при жизни, чтобы родиться заново?

***

Всё то малое и ничтожное, чем ты гордишься и дорожишь, принадлежит не тебе, а твоему телу, и будет отнято у тебя вместе с ним. Дух же твой владеет сокровищами несметными, которые и за чертой небытия пребудут с тобой вовек. Почему же о тленном и скоротечном ты так усиленно печёшься, а о вечном избегаешь даже вспоминать?

***

Миллионы глиняных кукол, рассчитанных всего на одну жизнь, наивно верят, что обладают душой. Знайте: это право ещё нужно заработать. Неужто вы и впрямь думаете, что бессмертный, свободный Дух-исполин согласится запереть себя в тесную клетку человеческого тела только для того, чтобы прожить в нём жалкую, пустую жизнь пигмея, наполненную ничтожными заботами и деяниями своей недолговечной оболочки?

***

Не принимай правду за Истину. Правда – порождение ума, а значит, относительна. Она опирается на факты и существует только как антипод лжи, поэтому нуждается в подтверждениях и доказательствах. Истина – дитя Духа, а значит, всеобъемлюща и самодостаточна.

***

Твой обидчик в ответе лишь за свои действия и слова, направленные против тебя, но не за чувства, которые тебе пришлось пережить. Всю ответственность за свои переживания несёшь ты сама. Зачем же отравлять себя гневом и злобой?

***

Мы, люди, – семена, брошенные на Землю рукой Создателя. Ветер Судьбы несёт нас по пыльным дорогам Жизни, словно ненужный сор. Снег забвения заметает наши следы. И немногим посчастливится прорасти.

***

Ты удивляешься, отчего Судьба так безжалостна к тебе, почему не даёт передышки, вновь и вновь подводя к опасной черте? Но ведь это единственный способ напомнить тебе о том, что ты всё ещё жива. Увы! Ты вспоминаешь об этом только перед лицом смерти.

***

Не спеши принимать помощь от всякого, кто подаёт тебе костыль. Научись обходиться собственными ногами. Подобный благодетель с лёгкостью превратит тебя в калеку.

***

Тебе не нужна сила – ты обходишься слабостью. Тебе не нужна мудрость – ты обходишься невежеством. Тебе не нужна любовь – ты обходишься привычкой. Тебе не нужен Бог – ты обходишься религией. И на это столь доступное и достижимое, что имеешь и чем довольствуешься, ты тратишь целую жизнь.

***

О, женщина! В твоих ладонях уместается Вечность, а ты не можешь удержать даже Землю. Ты способна подняться в небо, но забиваешься в щель. Твоё предназначение – владычествовать, а ты покорно выбираешь рабство. Весь мир принадлежит тебе, а ты соглашаешься на жалкие крохи. Что же заставит тебя признать, наконец, своё величие и явить миру всё своё великолепие?

***

Величайшая возможность, дарованная тебе твоим Создателем, – это право совершать ошибки. Несравнимо большая награда – это способность их признавать. Но наивысшая твоя привилегия – это умение превращать ошибки в собственные достижения.

***

Ты называешь клетку, в которую забралась, своим миром; догмы, которым следуешь, – своими убеждениями; накопленные сведения – знанием; свою слепоту – здравым смыслом; невежество – верой; а факты своей биографии – жизнью.

***

Если отнять у тебя то, что было вложено и вбито родителями и учителями, что у тебя останется действительно твоего? Знай: истинно твоё только то, с чем ты пришла Оттуда, и то, что ты сможешь унести с собой Туда.

***

Ты стучишь, но не открывают. Ты просишь, но не дают. Ты взываешь, но не откликаются. Ты ищешь, но не находишь. И ты теряешь веру... Почему? Потому что ты ищешь Его, а надо искать Себя. Потому что ты веришь в Него, а надо верить в Себя. И тогда ты поймёшь, что Он и Ты – Одно.

***

Ты удивляешься, почему одни процветают и благоденствуют, а другие терпят лишения и пребывают в беспросветной нужде? Знай: этот мир щедр и обходителен с теми, кто берёт в долг, и неумолимо жесток к тем, кто платит по счетам.

***

Если ты увидела своё отражение в грязной луже, это вовсе не означает, что тебя коснулась грязь. Если ты побывала в храме, это вовсе не означает, что тебя осенила Божья благодать.

***

Не суди о женщине по её словам и поступкам. Она мудрее и загадочней, чем её слова, и величественнее и необъяснимей, чем её поступки. Её слова и поступки ничего не значат. Имеет значение только то, что скрывается за словами и поступками. Трагедия её в том, что она сама об этом не знает.

***

Человек отправляется в жизнь, как на войну, готовясь к победам и поражениям. Пытаясь выжить, он бьётся насмерть и не может расслабиться ни на минуту. На войне – как на войне. И лишь очень немногие понимают, что наша жизнь – не смертельная битва, а короткий, немного печальный и немного бестолковый праздничный карнавал на обочине Вечности.

***

Не относись к себе слишком серьёзно. Ничто не делает нашу жизнь такой тягостно-однообразной и такой безрадостной, как наше чересчур серьёзное отношение к собственной персоне. Чтобы заставить нас расстаться с нашей дурацкой серьёзностью, судьба время от времени раздаёт нам увесистые оплеухи и звонкие затрещины. Но мы умудряемся даже их воспринимать всерьёз, превращая буффонаду в трагедию. И вместо того, чтобы весело посмеяться над собой, мы истощно вопим и горестно плачем навзрыд.

***

Не ищи причину – ты и есть Причина. Не ищи цель – ты и есть Цель. Не ищи богатства – ты и есть Богатство. Не ищи мудрости – ты и есть Мудрость. Не ищи Бога – ты и есть Бог.

***

Большая часть твоей жизни прожита лишь в твоём воображении – не в поступках и даже не в словах, а в мечтах и фантазиях. Ты блуждаешь в запутанных лабиринтах разума и думаешь, что живёшь. И даже там, наедине с собой, укрывшись от внешнего мира, ты не можешь обойтись без лжи и притворства.

***

Сказано: «Мыслю – значит, существую».

А я говорю: «Чувствую – значит, живу».

Ты ещё даже не начинала жить. Твои чувства скованны страхом. Ты кормишь

собой чудовищ, выдающих себя за тебя. Посади на цепь свою гордость; обуздай, усмири свою алчность; усыпи-убаюкай зависть, заболтай свой несправедливый гнев, распрощайся навеки с лживостью и предай забвенью обиды. Тогда ты действительно узнаешь, что значит – Жить.

***

Женщине так отчаянно хочется обустроить своё маленькое человеческое счастье, что она напрочь забывает о том, что сюда её привёл Дух, которому нет никакого дела до её ничтожных и скоротечных земных радостей и невзгод. Имеет значение только одно – сумеет ли она вспомнить, Откуда пришла и Куда уйдёт.

***

Ты развлекаешь себя взлётами и падениями с подиумов и пьедесталов, которые сама же воздвигаешь на своём жизненном пути. Но крылья тебе даны для того, чтобы, взлетев выше облаков, ты воспарила над житейской суетой.

***

Ты в обиде на весь мир? Но ведь глупо обижаться на собственное отражение в зеркале мира. Стоит сменить выражение лица – и изменится мир.

***

Всю свою жизнь ты ищешь поддержки у других, а когда не находишь, то называешь это предательством. Неужели тебе так страшно поверить в себя?

***

Не верь ничьим словам о тебе и не дорожи ничьим мнением о твоей персоне, тем более не пытайся его опровергнуть, каким бы превосходным или дурным оно ни было. Тебя слишком много, чтобы вписаться в чьё-то представление о тебе.

***

Все несметные богатства мира не сравнятся с тем заветным сокровищем, что скрыто у тебя внутри. Всё нетленное и настоящее: Свет, Радость, Любовь приходит к нам оттуда, а вовсе не извне.

***

Неужто тебя устраивает жизнь недолговечного биологического механизма, основная функция которого состоит в том, чтобы перерабатывать и усваивать животно-растительную и информационную пищу и воспроизводить себе подобных? К тому же этот сложный механизм нуждается в постоянном уходе и время от времени выходит из строя, требуя вмешательства в его работу и помощи от подобных ему механизмов.

***

Ты жалуешься на душевную боль? Но как иначе пробудить тебя к жизни? Только так душа способна заставить тебя вспомнить о ней. Или без души было бы проще?

***

Ты приходишь в этот мир с радостной надеждой написать золотыми буквами гениальную захватывающую книгу своей жизни, но тебе едва хватает времени, сил и таланта, чтобы нацарапать на смятом клочке бумаги какие-то неразборчивые каракули.

***

В детстве ты открыта миру и переполнена любовью к окружающим. Ты готова доверять каждому и делиться всем, что имеешь, с первым встречным. Куда потом деваются эти прекрасные, светлые чувства? Почему на смену им приходят страх, подозрительность, корысть и алчность?

***

Жизнь пытается научить нас умению прощать и любить всех, а мы упорно учим своих детей любить только себя и не доверять никому.

***

Богатое воображение жизненно необходимо писателям и художникам. Для них это источник вдохновенных замыслов и духовных откровений. Для обычных же людей этот небесный дар лишь дополнительный генератор мелких неприятностей и крупных проблем.

***

– Когда ты научишься радоваться препятствиям на своём пути...
– Я научусь их преодолевать?
– Нет.
– Обходить стороной?
– Нет.
– Убирать с дороги?
– Тоже нет. Ты научишься извлекать из них пользу для себя и других, превращая преграды и помехи на твоём пути в груды золота.

***

Не забывай, что когда ты обновляешься, в очередной раз возрождаясь из пепла, как огненная птица Феникс, вместе с добродетелями возрождаются, возвращаясь к жизни и обретая новую силу, и все твои пороки.

***

Чем сильнее и могущественнее ты становишься, тем мягче, нежнее и уязвимее должно становиться твоё сердце. Это закон, который не может быть нарушен. И если этого не случится, то твоя собственная сила уничтожит тебя изнутри.

***

Я не знаю, что страшнее – слепота физическая или духовная. Физическая слепота не позволяет видеть воочию тесное и ограниченное пристанище для телесных оболочек, духовная же слепота лишает возможности узреть саму Вечность, обитель Духа.

***

Тебе дан во владение весь мир, а ты сетуешь на судьбу всякий раз, когда не можешь получить очередную безделушку.

***

То, что ты называешь наказанием или карой, на деле оказывается испытанием, пройдя которое, ты получаешь шанс изменить свою судьбу. Отказываясь проходить его, ты отказываешься и от этого шанса.

***

Тебе хватает смелости только на то, чтобы обвинять во всех своих бедах других. Для того, чтобы взять ответственность на себя, смелости уже не остаётся.

***

Люди – как музыкальные инструменты, на которых играет их Создатель. Чаще всего попадают простые, незатейливые дудки, назойливые свистульки и оглушительные барабаны. Значительно реже встречаются арфы, скрипки и рояли. И лишь иногда появляются на Земле могучие таинственные органы.

***

В юности ты мечтаешь покорить весь мир, а в старости понимаешь, что не справилась даже с собственными страхами.

***

Истинное мужество вовсе не в том, чтобы решиться на поступок, а в том, чтобы, совершив его, взять на себя всю меру ответственности за его последствия.

СЕРГЕЙ ШАУЛОВ

*Мансуру Векилову,
с выси заоблачной открывшему
многим и мне путь к подножью Олимпа*

Сиренево-розовые облака

**А вчера поутру сосны-сёстры в дыму
Облаков**

**цвета розы с сиренью,
Да кизячный дымок, мой по детству дружок,
Вился-снился по крышам селенья.**

**Я когда-то уйду в облака поутру.
Жизнь моя! Поцелуй ты мой свадебно-горький...
Мне бы жить-не тужить, мне бы песню сложить
На хрустящей от инея зорьке.**

Новогоднее

**Снова хрупкий мой бокал золотится,
Хмель в головушке парит сизей птицей,
Ёлка, взгляд заворожив, светит месяцем,
Блещет Новый год во мне, вьюгой бесится.**

**Как шаманы бьют года в бубен свой,
Вот ещё одна весна в жизни той,
И кружит меня судьба, хохоча,
Я дерзнул её обнять сгоряча.**

**Не лобзай меня, тоска, шалой стервою,
Новый год зажёт меня новой верою.
Свищет-хлыщет ночь в зиме, что за диво:
Звонко пой, Весна, в друзьях, будь счастливой!**

